

Г. И. ЩЕТИНИНА

**УНИВЕРСИТЕТЫ
В РОССИИ
И УСТАВ
1884 ГОДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Г. И. ЩЕТИНИНА

УНИВЕРСИТЕТЫ
В РОССИИ
И
УСТАВ
1884 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва · 1976

Монография посвящена общественно-политической деятельности университетов и политике царского самодержавия в отношении высших учебных заведений России 70—90-х годов XIX века. Автор рассматривает социальный состав профессоров (на основе анализа послужных списков) и студенчества, их положение, отношение профессуры и университетских корпораций к внутренней политике самодержавия, а также отношение русской общественности к университетскому вопросу и студенческому движению тех лет. Анализируется университетский устав 1884 года, его проведение в жизнь и влияние на характер и организацию преподавания в русских университетах. В книге используются архивные материалы по теме из хранилищ Москвы и Ленинграда.

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор П. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении пореформенных десятилетий университеты России играли определенную роль в общественно-политическом движении, достигнув кульминационной активности в последнюю четверть XIX века. В. И. Ленин объяснял это явление реальными общественными условиями, которые, «с одной стороны, порождают непримиримое противоречие между самодержавием и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения, а с другой стороны,— чрезвычайно затрудняют (скоро надо уже будет говорить: затрудняли) иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов»¹.

Роль университетов в общественно-политической жизни определялась не только их передовыми традициями как центров научной мысли, объединявших творческие силы русской интеллигенции. Она была органически связана с новыми общественными явлениями, вызванными развитием капитализма в России. Уже с 70-х годов XIX в. под влиянием революционной борьбы с самодержавием оживилась либерально-буржуазная оппозиция в печати, земствах и университетах. Единство выступлений профессорских коллегий и отдельных университетских преподавателей с либеральным лагерем выразилось в непосредственном участии профессоров в общественной деятельности в земствах, в городских думах, а также в сотрудничестве в органах либеральной печати. Несмотря на слабость и умеренность оппозиции университетских советов она не оставалась без отклика в демократических кругах общества.

В пореформенную эпоху студенческое движение, которое Ленин считал элементом революционной ситуации, служило составной частью и резервом революционного движения, расширяя базу социального протеста. Процессы, происходившие в рядах студенчества, отражали социальные сдвиги, происходившие в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 352. Оговорка относится ко времени возникновения в стране политических партий и организованного массового рабочего движения.

развитии России, а также изменение взглядов представителей разносословной русской интеллигенции того времени. Борьба студентов оказывала определенное воздействие на позицию университетской интеллигенции, что повышает научную значимость ее изучения. Естественно, тема — участие студенчества в революционном движении вне стен университетов — имеет большое самостоятельное значение, и мы не ставим перед собой задачи всестороннего и полного ее освещения.

Исследование университетского вопроса помогает раскрыть взаимодействие революционного и демократического движения в борьбе против царского режима, падение престижа самодержавия в широких кругах демократической интеллигенции и прежде всего передовой студенческой молодежи.

С историей университетов связана малоизученная сторона русской культуры. В исторической литературе имеются работы об отдельных университетах, о выдающихся представителях передовой научной мысли, о достижениях науки. Цель данной работы — рассмотреть общественно-политическую роль университетов России в последней четверти XIX в. Важность исследования социальных аспектов истории национальных университетов нашла отражение, в частности, в деятельности современной Международной комиссии по истории университетов. На XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в ее программу вошли вопросы: роль университетов в обществе, социальное происхождение преподавателей, студентов, преподаватель университета как социальный тип. Комплекс этих проблем является также предметом нашего исследования.

Развитие университетов проходило в рамках университетского устава 1884 г., определившего структуру русских университетов вплоть до 1917 г. В борьбу против реакции в период подготовки и проведения в жизнь устава втягивалось радикальное студенчество и передовые профессора. Отсюда важность изучения вопроса о соотношении общественно-политического движения и внутренней политики самодержавия.

Рассмотрение общих тенденций в развитии российских университетов объясняет, почему даже такой относительно консервативный слой интеллигенции, как профессура, оказался к началу XX в. в открытой оппозиции к правительству. Немаловажным обстоятельством послужила и политика царизма в области просвещения и науки. Вопрос о соотношении политики государства с функционированием научных центров, прежде всего университетов, объективно выдвигался на одно из первых мест. Нерешенность его в дореволюционной России вызывала недовольство научной интеллигенции, преподавателей университетов.

Университетская контрреформа 1884 г. открыла эпоху политической реакции 80-х — начала 90-х годов и была первым звеном в законодательстве правительства Александра III. Ее подготовка и обсуждение выявили различные политические на-

правления в правительственных кругах, отличавшиеся наиболее острыми разногласиями в начале 80-х годов, непосредственно после кризиса верхов. Резкие колебания политики в отношении университетов, борьба правительственных группировок отразили характерные для того времени расстановку классовых сил и особенности общественно-политической борьбы. В отличие от контрреформ конца 80-х — начала 90-х годов, вредные последствия которых были частично парализованы социально-экономическими процессами 90-х годов, осуществление университетского устава протекало в обстановке нарастания реакции, что обусловило внимание к вопросам его реализации.

Общественно-политическая борьба по университетскому вопросу отчасти совпадает с выделенным В. И. Лениным разночинским, революционно-демократическим этапом освободительного движения в России. При освещении ряда вопросов мы привлекали источники, по времени выходящие за хронологические рамки исследования эпохи 70-х — начала 90-х годов.

Общественно-политическая роль университетов России, сущность революционной ситуации, соотношение реформ и революции, характер внутренней политики 80-х годов и ее причины привлекали внимание К. Маркса и Ф. Энгельса в их переписке с русскими революционными и общественными деятелями. Эти проблемы затрагивались в связи с задачами революционной борьбы с самодержавием. Несмотря на внешнее «затишье» для К. Маркса и Ф. Энгельса не остались тайной противоречия социально-экономического развития. В России, где «все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, ... все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в такой стране начать с 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год»¹. Интерес основоположников марксизма к народному образованию, положению учебных заведений, студенческим протестам определялся не только важностью разоблачения царизма перед европейским общественным мнением. «Мы живейшим образом интересуемся всем, что способствует народному образованию, — писал Ф. Энгельс по поводу ремесленных школ, — а вместе с тем, хотя бы косвенным образом, революционному движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса»².

Интерес к передовым теориям, к мировому революционному движению, характерный для русской демократической молодежи, вызвал замечание Ф. Энгельса о том, что «теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежи-

¹ Письмо Ф. Энгельса В. Засулич 23 апреля 1885 г. («К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия», М., 1967, стр. 515).

² Письмо Ф. Энгельса М. К. Горбуновой-Каблуковой 22 июля 1880 г. (там же, стр. 410). Вместе с тем следует отметить, что конкретных высказываний основоположников марксизма мало, и это повышает интерес к их отдельным замечаниям по интересующим нас вопросам.

ще в России»³. Эти оценки были в дальнейшем дополнены и углублены В. И. Лениным.

В определении роли второй революционной ситуации, причин и характера политической реакции 80-х — начала 90-х годов особое место занимает работа В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма»⁴. Поводом к ее созданию послужила записка министра финансов С. Ю. Витте⁵ с предисловием П. Б. Струве. Начав с вопроса о развитии земства, В. И. Ленин раскрыл особенности революционного натиска 1879—1881 гг., поражение которого определило недолговечность колебаний правительства, лорис-меликовской системы и, в конечном счете, победу реакции.

Развенчивая легенду о «конституции» Лорис-Меликова, В. И. Ленин отмечал, что «осуществление лорис-меликовского проекта могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия»⁶.

Причины реакционного политического курса В. И. Ленин объяснял расстановкой классовых сил в начале 80-х годов: «Только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»⁷.

Анализ политических причин победы реакции дополнил замечание о социально-экономических корнях дворянской реакции. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин писал о других «общественных отношениях» в пореформенной России: «Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»⁸. Итак, помещичье землевладение,

³ Письмо Ф. Энгельса В. Засулич 6 марта 1884 г. (там же, стр. 499).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 25—72.

⁵ «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов ст.-секр. С. Ю. Витте (1899 г.)». 1901 г. Заголовок принадлежит П. Б. Струве. Записка Витте имела более общее название: «По поводу непреложности законов государственной жизни».

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 43.

⁷ Там же, стр. 44.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 295.

наличие феодально-крепостнических пережитков в пореформенной экономике таило опасность возрождения реакции в политике.

В противовес утверждениям буржуазных историков, определявших реакцию только как попятное движение, В. И. Ленин внес существенно новое в понимание характера эпохи, определив, что «шаг назад» в 80-х годах был сделан «на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без „плутократии“, без железных дорог, без растущего третьего элемента»⁹.

В работах В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов»¹⁰, «Задачи революционной молодежи»¹¹, «Студенческое движение и современное политическое положение»¹² и других содержится анализ студенческого движения в России, общественно-политической роли пореформенных университетов¹³. Обобщив опыт массовых репрессий против студенчества, В. И. Ленин впервые показал неизбежность превращения при самодержавии академических выступлений в протест «против всей системы полицейского и чиновничьего самовластья»¹⁴.

Это замечание было высказано по поводу временных правил 1899 г., но по существу может быть отнесено и к университетскому уставу 1884 г. Участие в студенческих волнениях 1887 г., направленных против этого устава, было первым политическим выступлением молодого В. И. Ленина. Его «боевое крещение» последовало почти сразу же после трагической гибели старшего брата.

В. И. Ленин первым обратил внимание на соответствие группировок внутри студенчества политическому делению общества. Связанное миллионами нитей со всеми классами и слоями общества, студенчество было, по определению В. И. Ленина, «самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹⁵. Вследствие этого студенческое движение приобретало в период реакции значение «симптома», что «не только в студенчестве начинается реакция — против реакции»¹⁶. Передовое студенчество пореформенной России В. И. Ленин рас-

сматривал как отряд буржуазной демократии, видя в университетах своеобразную политическую школу для молодого поколения русской демократической интеллигенции.

* * *

В дореволюционной и советской исторической литературе имеется ряд работ, посвященных истории отдельных университетов. В настоящей работе не представляется возможным даже перечислить все статьи по различным аспектам истории университетов¹⁷.

Мы остановимся кратко на основных работах, в которых проявились наиболее характерные, на наш взгляд, тенденции в подходе к проблемам нашего исследования.

Вопрос об общественно-политической роли университетов даже не ставился в дореволюционной либерально-буржуазной историографии. Тем не менее в статьях об университетском образовании, в обзорах и лекционных курсах по истории России содержится оценка отдельных периодов истории университетов, университетских уставов, выступлений студенчества и профессуры. Пристальное внимание к истории университетов в либерально-буржуазной историографии объясняется характерным для нее преувеличением роли просвещения в общественном развитии.

Дореволюционная историография конца XIX — начала XX в. отразила в области идеологии устремления представителей буржуазии. В условиях надвигавшейся революции историки либерально-буржуазного направления отстаивали положения о творческой, всесильной роли государства в историческом развитии России. Представитель государственной школы в историографии Б. Н. Чичерин в книге «Россия накануне XX столетия» провозгласил переход от самодержавия к конституционной монархии исторической задачей России в XX в. Политический курс Александра III не соответствовал идеалу либералов о реформах «сверху» как средству мирного буржуазного преобразования.

Контрреформы у Б. Н. Чичерина, как и у других представителей либеральной историографии, вызывали резкое осуждение в отличие от «светлой» эпохи 60-х годов. Из-за негативной оценки вопрос о социально-политической сущности реакции не ставился вообще. Б. Н. Чичерин односторонне считал контрреформы «повторением политики дореформенного времени»¹⁸. Причины наступления реакции он объяснял влиянием революционного движения: «Благодаря социалистической пропаганде русское общество лишилось плодов великих преобразований

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 81.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 391—396. Статья была написана в январе 1901 г. См. «Искра», 1901, № 2.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 341—356.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 214—220.

¹³ Подробнее см.: Г. И. Щетинина. В. И. Ленин о студенческом движении в России. — Сб. «История и историки». М., 1972, стр. 355—373.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 392.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 219.

¹⁷ Мы отсылаем читателей к подробному библиографическому указателю: «Университеты в СССР и за рубежом». М., 1962.

¹⁸ Б. Н. Чичерин. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1900, стр. 161.

Александра П. Именно эта пропаганда вызвала реакцию; она же продолжала служить ей главной опорой»¹⁹. Устав 1884 г. привел «к полному его [просвещения.—Г. Щ.] расстройству, к падению всякого нравственного авторитета и, в конце концов, к новым смутам»²⁰.

Историк П. Н. Миллюков в «Очерках по истории русской культуры» и в статье «Университеты в России»²¹ отмечал влияние студенческих волнений на состояние университетского вопроса. Анализ правительственной политики в отношении университетов он сводил к историческому сравнению университетского строя в России с исторически сложившимися типами западноевропейских университетов: «Учебное устройство должно было реорганизоваться по-немецки, а управление университетом по-французски, на началах административной централизации»²². Взгляд на иностранные университеты как своего рода образцы организации высшего образования был впервые обоснован К. Д. Кавелиным²³ в соответствии с характерными для либералов поисками политических идеалов на Западе. Заимствованный последующей буржуазной историографией этот тезис был использован для противопоставления университетского образования России и Западной Европы.

История Харьковского университета была предметом исследования академика, профессора Харьковского университета в 1890—1921 гг. В. П. Бузескула²⁴. Оно насыщено ценным фактическим материалом, не утратившим и поныне своего значения.

В ходе полемики по университетскому вопросу в начале XX века появился ряд статей. Будучи публицистическими произведениями своего времени, они отчасти принадлежат к историческим работам. Одной из причин их появления был кризис правительственного курса в отношении университетов, рост общественного недовольства накануне первой русской революции. Характерной чертой содержания статей было обоснование необходимости отмены устава 1884 г. В них нашла выражение значимость университетского вопроса в общественно-политической жизни пореформенной России. Затруднительно назвать политического или общественного деятеля, ученого или публициста, который не высказал бы в отношении его своей позиции.

Статья историка-медиевиста, профессора Московского университета П. Г. Виноградова отразила характерное для буржуазных кругов преувеличение роли просвещения в общественном развитии. Сторонник университетской автономии П. Г. Виноградов разделял иллюзию о совместимости самоуправления с самодержавным строем. Он придавал огромное значение университетам, дающим «направление и жизненные импульсы» всей системе образования. «Тревожная постановка университетского вопроса для общества,— писал он,— все равно, что диагноз порока сердца для больного»²⁵. Устав 1884 г. он рассматривал как «выражение недоверия к добросовестности и благонадежности профессорских коллегий»²⁶, чуждых, по его мнению, каким-либо политическим тенденциям.

В. А. Воробьев также оценивал устав 1884 г. как проявление «недоверия к университету со стороны высшей администрации»²⁷, а студенческое движение как «хроническое бедствие наших университетов»²⁸. Но в отличие от П. Г. Виноградова, заявившего, что закон 1884 г. уже «потерпел полное крушение без всякой формальной отмены»²⁹, В. А. Воробьев с большим основанием констатировал, что «общий дух устава сохранился почти в неприкосновенности до сих пор, вопреки всем указанным жизненным опытам, и большинство последующих изменений устава были направлены к достижению главной, намеченной в 1884 г. цели: водворить в университете мир и гарантировать спокойное течение академической жизни посредством полицейского режима»³⁰. Типично либеральную трактовку студенческих волнений в университетах разделял С. Н. Трубецкой³¹. Ценные фактические данные, сообщенные выдающимся ученым, искренне заинтересованным в развитии науки и образования, и процветании университетов, тонкий анализ подготовки и реализации устава 1884 г. отличают брошюру В. И. Вернадского³². Для этой группы статей, как и для либеральной историографии в целом, характерны неумение объяснить причины и характер реформ социальной структурой, интересами отдельных слоев господствующего класса, сведение исторического процесса к «сознанию», «влияниям» и т. д.

Студенческое движение, которое в начале XX в. под влиянием борьбы рабочего класса и социал-демократической пропа-

¹⁹ Б. Н. Чичерин. Указ. соч., стр. 85.

²⁰ Там же, стр. 49.

²¹ П. Н. Миллюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1897; «Университеты в России». — «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона», т. 68. СПб., 1902, стр. 788—800.

²² П. Н. Миллюков. Указ. соч., ч. 2, стр. 338.

²³ К. Д. Кавелин. Наука и университеты на Западе и у нас. — К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. 3. СПб., 1899.

²⁴ «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)» (Харьков, 1906) написан профессорами Д. И. Багалеем, Н. Ф. Сумцовым, В. П. Бузескулом. Последнему принадлежит глава «История университета (1884—1905)», стр. 243—329.

²⁵ П. Г. Виноградов. Учебное дело в наших университетах. — «Вестник Европы», 1901, кн. 10, стр. 538.

²⁶ Там же, стр. 544.

²⁷ В. А. Воробьев. К истории наших университетских уставов. — «Русская мысль», 1905, № 12, стр. 8.

²⁸ Там же, стр. 9.

²⁹ П. Г. Виноградов. Указ. соч., стр. 549.

³⁰ В. А. Воробьев. Указ. соч., стр. 8.

³¹ С. Н. Трубецкой. Университет и студенчество. — «Русская мысль», 1897, кн. 4.

³² В. Вернадский. Об основаниях университетской реформы. М., 1901.

ганды приобретало все более последовательно политический характер, вызывало в либеральных кругах интерес к его истории. Это нашло отражение, в частности, в издании работ С. Мельгунова о студенческих обществах и организациях³⁴. С. П. Мельгунов — либерально настроенный историк (впоследствии противник Великой Октябрьской социалистической революции, белоэмигрант). Его книги содержат подробное и внешне беспристрастное описание студенческих обществ, отводя первое место быту студенчества. Деятельность организаций в его изложении оторвана от общественно-политического движения. Смена этапов студенческих выступлений автора не интересовала. Такой же уклон к «бытовой» стороне жизни студенчества был характерен и для обстоятельной, также насыщенной ценным фактическим материалом работы Б. Фроммета³⁵.

Вследствие широкого распространения идей марксизма в начале XX в. появляется ряд исследований первых историков-марксистов. В становлении марксистской историографии определенную роль сыграли работы М. Н. Покровского. Одной из первых работ по проблемам внутренней политики царизма была статья М. Н. Покровского³⁶, в которой проявилась характерная для ранних работ автора переоценка экономического фактора в истории. В частности, причины реакции 80-х годов М. Н. Покровский объяснял падением хлебных цен на мировом рынке. «Исход борьбы народолюбцев с правительством»³⁶ он признавал менее важным фактором. И позднее автор не отказался от этого взгляда. Нельзя согласиться с М. Н. Покровским в оценке контрреформ как признаков «ликвидации буржуазной монархии»³⁷, расцвет которой падает на 60-е годы. Процесс, имевший место в 80-е годы, он определяет как удачную «реставрацию» режима Николая I³⁸.

В буржуазных реформах В. И. Ленин видел лишь шаг «по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»³⁹, постоянно отмечая половинчатость уступок самодержавия. И 40 лет спустя оно оказалось бессильным реставрировать режим Николая I. Реакционная политика, направленная на подавление любого проявления оппозиционности, охарактеризована М. Н. Покровским слишком узко. «Из буржуазных кругов,—

инсал он,— реакция захватила только крайне левое крыло, непосредственно связанное с революционным движением»⁴⁰, острейшим своим устав 1884 г. был направлен вовсе не против профессуры, а против студенчества⁴¹. Студенческому движению М. Н. Покровский отводил в своих работах значительное место, считая студенчество с середины XIX в. «главным корпусом» крайне левой социалистической интеллигенции⁴².

Проблемы внутренней политики 80-х годов и общественного движения вызвали интерес историков на протяжении всего периода становления советской исторической науки.

Книга В. И. Орлова⁴³ интересна как попытка марксистского исследования студенческого движения. В. И. Орлов, участник студенческого движения 1902 г., противопоставил мнениям буржуазных историков об академическом характере движения доказательство его политической роли. Основанием работы, кроме личного архива, послужили уже известные статьи буржуазных авторов, воспоминания. В главе «Пореформенный университет» автор при сравнении уставов 1863 и 1884 гг. не нашел между ними существенных различий. В далеко не безразличной для университетов «замене выборного ректора назначенным министром» он не замечает «ни принципиального, ни практического отклонения от прежнего устава»⁴⁴. В. И. Орлов не разграничивает также позиций реакционной и передовой профессуры⁴⁵. Несколько утрированно звучит ряд высказываний автора вроде оценки Московского университета как «казенной фабрики чиновников»⁴⁶ и др.

В работе на эту же тему П. С. Ткаченко⁴⁷ показана роль московского студенчества в общественно-политическом движении, влияние народничества, возникновение марксистских кружков и распространение марксистской литературы среди московского студенчества. Автор привлёк широкий круг источников. Однако в ряде случаев работа страдает некоторой описательностью. Не вполне точно изложена политика правительства в университетском вопросе: «В обстановке нараставшей открытой реакции (после 1 марта 1881 г.) мракобесы Победоносцев, Толстой и Делянов, вдохновляемые тогда Катковым, разработали новый университетский устав. В правительственных кругах установилось полное единение в отношении усиления репрессивных

³⁴ С. П. Мельгунов. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904; он же. Студенческие организации 80—90-х годов в Московском университете. М., 1908.

³⁵ Б. Фроммет. Очерки по истории студенчества в России. СПб.—М., 1912.

³⁶ М. Н. Покровский. Общая политика правительства 1866—1892 гг.—«История России в XIX в.», т. 5. СПб., изд. «Гранат», 1909.

³⁷ Там же, стр. 60.

³⁸ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. IV. М., 1934, стр. 201.

³⁹ Там же, стр. 205.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 165.

⁴¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1931, стр. 219—220.

⁴² Там же, стр. 220.

⁴³ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. IV, стр. 273.

⁴⁴ В. И. Орлов. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.

⁴⁵ В. И. Орлов. Указ. соч., стр. 66.

⁴⁶ Там же, стр. 73—90.

⁴⁷ Там же, стр. 70.

⁴⁸ П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России 2-ой половины XIX в. М., 1958.

мер к студенчеству и всемерного расширения роли инспекции»⁴⁸. Проект устава был разработан задолго до 1 марта 1881 г., а «полного единения» в правительственных кругах, что и явилось весьма знаменательным симптомом, не было достигнуто даже в период контрреформ, принятых также в обстановке разногласий в «верхах». Автор не различает течений внутри правительства: в одном ряду с упомянутыми деятелями фигурирует и «ярый реакционер Лорис-Меликов»⁴⁹.

Впервые всесторонняя научная оценка периода контрреформ была дана видным советским историком С. Н. Валком во втором томе «Истории СССР» 1940 г. В главе «Монархия Александра III. Политическая реакция 80-х годов»⁵⁰ автор с марксистских позиций объяснил причины победы политической реакции расстановкой классовых сил в начале 80-х годов и поражением революционного народнического движения. С. Н. Валк отметил некоторую «осторожность», характерную для начального периода реакции. Эта точка зрения была принята в исторической литературе и нашла отражение в учебниках для вузов.

Профессор П. А. Зайончковский высказал мысль о том, что «реакционный курс правительства Александра III не представлял собой чего-либо принципиально нового»⁵¹. В книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов» автор раскрыл это положение, подчеркнув «единство внутривластного курса» в конце 70-х и в 80-е годы, прерванное лишь дальнейшим развитием кризиса самодержавия⁵². В решениях особого совещания министров в июле 1879 г. уже содержался «образ контрреформ во всех областях государственного управления»⁵³.

Исследованию внутренней политики царизма в период второй революционной ситуации посвящены указанная книга П. А. Зайончковского и работа М. И. Хейфеца⁵⁴. В книге последнего университетский вопрос не рассматривается. П. А. Зайончковский на основе конкретно-исторического анализа пришел к выводу: «Именно героическая борьба народников явилась непосредственной причиной, вызвавшей растерянность правительственных кругов. Однако нельзя забывать, что сама по себе борьба народников являлась лишь выражением настроений крестьянства»⁵⁵. В монографии П. А. Зайончковского

⁴⁸ П. С. Ткаченко. Указ. соч., стр. 127.

⁴⁹ Там же, стр. 132.

⁵⁰ «История СССР», т. 2 (учебник для вузов). М., 1940, гл. 31. См. также «История СССР». Материалы к обсуждению, ч. I. М., 1951, стр. 910—937.

⁵¹ П. А. Зайончковский. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 2, стр. 42.

⁵² П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, стр. 112.

⁵³ Там же.

⁵⁴ М. И. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX века). Кризис правительственной политики. М., 1963.

⁵⁵ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, стр. 474.

рассмотрены правительственные меры против студенческого движения 1879 г., но анализ внутренней политики нуждается в учете особенностей студенческого движения (революционного и академического), а также оппозиционных выступлений либеральной профессуры.

Интерес к истории культуры, характерный для советской литературы на протяжении всего периода ее развития, нашел отражение в монографиях и юбилейных очерках, посвященных отдельным университетам и изданным в разное время⁵⁶. В них содержится ценный материал о научной и учебной деятельности, студенческом движении и других сторонах жизни каждого конкретного университета. На отдельные выводы и извлеченный из архивов материал мы опираемся в нашей работе при рассмотрении тенденций, характерных для развития всех университетов.

В юбилейных очерках разделы, касающиеся непосредственно интересующей нас темы, как правило, не выходят за пределы общих положений.

В последнее время оживился интерес к некоторым аспектам темы, в частности к политической реакции 80-х годов. В 1970 г. вышло в свет фундаментальное исследование П. А. Зайончковского «Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов)». Автор анализирует состояние «верхов», многочисленные проекты в области преобразования земств, суда, цензуры, просвещения (стр. 309—365), их обсуждение в правительственных сферах, проведение контрреформ: закона о земских начальниках, земского положения 12 июня 1890 г., городского положения 11 июня 1892 г. Перед читателем проходит галерея «вершителей судеб» России 80-х гг.: Александр III, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев и другие. Ценны выводы о существенных различиях итогов реакционной политики в различных областях. Наибольшего успеха реакции удается достигнуть в цензурной политике, в насаждении национализма, административного произвола (стр. 430),

⁵⁶ М. К. Корбут. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804—1929), т. II. Казань, 1930; А. В. Крицун. Одесский университет в 1865—1899 гг.— «Одесский университет за 75 лет (1865—1940)». Одесса, 1940; Г. А. Повицкий. Учебная деятельность Московского университета в 1859—1895 гг.— «История Московского университета», т. I. М., 1955 (глава 8); С. С. Дмитриев. Научная деятельность Московского университета в 1859—1895 гг. (там же, глава 9); П. С. Ткаченко. Московский университет и общественно-политическая и культурная жизнь России в 1861—1895 гг. (там же, глава 10); В. И. Астахов, И. Я. Мирошников. Харьковский университет в период промышленного капитализма (1861 — конец XIX в.)— «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955; П. А. Зайченко. Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева.— «Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880—1955)». Томск, 1960; П. Г. Сладкевич. Университет во 2-ой половине XIX — начале XX в.— «История Ленинградского университета. Очерки». Л., 1969, и др.

т. е. в областях политики, лишь опосредованно связанных с социально-экономическим процессом.

Для исследования эпохи 80-х годов представляет интерес работа С. Л. Эвенчик о К. П. Победоносцеве, в которой, наряду с другими вопросами, рассмотрена его позиция в отношении университетского устава 1884 г.⁵⁷

Дворянский аспект правительственной политики исследован в интересной монографии Ю. Б. Соловьева⁵⁸.

До настоящего времени остается малоисследованным идеологический аспект реакции 80-х годов, который мы стремимся раскрыть через университетский вопрос. До сих пор в литературе, посвященной этой эпохе, нет исследования о соотношении внутренней политики и общественного движения.

Положению различных групп интеллигенции в России посвящена монография В. Р. Лейкиной-Свирской⁵⁹, в которой изучены вопросы формирования интеллигенции и ее социального состава, общественной деятельности, профессиональной подготовки и численности ее кадров, условий труда, материального и общественного положения. В книге, естественно, не исследован комплекс интересующих нас вопросов, так как главной целью работы было рассмотрение того, что представляла собой интеллигенция капиталистической России XIX в. — как часть общественного организма — по своему социальному составу, по членению на профессии, по своей роли в общественной жизни.

Вне пределов монографии остается динамика оппозиционного движения, тот «механизм», который подводил уважаемых, материально обеспеченных профессоров к конфликтам с правящими кругами, к пониманию глубинной связи между наукой и демократией, что особенно проявилось впоследствии в трудах В. И. Вернадского и К. А. Тимирязева.

В зарубежной историографии интересующие нас вопросы затрагиваются лишь походя, даются оценки, не основанные на исследовании. Исключение составляет книга Эльстона Пэтрика «Образование и государство в царской России»⁶⁰, в которой специально рассматривается система образования в России на протяжении двух веков с 1700 г. Автор проявляет явную тенденциозность. Указав в предисловии, что он был студентом Ленинградского университета в 1958—1959 годах, он следующим образом объясняет выбор темы: «Впечатления от советской бюрократии обратило мое внимание к истокам царской модели»⁶¹.

⁵⁷ С. Л. Эвенчик. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. — «Ученые записки Гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 309, М., 1969, стр. 291—300.

⁵⁸ Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

⁵⁹ В. Р. Лейкина-Свирская. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. См. нашу рецензию: «История СССР», 1971, № 5.

⁶⁰ Patrick Alston. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969.

⁶¹ Ibid., p. IX.

Книга изобилует категориями: «бюрократический национализм», «официальный либерализм», «академический формализм», применяемыми к самым различным эпохам, что свидетельствует о несколько абстрактном подходе автора к проблемам образования. Глава «Кризис монолитного контроля» посвящена периоду 1875—1905 гг.

Э. Пэтрик смешивает процессы, происходившие в образовании, с правительственной политикой; рост численности и демократизацию состава учащихся он рассматривает как следствие толстовской системы⁶². Очевидно, что совпадение во времени демократизации состава учащихся с курсом Д. Толстого, тормозившим развитие образования на всех уровнях, не позволяет сделать подобного заключения. Более того, автору чужда идея о борьбе общественных сил (носителем прогресса, по его мнению, выступало в России государство) за демократические условия развития высшего образования.

Автор справедливо отмечает, что даже после 1881 г. правительство не смогло «повернуть образование», как это удалось Николаю I⁶³.

Из краткого историографического обзора следует, что тема не исследована монографически в дореволюционной и советской историографии, как и в современной зарубежной литературе. Для решения многих вопросов потребовалось обратиться к новому архивному материалу, не привлекавшему прежде внимания исследователей, и сопоставить его с известными источниками.

⁶² Ibid., p. 115.

⁶³ Ibid., p. 139.

Исследование внутренней политики в области университетского образования и общественно-политической роли университетов основано на широком круге источников. По своему происхождению они делятся на источники официального делопроизводства, личного происхождения (письма, дневники и мемуары) и материалы прессы и публицистики, отразившие общественно-политическую борьбу по университетскому вопросу. Каждая из групп требует особых приемов критики и анализа. Если первые две группы представлены в основном архивными материалами, то последнюю группу составляют печатные источники.

Официальные документы. Правительственные меры в отношении университетов, как правило, не подвергались гласности, разрабатывались «под покровом канцелярской тайны»; документы официального делопроизводства наиболее полно освещают как правительственную политику в университетском вопросе, так и действительное положение университетов. Официальные документы содержатся преимущественно в Центральном Государственном историческом архиве в г. Ленинграде (ЦГИА СССР, фонды Министерства народного просвещения, Государственного совета, Комитета министров, Канцелярии министра внутренних дел, личные фонды А. И. Георгиевского, П. А. Валуева и др.); Центральном Государственном историческом архиве Октябрьской революции (ЦГАОР СССР, фонды III отделения, Департамента полиции, личные фонды Александра III, И. Д. Делянова, В. К. Плеве), Государственном историческом архиве Ленинградской области (ГИАЛО) и Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО) фонды канцелярии попечителя Петербургского и Московского учебных округов, Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, фонд А. В. Головинина), Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (ГБЛ, фонд Д. А. Милюткина).

Среди опубликованных источников наиболее важны уставы 1835, 1863 и 1884 гг.¹, а также постановления по Министерству народного просвещения². Официальные документы состоят из материалов законосовещательных учреждений, документов ведомства Министерства народного просвещения и материалов университетов и университетских коллегий. Материалы законосовещательных учреждений, в частности документация Государственного совета, беспристрастно констатируя расхождения по основным положениям проекта устава 1884 г., содержат тщательно отредактированные и сглаженные мнения различных группировок внутри Государственного совета. Несмотря на подробное изложение, в журналах не были отражены полностью ход прений и разногласия по политическим вопросам. Если сравнить их с многочисленными записками, письмами, например, Каткова к Александру III и Головинина к Милютину, то становится очевидным, что документация Государственного совета не дает представления об остроте борьбы вокруг законопроекта и расхождениях в верхах по вопросам внутренней политики.

Отдельную группу составляют материалы особых совещаний министров, созываемых по высочайшему повелению для обсуждения политических вопросов, в частности для разработки мер против студенческого движения и распространения революционной пропаганды. Созыв особых совещаний министров свидетельствовал о важности университетского вопроса в политической жизни того времени. «Охранительные» цели совещаний наложили отпечаток на характер материалов в целом. В них отражено отношение правительства к университетам прежде всего как к очагам «беспорядков», вследствие чего вопросам развития науки, материального положения университетов и т. д. не уделялось должного внимания. Наиболее интересные материалы относятся к совещаниям в декабре 1874 г.³; под председательством П. А. Валуева в декабре 1874 г.⁴, обсуждавшего причины студенческих волнений; совещания министров под председательством П. А. Валуева в июле 1879 г., обсуждавшего предложения временного харьковского ген.-губернатора М. Т. Лорис-Меликова об устранении в университетах выборного начала и усилении инспекции⁵, совещания министров в

¹ ПСЗ-II, т. 10, отд. 1. СПб., 1836, № 8337; т. 38, отд. 1. СПб., 1866, № 39752; ПСЗ-III, т. 4. СПб., 1887, № 2404.

² См. «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» за 1874—1897 гг., т. I—II. СПб., 1875—1898 гг.

³ Состав совещаний был следующим: министры — военный, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, финансов, путей сообщения, государственных имуществ, шеф жандармов, главноуправляющий II отделения с.е.и.в. канц. Этот состав в основном сохраняется и в последующих совещаниях.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 544 (П. А. Валуева), оп. 1, д. 32.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), алф. 68, д. 384291 за 1879 г.; см. также ф. 733, оп. 194, д. 52.

1881 г. об устройстве инспекции в университетах⁶ и ряда других. Работа совещаний проходила в условиях полной секретности, и доклад совещания передавался на «высочайшее» рассмотрение. Лишь с утверждением верховной властью меры, предложенные совещаниями, проводились в жизнь. Журнал заседаний содержал развернутые мнения отдельных министров. В докладе вырабатывалась общая точка зрения с оговоркой о разногласиях. Весьма ценные сведения по внутренней политике царизма дают возможность судить о различных ее тенденциях, о способах борьбы с революционным движением. Из них мы узнаем о расхождениях по вопросам высшего образования, отражавших в конечном счете позиции различных социальных групп.

Материалы Министерства народного просвещения⁷ состоят из распоряжений министра, «всеподданнейших» отчетов и докладов, материалов ведомственных комиссий и секретной делопроизводительной переписки.

Министру предоставлялись значительные права для развития и конкретизации положений закона. Отсюда огромное количество циркуляров, регулировавших, например, осуществление университетского устава 1884 г. Достаточно перечислить основные правила, разработка которых возлагалась на министра: «Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов» от 16 мая 1885 г.⁸ (по ст. 121 устава); «Правила испытаний в комиссиях и экзаменационные требования от 3 и 15 августа 1885 г.» (по ст. 80 устава)⁹; «Правила о приват-доцентах», конкретизировавшие ст. 109—113 устава, от 8 декабря 1885 г.¹⁰; «Правила о зачете полугодий» от 30 августа 1885 г. по ст. 73 устава¹¹ и целый ряд других. Распоряжения министра народного просвещения посылались на имя попечителя учебного округа. Они находятся в фондах канцелярий попечителей учебных округов¹². Черновики многих распоряжений за 1884—1894 гг. мы обнаружили в личном фонде председателя ученого комитета Министерства народного просвещения А. И. Георгиевского, в деле «О введении в действие нового устава 1884 г.»¹³ Они публиковались в «Циркулярах...»¹⁴ или сообщались устно попечителем. Цир-

куляры печатались также в «Сборнике распоряжений по Министерству народного просвещения»¹⁵, в «Журнале Министерства народного просвещения»¹⁶. Секретные циркуляры нигде не публиковались.

Распоряжения, с помощью которых осуществлялось реакционное преобразование университетов, показывают, как использовал аппарат министерства свое влияние на его реализацию. В циркулярах ярко выражена «необходимость самому правительству сунуть во все свой нос»¹⁷, подчинить контролю и то, что по существу своему регламентации не поддается¹⁸.

В основе апологетики ежегодных «всеподданнейших» отчетов и докладов¹⁹ министра народного просвещения было стремление представить в наиболее выгодном свете деятельность ведомства. Подчеркивая достижения университетов (чему нет оснований не доверять), отчеты замалчивали теневые стороны их жизни, не упоминали об удалении многих известных профессоров, о многочисленных протестах против устава, искажали картину студенческого движения. Все это характерно и для «всеподданнейших» докладов, посвященных положению отдельных университетов, студенческим выступлениям и т. д.

Материал о студенческом движении, землячествах и «политической благонадежности» преподавательского состава содержится в представлениях за 1887—1890 гг. товарища министра внутренних дел Шебеко Делянову²⁰. Такого рода информация есть во всех делах по пересмотру личного состава.

Переписка между министром народного просвещения и попечителями учебных округов отразила пересмотр личного состава университетов и меры борьбы со студенческими волнениями. Хотя в ней нет объективного описания студенческих волнений или беспристрастной оценки научной и преподавательской деятельности русских ученых, тем не менее она содержит весьма ценные сведения о тех и о других.

Количественный состав профессоров на каждый учебный год и различных университетов отражен в «Списках лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения». Обращение к этой группе источников, не привлекавшей еще внимания исследователей, позволило сопоставить число преподавателей в каждом университете на определенный учебный год, установить их общую численность и соотношение профессоров и штатных младших преподавателей.

¹⁵ Официальное издание, содержащее распоряжения с 1802 г. (в хронологическом порядке). Выходило с 1866 г. в Петербурге.

¹⁶ ЖМНП был официальным ежемесячным изданием Министерства народного просвещения под редакцией А. И. Георгиевского.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 425.

¹⁸ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1885, № 10.

¹⁹ См. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 115, д. 51—69. Некоторые отчеты помещались затем в извлечениях в «Правительственном вестнике».

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 823—827.

⁶

ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 422.

⁷ См. также: Л. И. Полянская. Документы к истории высшего образования в России.— «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 222—227.

⁸ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1885, № 8.

⁹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1885, № 10.

¹⁰ «Циркуляр по управлению Киевским учебным округом», 1885, № 12.

¹¹ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1885, № 10.

¹² ГИАМО, ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа); ГИАЛО, ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа).

¹³ ЦГИА СССР, ф. 846 (А. И. Георгиевского), оп. 1, д. 5.

¹⁴ «Циркуляры» издавались ежемесячно по каждому учебному округу за подписью попечителя и печатались в университетских типографиях. В них помещались законы, распоряжения министра и приказы попечителя округа.

Сложными по своему составу являются материалы комиссий. Последние назначались по высочайшему повелению, например комиссия 1875 г. под председательством И. Д. Делянова²¹, созданная с целью пересмотра устава 1863 г., комиссия 1881 г. для выработки правил надзора за студентами с тем же председателем²² и ряд других. По журналам заседаний комиссии 1875 г. можно проследить процесс выработки основ проекта университетского устава. Часть материалов опубликована²³. Метод работы членов комиссии при сборе материалов представляется сомнительным в смысле их точности и полноты²⁴. Окончательные выводы комиссии совпадают с исходными принципами, намеченными И. Д. Деляновым при ее создании²⁵. Материалы одновременно служат источником, с одной стороны, для характеристики настроений части реакционной профессуры, а также преследуемых правительством целей, с другой стороны, обильные статистические данные, представленные университетами, мнения профессорских коллегий, программы преподавания и т. д. освещают действительное состояние университетов.

Источники, связанные с деятельностью университетов, включают в себя отчеты по каждому университету, печатавшиеся в «ЖМНП», записки университетских коллегий и отдельных профессоров, формулярные послужные списки профессоров и т. д.

Состояние научной и преподавательской деятельности университетов, личный состав, замещение кафедр, деятельность научных обществ, участие русских ученых в работе международных научных конгрессов и съездов, роль университетов в организации публичных чтений, выставок и экспедиций — таков объем информации университетских отчетов.

Послужные (формулярные) списки профессоров позволяют впервые на основе вполне достоверных сведений рассмотреть сословное происхождение, материальное положение, образование, возраст и национальный состав штатных университетских преподавателей. Послужные списки преподавателей хранятся в ЦГИА СССР. Комплекс сведений о сословном происхождении и материальном положении дает возможность для анализа классового состава научной интеллигенции. Материалы об имущественном положении университетских преподавателей (родовой

недвижимой собственности профессора, его жены, его родных или приобретенной) позволяют рассмотреть, например, соотношение представителей служилого и поместного дворянства в среде университетских преподавателей. Некоторую сложность представляет анализ национального состава, т. к. прямых определений национальной принадлежности в официальных материалах нет. О национальности свидетельствуют лишь данные о вероисповедании, позволяющие в общих чертах вполне достоверно определить национальный состав. Русские (в эту категорию включались в дореволюционное время великороссы, белорусы, украинцы) были православными. К последним относились также грузины и евреи, принявшие христианство. Армяне принадлежали к армяно-григорианской церкви. Поляки, за редким исключением, исповедовали католическую веру, а немцы (из Прибалтики) — лютеранскую. К лютеранской мы относим лютеранское, евангелически-реформатское, евангелически-аугсбургское течения протестантизма (кроме англиканского).

В записках профессорских коллегий и отдельных профессоров министру освещалось положение дел в университетах и отношение представителей науки к правительственному курсу. Значительная группа записок появилась из-за тяжелого материального положения университетов²⁶. Недостаточность средств и то обстоятельство, что вместе с уставом утверждены были лишь временные платы, заставляли университеты настаивать на расширении объема преподавания, научно-вспомогательных учреждений, служивших научной и учебной базой.

Конфиденциальные записки занимают промежуточное положение между официальными документами и источниками личного происхождения. Они адресовались официальными лицами представителям власти. Обычно в них констатировалось «неудовлетворительное» положение дел и предлагались меры к устранению недостатков. На всех документах есть пометы «конфиденциально», «совершенно секретно». Язык записок лишен обычного канцелярского штампа. Не всегда записки получали дальнейший ход. Отсюда разбросанность их по разным фондам. Назовем некоторые из них: записка директора департамента полиции В. К. Плеве, в которой автор, считая высшие учебные заведения «рассадником политических преступников», предлагал учредить комиссию для обсуждения репрессивных мер²⁷, печатная записка М. И. Владиславлева о мерах против университетов в связи с покушением на царевича, предпринятым группой А. И. Ульянова 1 марта 1887 г.²⁸, записка киевского генерал-губернатора А. Дрентельна от 5 октября 1884 г. о вол-

²¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 6—28.

²² Там же, оп. 149, д. 552; материалы комиссии были частично опубликованы под неточным названием «Записка В. К. Плеве по университетскому вопросу» (см. «Былое», 1977, № 9, стр. 215—225).

²³ См. «Материалы, собранные отделом высочайше учрежденной комиссии для пересмотра общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г.» СПб., 1876 (далее — «Материалы комиссии...»). При составлении свода материалы были подвергнуты тенденциозной обработке А. И. Георгиевским (3 первых отдела) и Н. А. Любимовым.

²⁴ «Материалы комиссии...», стр. 6.

²⁵ См. записку И. Д. Делянова (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 2).

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 99.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 586 (В. К. Плеве), оп. 1, д. 22. Комиссия была создана в мае 1881 г. под председательством И. Д. Делянова.

²⁸ Там же, ф. 677 (Александра III), оп. 1, д. 588, л. 1—9.

нениях в Киевском университете²⁹ и др. Они раскрывают тайные пружины правительственной деятельности, маневры реакционных бюрократических групп.

Официальным документам свойственна тенденциозность в освещении фактов, завуалированная бесстрастным канцелярским стилем. В официальных материалах мы находим наиболее полные сведения о состоянии высшего образования и политике правительства в университетском вопросе. Однако изучать эти проблемы на основании только официальной документации невозможно.

Официальные документы схематичны, односторонни, они не охватывают многогранной борьбы по университетскому вопросу и процесса развития русских университетов.

Для более полного и точного освещения темы необходимо привлечение других видов источников и среди них прежде всего источников личного происхождения. Кроме новых данных, они отражают также отношение к событиям представителей различных общественных групп и классов, передают колорит эпохи. Авторские оценки событий предполагают субъективизм — неотъемлемое свойство этого вида источников. Обусловленные им неточности и искажения фактов устанавливаются при сопоставлении свидетельств различных авторов с другими видами источников, а также при изучении личности автора и возможных причин сознательного искажения фактов.

Эпистолярные памятники. В передаче фактов в письмах значительно меньше искажений, вызванных ошибками памяти и эволюцией взглядов автора, как это наблюдается в мемуарах. В то же время письма носят печать злободневности, выражают и случайные впечатления. Письма предназначались, как правило, не для будущих читателей. Именно поэтому в большинстве писем события отражены относительно правдиво и точно. Значение писем среди других источников зависит также от конкретных условий эпохи и от положения, которое занимали адресаты: их осведомленность, роль и участие в событиях.

Среди писем представителей реакционного лагеря значительный интерес представляет переписка редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. В ней отражены проблемы внутренней и внешней политики России. Для освещения университетского вопроса наиболее важными являются письма Каткова к Александру III³⁰, министру народного просвещения И. Д. Делянову³¹, главе цензурного ведомства Е. М. Феоктистову³², а также письма к Каткову Делянова³³, Феоктисто-

ва³⁴, профессора Московского университета Н. А. Любимова³⁵ и других.

Все авторы были сторонниками реакционного курса политики, но по многим вопросам, и в том числе по университетскому, их позиции были неоднозначны. При осведомленности авторов о положении дел в правительственных кругах вообще и в Министерстве народного просвещения в частности письма дают ценную информацию о ходе обсуждения проекта в Государственном совете, о различных неофициальных совещаниях, о предполагавшихся мерах борьбы с революционным движением, о замещении кафедр «благонадежными кандидатами», которая совершенно отсутствует в официальных документах. В письмах отражена также обстановка, в которой осуществлялась реакционная ломка университетского строя, когда, по признанию И. Д. Делянова, «вообще слухам, сплетням, инсинуациям конца нет»³⁶. Кроме того, по письмам можно проследить стремление авторов воздействовать на события. Например, при обсуждении проекта в Государственном совете Катков и через своих корреспондентов, и лично пытался влиять на литературно-юридическое оформление закона. Выступая против каких-либо компромиссов в Государственном совете, он убеждал Делянова сохранить в неприкосновенности выгодную правительству редакцию статей закона, в котором «каждая черта имеет значение и силу»³⁷. Часто вслед за сообщением корреспондента по этому же вопросу появлялась передовая статья Каткова в «Московских ведомостях» или письмо-записка царю. Стиль и тон писем различны. Например, циничные и откровенные высказывания Каткова в письмах к Феоктистову вводят читателя в атмосферу закулисной деятельности реакционной партии. В обращении же к верховной власти Катков усвоил форму повелительной просьбы. «Недавно имел я счастье лично, с полной откровенностью высказать перед вашим величеством, — писал он Александру III 7 февраля 1882 г., — о нынешнем положении дел в Министерстве народного просвещения и о единственно верном в настоящее время, по моему убеждению, выходе из затруднения. Спасите, государь, мудрым самодержавным решением, спасите в этих детях и юношах будущее вашего царствования»³⁸.

Переписка помогает выявить разногласия внутри реакционного лагеря. Так, например, в письмах обер-прокурора синода К. П. Победоносцева к Александру III³⁹, М. Н. Каткову⁴⁰,

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 565.

³⁰ Там же, д. 564, 823.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 444.

³² ИРЛИ (Пушкинский дом), архив Е. М. Феоктистова, 9097/а6705.

³³ ОР ГБЛ, ф. 120 (М. Н. Каткова), п. 2, № 40—41.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1718 (М. Н. Каткова), оп. 1, д. 8.

³⁵ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 6, № 29—31.

³⁶ Там же, п. 2, № 40а, л. 26.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 444, л. 7.

³⁸ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 823, л. 9.

³⁹ См. «Письма Победоносцева к Александру III», т. 1—2. М., 1925—1926.

⁴⁰ ОР ГБЛ, ф. 120, № 9, 19.

И. Д. Делянову⁴¹ и общественному деятелю С. А. Рачинскому⁴² высказывалось несогласие с некоторыми положениями преобразования университетов. В письме Каткову 27 ноября 1883 г. Победоносцев писал: «От нового устава я вижу не пользу, а вред для того самого начала, во имя коего реформа задумана»⁴³.

Не меньший интерес представляют письма многочисленных корреспондентов Победоносцева⁴⁴. «Кризис верхов» периода второй революционной ситуации породил множество проектов «спасения России», адресованных этому влиятельному сановнику. Характерно, что авторы многих из них видели средство избавления от революционных потрясений в реформировании университетов, считая участие студенческой молодежи в революционном движении главной «нравственной невзгодой» внутреннего строя государства.

Переписка государственных деятелей умеренно-либерального направления представлена письмами военного министра в 1861—1881 гг. Д. А. Милютин, вел. кн. Константина Николаевича с членом Государственного совета А. В. Головинным. Последний принимал активное участие в обсуждении проекта. В его письмах к Д. А. Милютину⁴⁵ сообщалось обо всех предположениях, возникавших в процессе обсуждения проекта. Особенно интересные сведения содержатся в письмах Головинна, отправленных *par vobis* (с оказией), так как автор, зная о перлюстрации, не мог называть вещи своими именами в других письмах. Характерно для либеральной бюрократии высказывание А. В. Головинна в письме к Д. А. Милютину от 13—14 декабря 1883 г.: «К несчастью, события последних годов сделали необходимым усиление полицейской деятельности со всеми ее атрибутами и очень извратили понятия. В этом, между прочим, смысл злобы — анархисты, социалисты и пр. причинили величайшее зло России, вызвав систему мер репрессивных, необходимость коих очевидна, но которых действие заходит иногда слишком далеко»⁴⁶. Умеренный консерватор А. А. Половцов, представитель либеральной бюрократии А. В. Головинн, министр финансов, профессор Н. Х. Бунге выступали против проекта устава с различных позиций, что нашло отражение в их письмах и записках.

В письмах представителей либеральной оппозиции выражено отношение профессуры к внутренней политике, к студенческим волнениям, к проблемам научного развития университетов. Известия о коллективном протесте московских профессоров против работы комиссии 1875 г., об участии профессоров в общест-

венно-политической борьбе по университетскому вопросу, о тяжелом материальном положении университетов мы находим в письмах профессоров.

Особую группу эпистолярных памятников составляют выписки из писем профессоров и студентов в секретном архиве III отделения⁴⁷. Они отражают отношение оппозиционно настроенных профессоров и студентов к правительственным мерам, содержат данные о фактическом их исполнении, о подготовке и проведении студенческих демонстраций и т. д.

Письма воспроизводят эпоху, отражая взгляды и настроения авторов.

Дневники и мемуары. В дневниках так же, как и в письмах, отсутствует хронологический разрыв, свойственный мемуарам, и вследствие этого почти исключены ошибки памяти и искажения из-за перемены взглядов автора. Благодаря этому сведения дневников, как правило, более точны. Мемуары, являясь вторичным отражением пережитого спустя определенное время, в отличие от дневников более продуманны, стройны по композиции, но вместе со злободневным, мимолетным в них может быть частично утрачено и основное в передаче событий прошлого. Все дневники и мемуары создавались, если не прямо, то косвенно, с целью представить свое личное участие в событиях в наиболее благоприятном свете. Эта особенность может оказать влияние на степень достоверности материала.

Дневники и мемуары государственных деятелей: государственного секретаря в 1883—1892 гг. А. А. Половцова⁴⁸, председателя Комитета министров в 1879—1881 гг. и члена Государственного совета П. А. Валуева⁴⁹, дневниковые записки об обсуждении проекта в Государственном совете А. В. Головинна за 1883—1884 гг.⁵⁰ — созданы на основе документальных материалов и личного участия авторов, чем объясняется их фактическая точность. Например, в дневниках А. А. Половцова и А. В. Головинна подробно изложен ход заседаний Государственного совета, они позволяют преодолеть схематичность официальных отчетов Государственного совета. П. А. Валуев, возглавлявший ряд совещаний министров о мерах борьбы с революционным и студенческим движением в 70-х годах, в своих «афоризмах», в частности, отмечал, что «создавать университеты в виде храмов науки невозможно. Возможны только высшие полицейские учебные заведения»⁵¹. Подобных высказываний в официальных документах нет.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 515.

⁴² ОР ГПБ, ф. 631 (С. А. Рачинского), № 42, 46, 48.

⁴³ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 20, л. 184.

⁴⁴ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I. М.—Пг., 1923.

⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 169 (Д. А. Милютин), п. 61.

⁴⁶ Там же, № 40.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109 (III отд.), Секретный архив, оп. 1, д. 1142, 1251, 1554 и т. д.

⁴⁸ Там же, ф. 583 (А. А. Половцова), оп. 1, д. 18—36.

⁴⁹ «Дневник гр. П. А. Валуева, 1877—1884 гг.» Пг., 1919, под ред. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева.

⁵⁰ ОР ГПБ, ф. 208 (А. В. Головинна), № 168.

⁵¹ «Дневник гр. П. А. Валуева, 1877—1884 гг.», стр. 257.

К этой группе дневников примыкают мемуары попечителей Казанского учебного округа П. Д. Шестакова⁵² и Западносибирского — В. М. Флоринского⁵³. В них преимущественное внимание уделено вопросам народного просвещения. Мемуары этих представителей высшей администрации отличаются открыто апологетическим характером. Чего стоит, например, оценка деятельности гр. Д. А. Толстого, который, по отзыву Шестакова, за 14 лет «сделал для народного просвещения России гораздо более, чем было сделано до него в целое столетие»⁵⁴. Мемуары содержат новые сведения о студенческих волнениях и подготовке университетской реформы. В воспоминаниях Флоринского, члена комиссии 1875 г. по пересмотру устава, сообщается о деятельности комиссии, об организации Томского университета в 1888 г. и т. д.

Мемуары профессоров и студентов либерального направления весьма многочисленны и написаны в основном в конце XIX — начале XX в., когда университетский вопрос превратился в один из самых острых общественных вопросов.

Все эти воспоминания написаны много времени спустя после описываемых событий, например В. И. Герье⁵⁵ начал писать мемуары с 1915 г., когда взгляды его существенно изменились вправо под влиянием первой русской революции. В его воспоминаниях содержится материал об отношении профессоров к уставу 1884 г., о его собственных выступлениях в защиту прежнего устава. О работе комиссии 1875 г. по подготовке устава содержатся сведения в воспоминаниях Романовича-Славянского: «Всеу этому [пересмотру устава.— Г. Щ.] придавалось что-то таинственное, инквизиционное»⁵⁶.

В воспоминаниях о студенческих годах уделяется большое внимание академической жизни университетов (воспоминания студента Петербургского университета Ф. Ф. Воропонова⁵⁷, студента Московского университета кн. Б. А. Щетинина⁵⁸ и др.). Все авторы по своим взглядам либералы. Эти мемуары содержат любопытные сведения относительно условий и методов введения в жизнь университетского устава. Ф. Ф. Воропов рассказал в своих воспоминаниях об обстановке в столичном университете после 1 марта 1887 г., о речи ректора Андреевского, о принятии верноподданнического адреса Александру III. В воспоминаниях кн. Б. А. Щетинина описаны «система шпионства

⁵² «Русская старина», 1891, т. 69, стр. 387—405; т. 70, стр. 183—210.

⁵³ Там же, 1906, т. 125, № 1, стр. 75—109.

⁵⁴ «Русская старина», 1891, т. 70, стр. 205.

⁵⁵ См. ОР ГБЛ, ф. 70 (В. И. Герье), к. 32, л. 1, 2, 5.

⁵⁶ А. В. Романович-Славянский. Моя жизнь и академическая деятельность.— «Вестник Европы», 1903, № 6, стр. 502.

⁵⁷ Ф. Ф. Воропов. На рубеже двух уставов. Воспоминания студента 80-х годов.— Сб. «В волнах прошедшего». СПб., 1911, стр. 315—334.

⁵⁸ Б. А. Щетинин. Первые шаги (из недавнего прошлого).— «Исторический вестник», 1905, т. 99, кн. 2, стр. 501—514.

и доносов», введенная инспектором Брызгаловым, влияние устава на состав и построения студенчества, волнения в Московском университете в 1887 г., которым автор явно не сочувствовал⁵⁹.

Мемуары участников революционного движения, бывших университетских студентов, членов народовольческих кружков С. А. Никонова⁶⁰ и Л. А. Кузнецова⁶¹, А. В. Прибылева⁶² и других воссоздают революционное прошлое, работу в революционных кружках, издание подпольной литературы и т. д. Воспоминания отразили настроения революционной части студенчества. Например, С. А. Никонов сообщает интересные данные о деятельности землячеств в Петербургском университете, об организации добролюбовской демонстрации 1886 г. и т. д. Различные формы студенческого движения описаны в воспоминаниях А. В. Прибылева. Студенческие мемуары дают возможность опровергнуть различные официальные версии и обвинения против демократического студенчества. Как явствует из студенческих воспоминаний, большинство студенчества напряженно занималось наукой в университетах и самостоятельно. Протесты с их стороны вызывали не столько меры учебной дисциплины, сколько методы проведения их в жизнь.

Пресса и публицистика. Основным источником при рассмотрении общественно-политической борьбы по университетскому вопросу является пресса и публицистика, хотя не все вопросы отражены здесь в полной мере. Последнее было обусловлено, на наш взгляд, следующими обстоятельствами. Общий цензурный режим усугублялся административными запретами обсуждать в печати вопросы, связанные с положением в университетах, студенческими волнениями. В отличие от периода 60-х годов проект университетского устава не был опубликован, как позднее не были опубликованы проекты других контрреформ. Вследствие этого близкая к официальным кругам пресса оказалась по своей несведомленности в привилегированном положении. Так как проект не стал достоянием общественности, то буржуазно-либеральная печать ограничилась лишь общей критикой реакционной платформы. Смятение в рядах революционной демократии в связи с организационным разгромом «Народной воли» после 1 марта 1881 г. не могло не отразиться на круге вопросов народовольческой публицистики. Нарождавшаяся социал-демократия не успела еще развернуть в полной мере печать в

⁵⁹ Б. А. Щетинин. Свобододействующие восьмидесятники.— Там же, кн. 3, стр. 936—943.

⁶⁰ С. А. Никонов. Жизнь студенчества и революционная работа конца 80-х годов.— Сб. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» М.— Л., 1927, стр. 135—181.

⁶¹ Л. А. Кузнецов. Из далекого прошлого.— Сб. «Народовольцы после 1 марта 1881 г.» М., 1928, стр. 26—28.

⁶² А. В. Прибылев. Молодежь конца 70-х годов. М., 1928.

80-е годы. Как известно, первая марксистская группа «Освобождение труда» основные усилия направляла на перевод и распространение трудов основоположников марксизма и на создание произведений, направленных на борьбу с народническими идеями.

Роль материалов печати определяется тем, что они отражали общественное мнение в пореформенной России.

«Всеобщий» интерес к университетам, центрам науки и культуры в дореволюционной России, отразился в многочисленных мемуарах, письмах, статьях. Мы затрудняемся назвать кого-либо из видных общественных деятелей, профессоров, публицистов, других представителей интеллигенции, независимо от их политического направления, которые бы не высказали своих взглядов по университетскому вопросу. Даже перечислить все статьи, записки и заметки не представляется возможным.

Остановимся кратко на характеристике прессы и публицистики революционного, буржуазно-либерального и консервативно-монархического направления. Революционная пресса этого времени представлена социал-демократической и народволевецкой печатью.

Сборник «Социал-демократ»⁶³, издававшийся группой «Освобождение труда», освещал внутреннюю политику царизма, революционное и студенческое движение с точки зрения социал-демократии. В одном из «внутренних обзоров» Г. В. Плеханов анализировал политический курс Александра III, подчеркивая противоречие контрреформ вообще поступательному социально-экономическому развитию страны. Комментируя факты студенческих волнений, русские социал-демократы призывали студентов встать на сторону рабочего класса, указывая на «научный социализм, как на единственный революционный выход из современного интеллигентского прозябания»⁶⁴. Статья Ю. Е. Эфрон «Министр-демагог»⁶⁵ посвящена анализу деятельности министра народного просвещения И. Д. Делянова, роли циркуляра о «кухаркиных детях» в революционизировании общества.

Народволевецкая пресса представлена газетой «Народная воля»⁶⁶ и журналом «Вестник «Народной воли»»⁶⁷.

На их страницах значительное место отводилось студенческому движению, критике либералов, выступавших за «конституцию», постоянно прячась за спину «крамолы». Народволе-

разоблачали либеральные иллюзии относительно реформ «сверху», считая, что «общественная реформа в России — это революция»⁶⁸. Свою лепту в борьбу по университетскому вопросу они вносили статьями, посвященными анализу студенческого движения и критике позиции либеральной профессуры, в отношении которой они проявляли революционную нетерпимость, как, впрочем, и к либералам вообще. «Не спасло их, — горько пронизировал В. Г. Богораз-Тан во «Внутреннем обзоре», — ни слепое подчинение правительственным требованиям, ни детоубийственная жестокость в университетских судах, ни лицемерие и сидение между двух стульев — ничто»⁶⁹.

Разновидностью революционной, нелегальной публицистики являются студенческие прокламации, издававшиеся от имени студенческих союзов и групп. Листовки хранятся в основном в архиве Департамента полиции⁷⁰, куда они попали в качестве трофеев полицейского сыска, а также в фонде Департамента народного просвещения как приложения к сообщениям учебного начальства о «беспорядках». Наиболее интересны следующие прокламации: «Русскому обществу от киевских студентов» 8 сентября 1884 г.⁷¹, «К русскому обществу» 1 декабря 1887 г.⁷², «К профессорам» 2 декабря 1887 г.⁷³ и многие другие. В этой группе документов отражена борьба студентов против устава 1884 г. и отклик на важнейшие политические события. В них содержится материал, позволяющий разоблачить официальные версии о причинах студенческих волнений и положении в университетах. Над прокламациями не тяготела цензура. Как в нелегальных и заграничных изданиях, в листовках осуществлялась свобода печати.

С наступлением реакции были закрыты или прекратили существование передовые органы печати: «Отечественные записки», «Страна», «Порядок» и ряд других.

Ликвидация всех радикальных органов, а также опасения утраты под изданием реакции той ограниченной свободы печати, что гарантировали буржуазные реформы 60-х годов, вызвали объединение публицистов различных направлений и оттенков, а также своеобразное смешение понятий о «либеральной» и «консервативной» прессе. Это явление отмечал в отношении либеральной печати середины 80-х годов Г. В. Плеханов⁷⁴.

Разнообразны оттенки либеральной прессы: на ее правом фланге был орган умеренно-либерального направления, журнал

⁶³ Сборник издавался непериодически в 1888—1892 гг. в Женеве и Лондоне.

⁶⁴ «Социал-демократ», кн. 2, Женева, 1890, стр. 81.

⁶⁵ «Социал-демократ», кн. 1, Женева, 1888, стр. 118—123.

⁶⁶ Издавалась в 1879—1885 гг. (12 номеров). В редактировании участвовали Н. А. Морозов, А. И. Иванчин-Писарев и Л. А. Тихомиров.

⁶⁷ Издавался в Женеве в 1883—1886 гг. (5 номеров). Редакторами были П. Л. Лавров, М. Н. Ошанин и Л. Тихомиров. Последний в 1888 г. ушел от революционных убеждений (см.: Л. Тихомиров. Почему я перестал быть революционером. Париж, 1888). Позднее, вернувшись в Россию, сотрудничал в официальных изданиях.

⁶⁸ «Народная воля», 1880, № 3, стр. 8.

⁶⁹ «Народная воля», 1885, № 11-12, стр. 11.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1741 (Коллекция нелегальных изданий).

⁷¹ «Вестник «Народной воли»», № 4, Женева, 1885, стр. 168—171.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 27470.

⁷³ Там же, № 21790.

⁷⁴ См., например, «Социал-демократ», 1890, № 2, стр. 63.

«Вестник Европы»⁷⁵, а на левом — журнал «Русская мысль»⁷⁶. За сохранение буржуазных реформ 60-х годов и, в частности, университетского устава 1863 г. последовательно выступал публицист умеренно-либерального направления К. К. Арсеньев⁷⁷. Эта же линия характерна и для газеты «Русские ведомости». Позиция либеральной печати в университетском вопросе отличалась недостаточной осведомленностью о подготовке реакционного преобразования университетов. Либеральная публицистика не выдвинула новой позитивной программы в университетском вопросе, ограничившись защитой устава 1863 г. Причем часть умеренно-либеральной прессы в период подготовки университетской реформы продолжала возлагать «надежду на высшее правительство». Университетская контрреформа встретила единодушное осуждение в либеральной печати, высказанное, однако, весьма робко.

В либеральной публицистике и прежде всего в «профессорской» газете «Русские ведомости» содержится критика внутриполитического курса в области образования. Она, в частности, отразила отрицательное отношение к методам проведения в жизнь устава. В либеральной прессе предлагались некоторые меры по улучшению состояния учебного ведомства, отстаивалось право женщин на высшее университетское образование⁷⁸. Значительный интерес представляют обзоры развития различных наук⁷⁹ в либеральной печати.

Публицистика этого направления дает возможность охарактеризовать позицию буржуазно-либерального лагеря в университетском вопросе, а также буржуазно-либеральной публицистики в целом. Так, например, по мнению либералов причины реформ заключались в «новых веяниях» «диктатуры сердца», а в наступлении реакции повинна «неуместная» революционная борьба. Либеральная печать с принципиально иных позиций, чем консервативная пресса, преимущественное внимание уделяла проблемам борьбы со студенческим движением и вопросам университетского управления. Отражая точку зрения либеральных профессоров и часто имея их в качестве своих корреспондентов, либеральные органы уделяли значительное внимание конкретным условиям развития науки и образования в университетах.

Душой консервативно-монархической прессы была газета

«Московские ведомости» под редакцией М. Н. Каткова⁸⁰. В ней освещались важные проблемы внутренней и внешней политики России с позиций национализма, шовинизма и черносотенства⁸¹. «Московские ведомости» значительное место отводили образованию вообще и, в частности, университетскому образованию. Статьи Каткова по университетскому вопросу отражали позицию реакционных кругов. В уставе 1884 г. Катков видел прежде всего средство искоренить «крамолу» в университетах. Здесь «Московские ведомости» шли «вперед правительству». Например, для прекращения волнений в Киевском университете Катков первым предложил «исправлять» студентов «хорошей военной дисциплиной»⁸². Характерны приемы реакционной публицистики: искажение действительности, игнорирование фактов, клевета и доносы в полемике с представителями демократического направления, лишенных возможности ответить открыто.

Общественно-политическая борьба по университетскому вопросу была проявлением общей борьбы в России трех лагерей — революционно-демократического, либерально-буржуазного и самодержавно-крепостнического.

Обзор основных групп источников (в действительности они представлены значительно богаче) убеждает в важности для изучения темы, сочетающей проблемы внутренней политики, общественного движения и истории культуры, синтеза самых разнообразных документов. Каждая из рассмотренных групп источников требует критического подхода. Например, официальные документы, являясь продуктом деятельности учреждений и официальных лиц, с неизбежностью отразили правительственную точку зрения на события. Характер оценок, исходивших от государственных чиновников, оказывал влияние на степень достоверности фактов. В отличие от субъективизма источников личного происхождения тенденциозность официальных документов скрыта за внешней сухостью изложения.

При определении позиции создателя документа источником служит различная по форме тенденциозность каждого вида документов. Сопоставление материалов, содержащихся в различных источниках, позволяет установить относительную ценность документов, обнаружить пробелы в сведениях, приемы умолчания и т. д. Это позволяет судить о степени достоверности фактов. Ни одна группа источников не содержит точных и достоверных данных по теме, каждая из них дает неполные сведения, излагаемые с различных классовых позиций. Лишь при условии сопоставления и сочетания данных разных групп всех выявленных источников можно получить относительно верное отражение событий прошлого.

⁷⁵ Издавался в Петербурге ежемесячно в 1866—1918 гг., до 1908 г. — М. М. Стасюлевичем.

⁷⁶ Издавался ежемесячно в Москве в 1880—1918 гг. Редактором был С. А. Юрьев, с 1885 г. — профессор Московского университета В. А. Гольцев.

⁷⁷ В «Вестнике Европы» он вел два отдела: с 1880 г. «Внутреннее обозрение» и с 1882 г. по 1905 г. «Общественную хронику». Некоторые статьи были опубликованы (см.: К. К. Арсеньев. За четверть века. Пг., 1915).

⁷⁸ Например: М. Л. Пляковский. Недоразумения в учебно-воспитательной области. — «Русская мысль», 1887, кн. 11, стр. 73—89; кн. 12, стр. 1—27.

⁷⁹ Например: В. А. Гольцев. Успехи общественных наук. — «Русская мысль», 1885, кн. 11, стр. 103—113 и др.

⁸⁰ К этому же лагерю принадлежали газета «Новое время» под ред. А. С. Суворина и «Гражданин», издававшийся кн. В. П. Менцерским.

⁸¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 44.

⁸² «Московские ведомости», 10 октября 1884 г.

УНИВЕРСИТЕТЫ В 70-Х ГОДАХ XIX В. И ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ

I

Университетский вопрос в 70-х годах XIX в. и политика царизма

Реформы 60-х годов XIX в., вызванные силой экономического развития, положили начало процессу превращения феодальной монархии в буржуазную. Однако буржуазное преобразование, проведенное «сверху», было половинчатым. Крестьянская реформа сохранила крупное помещичье землевладение. Не был вполне реформирован сословный строй, реальными оставались права и привилегии дворянского сословия.

Особенностью социально-экономического положения пореформенной России было развитие капитализма наряду с существованием помещичьего землевладения и крестьянского хозяйства, опутанного сетью феодально-крепостнических пережитков. Крупное помещичье землевладение, феодально-крепостнические пережитки в экономике и общественных отношениях при наличии самодержавия могли служить объективной предпосылкой для возрождения дворянской реакции.

Развитие капитализма диктовало необходимость дальнейшего эволюции государственного строя. После проведения земской (1 января 1864 г.), судебной (20 ноября 1864 г.) и других реформ самодержавие, принужденное к уступкам революционному натиском, с первых же дней существования новых учреждений поставило их под контроль администрации. Поводом для этого после отмены крепостного права вспышки реакции послужило покушение на Александра II в апреле 1866 г. Однако наряду с притеснениями земств и судов, гонениями на печать были проведены городская реформа 1870 г. и военная 1874 г., принятие которой диктовалось прежде всего задачами укрепления

оборонеспособности страны. Замена рекрутчины всеобщей воинской повинностью свидетельствовала о дальнейшем развитии буржуазного законодательства, обусловленного развитием капитализма в стране.

Политическое господство принадлежало дворянству. В пореформенные десятилетия постепенно менялся облик дворянского сословия в экономическом и социальном отношениях. О размывании поместного дворянства свидетельствует прежде всего длительный процесс перераспределения земельной собственности. (За сорок лет после реформы стародворянский земельный фонд в губерниях Европейской России сократился более чем на 40%. Мелкопоместные дворяне, владевшие именьями до 100 дес., в 1877 г. составляли около половины, а к 1905 г. — уже почти 60% всех землевладельцев высшего сословия.)

На протяжении XIX в. происходил рост «служилого» дворянства.

Расслоение дворянства¹ в новых экономических условиях, «оскудение» той части сословия, которая не сумела приспособиться к новым формам ведения хозяйства, было результатом глубоких социальных сдвигов. В представлении консервативных идеологов господствующего класса эти объективные процессы выступали как следствия правительственной политики. Проявления народнического движения и либерально-буржуазной оппозиции ставились в прямую связь с реформами 60-х годов. Стремление реакционного дворянства к ограничению буржуазного законодательства встречало поддержку в правительственных кругах, озабоченных развитием революционного движения и ростом оппозиционных настроений.

Падение крепостного права послужило ощутимым ударом по сословному строю в целом. В принципе сословные ограничения в системе образования были ликвидированы. Однако в действительности дело обстоит сложнее.

Дворянские привилегии сохранялись в силе, а средством их достижения, т. е. своеобразным условием перехода в дворянское сословие, для недворян служил образовательный ценз. Табель о рангах, открывая доступ разночинцам в дворянское сословие, предохраняла последнее от превращения в замкнутую касту. Возникшая для удовлетворения потребностей абсолютистского государства в образованных чиновниках табель о рангах и в XIX в. продолжала играть своеобразную роль в пополнении бюрократии разночинскими элементами². Наряду с этим внеш-

¹ Путем выслуги в дореформенное время (1825—1845 гг.) потомственное дворянство получило примерно 20 тыс. человек. После реформы в 1875—1896 гг. приток в дворянское сословие составил около 37 тыс. (см.: А. П. Корелин. Российское дворянство и его сословная организация.— «История СССР», 1971, № 5, стр. 59, 60).

² П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970, стр. 113—114.

не архаичный институт, созданный в начале XVIII в., в условиях развития капиталистических отношений в России способствовал также вытеснению дворянства разночинной (разносословной) интеллигенцией в области высшего образования.

Преобладание разночинцев в государственном аппарате отчасти объяснялось положением в сфере высшего образования. Диплом об окончании высшего учебного заведения давал право на чины XII и X классов. Табель о рангах сказывалась и на положении профессоров. Существовало разделение профессорско-преподавательского состава на заслуженных, ординарных и экстраординарных профессоров, адъюнктов, доцентов, приват-доцентов и ассистентов с их особыми правами и преимуществами. По уставу 1863 г. ректор получал чин IV класса (действительный статский советник), ординарный профессор соответствовал чину V класса (статский советник), экстраординарный профессор был коллежским советником, доцент — на дворянском советником³. Представители податных сословий (крестьяне, мещане) по окончании курса выходили из податного сословия.

В области народного просвещения правительственный курс отличался противоречивостью, занимая значительное место в «охранительской» политике самодержавия. В 1866 г. после выстрела Каракозова министром народного просвещения стал реакционно настроенный граф Д. А. Толстой, сменивший на этом посту А. В. Головинина, представителя либеральной бюрократии. Д. А. Толстой, соединив в своих руках управление Синодом и народным образованием, проводил политику в области народного просвещения в соответствии с требованиями духовенства и дворянства. Стремление Толстого ввести систему государственных экзаменов в России нашло поддержку реакционных общественных кругов, которые выражали недовольство тем, что узаконения поощряли к учению и к приобретению высшего научного образования людей из низших податных сословий, не имеющих по происхождению права на вступление в государственную гражданскую службу, и не заключали в себе почти никакого поощрения к учению и высшему образованию для потомственных дворян⁴. Принятые уставы гимназии (30 июля 1871 г.) и реальных училищ (15 мая 1872 г.), положение о начальных народных училищах 1874 г. служили орудием в руках реакции. Отрицательное влияние этих мер усугублялось бюрократическими методами их осуществления, вызывавшими глубокое общественное недовольство.

Наряду с этим, под влиянием отъезда женской молодежи для завершения образования за границу, откуда женщины не-

редко возвращались убежденными революционерками⁵, правительство вынуждено было санкционировать высшие женские курсы в ряде крупных городов. Соглашаясь «терпеть» их, оно поторопилось сразу же ограничить деятельность образованных женщин педагогической, фельдшерской, счетной и телеграфной службой⁶.

Место университетского вопроса в общей политике самодержавия определялось значением, какое приобрело вообще высшее образование в 70-х годах XIX в.

Подготовка интеллигенции диктовалась общественным развитием, темпы которого неизмеримо возросли после падения крепостного права. Функционирование государственной системы требовало образованных чиновников, юристов, представителей духовенства, офицеров армии и флота. Земская, судебная, городская и другие реформы 60-х годов открыли широкое поле деятельности для лиц с высшим образованием. Растущая экономика, промышленность, транспорт предъявляли спрос на инженеров, специалистов по металлургии, машиностроению, судостроению, электромеханике, электрохимии и др. Сельскому хозяйству был необходим труд агрономов, геодезистов, ветеринаров и других специалистов. В пореформенное время повысился престиж научной и публицистической деятельности, раздвинулись рамки воздействия на общественное мнение представителей искусства и литературы. Высшее образование формально перестало быть монополией привилегированных сословий. К середине XIX в. в России сложилась система высшего образования, в которую наряду с университетами входили высшие технические, сельскохозяйственные, военные, медицинские и другие учебные заведения.

Доминирующее положение в научном отношении и в подготовке специалистов во второй половине XIX в. сохраняли университеты.

Российские университеты⁷ — Московский, Петербургский, Дерптский, Киевский, Харьковский, Казанский и Новороссийский (1865 г.) представляли собой крупные научные центры, решавшие научные проблемы как в области точных, так и гуманитарных наук. Университеты обладали определенными академическими традициями, исторически сложившимися в процессе их развития.

Характерно их географическое распределение — лишь столичные университеты находились в центре с преобладающим

³ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, стр. 420.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, д. 50. Приложение 1, л. 9.

⁵ Примером могут служить участницы «хождения в народ», судившиеся по процессам 50-ти и 193-х.

⁶ Решения Совета министров в январе 1871 г. (см.: С. В. Рождественский, Указ. соч., стр. 512).

⁷ К ним принадлежали в то время Варшавский и Гельсингфорский, историю которых мы в данной работе не рассматриваем, хотя и привлекаем отдельные материалы для сравнения. Дерптский (Тартуский университет)

русским населением. Остальные размещались по окраинам империи, выполняя определенную культурно-просветительную роль в отношении народов Поволжья и Сибири. Среди питомцев российских университетов были и представители славянских стран Балканского полуострова.

С середины XIX в. в университетах сложилась стабильная структура, закрепленная уставом 1863 г.⁸ В каждом университете было четыре факультета: физико-математический (с отделениями физическим, математическим и естественным), медицинский, историко-филологический (с отделениями историческим, славяно-русской филологии и классической филологии) и юридический. Однако были и исключения: в Петербургском университете не было медицинского факультета, но существовал факультет восточных языков; Новороссийский университет до 1900 г. не имел медицинского факультета; Томский университет открылся в составе одного медицинского факультета, к которому в 1898 г. был добавлен юридический; в Дерптском университете функционировал лютеранский богословский факультет. Последний был характерен для западноевропейских университетов. Университеты России с самого начала возникли как преимущественно светские учебные заведения. Кафедры «богословских наук» в целом не оказывали существенного воздействия на характер высшего образования, хотя неоднократно делались попытки насаждать отжившие идеи православия в стенах университетов. «Для церкви и для университета, равно как и для государства, — указывалось в материалах комиссии 1875 г. со ссылкой на пример Дерптского университета, — чрезвычайно важно, чтобы богословию дано было видное место в университете, и русские университеты будут хромать на оба колена, пока в них не будет богословских факультетов»⁹.

Университеты были средоточием выдающихся научных сил передовой научной общественности, определяла климат университетских центров. Научный авторитет завоевывался в борьбе с косным, отжившим в постановке и разработке новых проблем.

В 70-х годах наблюдается определенный подъем в научной деятельности университетов. Он выразился в организации научных обществ, съездов, в росте научной продукции. Например в 1864 г. при Московском университете образовалось Общество

любителей естествознания, антропологии и этнографии. В конце 60-х годов общества естествоиспытателей возникли при Петербургском, Киевском, Харьковском, Казанском и Новороссийском университетах. К началу 1871 г. эти общества насчитывали 375 членов: 288 действительных, 25 почетных и 62 члена-сотрудника¹⁰.

В 1868 г. было создано Химическое общество при Петербургском университете. В пореформенные десятилетия образовались Математическое, Юридическое, Археологическое общества при Московском университете; Юридическое и Филологическое при Петербургском университете; Эпидемиологическое, Математическое, Историко-филологическое, Общество опытных наук при Харьковском университете и ряд других научных обществ, объединявших усилия широкого круга ученых. В пореформенные десятилетия появились регулярные издания по различным отраслям науки. Многие научные открытия увидели свет в университетских ученых записках.

Русская научная литература находила признание зарубежных ученых¹¹. Профессора университетов принимали участие в работе международных съездов физиков, ботаников, зоологов, юристов и ориенталистов. Труды русских профессоров в ряде университетов складывались оригинальные научные школы. Во второй половине XIX в. роль отечественных ученых стала преобладающей по сравнению с XVIII и даже началом XIX в., когда сохранялись еще роль иностранных преподавателей. Личный состав профессоров обеспечивал высокий научный уровень преподавания.

В Петербургском университете (мы привлекаем данные за 1875/76 учебный год) преподавали химию Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров, работали ученые-естествоиспытатели А. Н. Бекетов, А. С. Фаминцын, Ф. В. Овсянников, математик П. Л. Чебышев. Курс русской истории читали К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Костомаров и В. И. Сергеевич, курс русского языка и литературы — академик М. И. Сухомлинов и О. Ф. Миллер. Славянскую филологию преподавал академик И. И. Срезневский. Студенты юридического факультета слушали лекции Н. С. Таганцева и А. Д. Градовского. В том же учебном году преподавателями Московского университета были профессор Ф. А. Бредихин, А. Г. Столетов, В. В. Марковников, А. И. Бабухин. Курс русской истории читал С. М. Соловьев, а всеобщей истории — В. И. Герье; историю литературы вел академик Ф. И. Буслев. В Харьковском университете трудились химик Н. Н. Бекетов, ботаник Л. С. Ценковский, филолог А. А. Потебня.

до 80-х годов сохранял свой особый устав; в 1888 г. был открыт Томский университет.

⁸ См.: Р. Г. Эймонтова. Университетский вопрос в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. и университетская реформа 1863 г. Рукопись канд. дисс. М., 1954.

⁹ «Материалы, собранные отделом высочайше учрежденной комиссии для пересмотра общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г.». СПб., 1876 (далее — «Материалы комиссии...»), стр. 253—254.

¹⁰ Р. Г. Эймонтова. Университетская реформа 1863 г. — «Исторические записки», 1961, т. 70, стр. 164.

¹¹ В. И. Модестов. Русская наука в последние двадцать пять лет. — «Русская мысль», 1890, № 5.

Преподавателями Новороссийского университета в то время были И. И. Мечников и И. М. Сеченов, А. О. Ковалевский, Н. А. Головкинский, В. В. Богишич. В университете св. Владимира в Киеве русскую историю преподавал В. С. Иконников, славянскую филологию — А. А. Котляревский. В качестве доцентов кафедры всеобщей истории работали М. П. Драгоманов и И. В. Лучицкий¹².

Деятельность университетов органически вплеталась в общественную жизнь. Их просветительская роль не ограничивалась стенами аудиторий. Современники, наблюдавшие формирование и рост городов в пореформенную эпоху, выделяли среди них университетские центры. Наряду с публичными лекциями, экспедициями для исследования богатств страны университеты брали на себя инициативу в важных общественных начинаниях, например в организации высших женских курсов в 1872 г. и устройстве для населения публичных лекций, выставок. Большой популярностью пользовалась этнографическая выставка 1867 г. в Москве и политехническая выставка 1872 г., на базе которой возник Политехнический музей. Обе выставки были подготовлены Обществом любителей естествознания при Московском университете. Это же общество положило основание Московскому зоопарку¹³. В научных исследованиях отдельных выдающихся ученых воплощались важные народнохозяйственные задачи. Известно, например, что Д. И. Менделееву принадлежит разработка первоначальных проектов освоения Арктики и Северного морского пути. Он впервые выдвинул идею подземной газификации. В его работах нашли отражение вопросы развития нефтяной промышленности, сельского хозяйства, торговли, народонаселения и т. д. Докторская диссертация В. В. Докучаева о русском черноземе заложила основы научного почвоведения. Известный ихтиолог, профессор Петербургского университета К. Ф. Кесслер предпринял исследование рыбных богатств северных и волжских бассейнов, кавказских и среднеазиатских водоемов, крымской фауны¹⁴.

В 70-е годы научная и общественная роль научных центров усилилась и вследствие роста материальной базы, которая использовалась как для научных исследований, так и для обучения в университетах. Расширилась сеть учебно-вспомогательных учреждений, лабораторий, клиник, в которых лечились сотни людей, музеев, библиотек и т. д.¹⁵

¹² См. «Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения за 1875—1876 учебный год». СПб., 1875 (далее — «Список лицам...»).

¹³ См. «История Московского университета», т. I. М., 1955, стр. 345, 353.

¹⁴ «История Ленинградского университета». Очерки. Л., 1969, стр. 104, 114.

¹⁵ См., например, «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)». Харьков, 1906, стр. 207. «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955, стр. 67; *Л. Эринсон*. Из истории Тартуского университета

В кратком очерке об университетах в 70-е годы мы не ставим целью всестороннее освещение состояния научных центров. В соответствии с задачами нашего исследования мы остановимся лишь на некоторых сторонах их деятельности, в которых в большей степени проявлялось влияние правительственной политики.

Качественные изменения в университетском преподавании выразились в расширении его объема, в дальнейшем росте специализации. По уставу 1863 г. число кафедр на всех факультетах было увеличено от 13 до 19 в каждом университете¹⁶. Из преподавания исключались совсем атрибуты дворянского образования — фехтование, музыка, рисование. В преподавание вводились новые дисциплины. На медицинских факультетах впервые создавались кафедры эмбриологии, гистологии, сравнительной анатомии, врачебной диагностики, нервных болезней; на юридических факультетах — кафедры истории русского права, истории важнейших иностранных законодательств, истории славянских законодательств; на физико-математических — кафедры механики, технологической химии, агрономии; на историко-филологических — кафедры теории и истории искусств, истории всеобщей литературы. В соответствии с требованиями специализации происходили разделения кафедры физики и физической географии, кафедры чистой и прикладной математики, государственное право выделялось в самостоятельную кафедру и т. д. Этот естественный для развития науки процесс тормозился объективными обстоятельствами, усугублявшимися бюрократической регламентацией. Бесспорно, возникновение особых научных дисциплин, выделение специальных ее разделов было выражением поступательного развития науки. Как организовать специализацию в обучении, не нанося ущерба общему научному образованию, — этот важный вопрос находился в центре внимания научных кругов. В университетах, готовивших преподавательские и научные кадры для страны, неоднократно указывалось на необходимость дальнейшего подразделения ряда кафедр, особенно в области медицины. Например, профессор И. В. Склифосовский выступил с инициативой создания ряда отделений. Академик Ф. В. Овсянников в 1875 г. признал обязанностью медицинских факультетов широкую специализацию

в конце XIX и начале XX в. — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 114, 1961, стр. 183—184.

¹⁶ По уставу 1835 г. в университетах было 34 кафедры, при которых было 39 профессоров и 8 адъюнктов. Устав 1863 г. расширил число кафедр до 53, количество профессоров до 57, доцентов, заменивших адъюнктов, — до 33. В университетах без медицинского факультета число преподавателей было иным: в Петербургском университете на 45 кафедр приходилось 50 профессоров и 24 доцента, в Новороссийском на 36 кафедр — 38 профессоров и 16 доцентов (см. ПСЗ-11, т. 10, отд. I. СПб., 1836, № 8337; т. 38, отд. I. СПб., 1866, № 39752. См. также «Материалы комиссии...», стр. 97).

предметов, более обширные лабораторные занятия по отраслям, входящим в состав данной специализации, требования более глубоких сведений по наукам, находящимся в непосредственной связи с главным изучаемым предметом. В противном случае университет будет готовить не медиков, а дилетантов, ибо «в настоящее время полное знакомство со всеми отделами медицины сделалось сверх человеческих сил»¹⁷.

В конкретных исторических условиях России 70-х годов XIX в. не все представители ученого мира воспринимали специализацию как явление научного прогресса, что объяснялось и некоторыми объективными условиями.

Развитие капитализма в пореформенной России обусловило огромный спрос на специалистов в самых разнообразных сферах. При острой нехватке вообще лиц с высшим образованием некоторым ученым представлялся опасным уклон к специализации. Все это обусловило резкие столкновения внутри корпорации ученых при обсуждении проблем организации науки, в частности, по поводу записки Ф. В. Овсянникова «О специализации предметов в медицинских факультетах и докторских степенях по отдельным медицинским наукам»¹⁸. Против введения докторских степеней в хирургии, акушерстве, физиологии, гигиене¹⁹ выступила большая часть членов медицинской комиссии. Специализация врачей могла бы быть допущена, по их мнению, в столицах, но не в провинциальных больницах, «где врач обязан лечить все роды болезней»²⁰. Специализация врачей потребовала бы для городских и земских больниц большого числа медиков, которых и в то время было совершенно недостаточно. Противоречия, реально существовавшие среди ученых, пытались использовать бюрократическое руководство, которое видело выход в универсализме образования. Представители точки зрения Министерства народного просвещения — И. Д. Делянов, Н. В. Варадинов, М. Н. Капустин, А. И. Георгиевский, Н. А. Любимов, А. М. Гезен допускали для всех факультетов и кафедр возможность замещения их неспециалистами в данной области науки. Более того, они считали требование ученой степени по разряду наук соответствующих кафедр «стеснительным», хотя ученые подчеркивали «пользу, важность и необходимость специализации университетского преподавания»²¹.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53. Приложения. Протокол № 7, стр. 1. Подобные же предложения высказывались и в «Докладе юридической комиссии».

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53. Приложения. Протокол № 7, стр. 1—3.

¹⁹ В то время существовали только степени доктора медицины и доктора хирургии.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53. Приложения. Протокол заседания медицинской комиссии, № 7, стр. 8.

²¹ Там же, Журнал заседания 30 сентября 1876 г., № 11, стр. 19.

В русских университетах в отличие, например, от университетов США, техническое образование было отделено от университетского. Деловые круги не раз поднимали вопрос о введении и университетские курсы технических дисциплин. Специалистов для промышленности России второй половины XIX в. готовили только Горный, Практический технологический институт в Петербурге, Московское высшее техническое училище, Харьковский техполитехнический институт (1885 г.). В стране даже в конце XIX в. был разрыв между количеством выпускаемых специалистов и насыщенностью всех отраслей производства образованными кадрами: среди 27132 заведующих фабричными и заводскими предприятиями только 2076 человек, т. е. 8%, имели техническое образование, из них четверть составляли иностранцы²².

Введение на физико-математических факультетах прикладных наук соответствовало бы утилитарным требованиям развития промышленности и технического прогресса. Как отмечалось в записке профессора Казанского университета А. Чугунова, несмотря на огромное развитие заводской промышленности на Урале, «во всей восточной половине России нет никакого высшего технического учебного заведения»²³. Уровень подготовки специалистов в Европейской России не вполне соответствовал потребностям развивавшегося капиталистического производства. Это отмечалось на съезде предпринимателей машиностроительной промышленности²⁴.

Предлагая устройство технического отделения при физико-математическом факультете, профессор Харьковского университета А. Брюн 20 декабря 1875 г. писал: «Для Харьковского университета, находящегося вблизи обширной площади Донецкого края, обильной полезными рудами и каменным углем, введение означенных технических предметов²⁵ должно получить значительные меры, удовлетворяющей одной из наиболее важных местных потребностей»²⁶. Неоднократные обсуждения этих проблем в университетских кругах, в частности в факультетской физико-математической комиссии²⁷, не решили окончательно вопроса. В России прикладное техническое образование расширилось путем открытия в конце XIX в. новых институтов в Томске,

²² См. «Второй съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию в России».— «Техническое образование», 1895, кн. 7, стр. 227.

²³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 11. Записка «О необходимости учреждения технико-агрономического отделения в разряде естественных наук физико-математического факультета», л. 183.

²⁴ Там же, № 9, л. 163.

²⁵ Дополнительные курсы горного дела, металлургии, а также маркшейдерской практики.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 9, л. 471.

²⁷ Кроме членов общей комиссии: И. Рахманинова, А. Воскресенского, А. Бекетова, Н. Любимова, А. Питры, в ее составе были выдающиеся русские ученые: А. Бутлеров и акад. П. Чебышев.

Киеве, Варшаве и в других городах. Развитие параллельно с прикладным теоретического университетского образования способствовало более высокому уровню научного образования в целом.

Рост научных сил в университетах того времени отставал от расширения объема преподавания и возросших требований к специалистам с высшим образованием.

На протяжении 70-х годов сохранялся разрыв между наличным преподавательским составом и штатами. Недостаток преподавателей был особенно острым на юридическом и историко-филологическом факультетах²⁸. Незамещенность кафедр постепенно преодолевалась с помощью приват-доцентов (внештатных преподавателей), особенно многочисленных на факультетах естественных наук, а также в процессе текущего роста молодых научных кадров. Советы университетов (общие собрания всех профессоров каждого университета) обладали правом присуждать ученые степени магистра и доктора наук. Главным условием при замещении кафедр для университетских коллегий был научный уровень преподавателя. Для Министерства народного просвещения основным критерием служила «политическая благонадежность».

Хроническая незамещенность многих кафедр, более значительная в провинциальных университетах, подчеркивает разительное отличие в численности преподавательского состава в России и на Западе. Контраст в обеспеченности кадрами университетов Германии и России виден из следующего примера: по расписанию лекции на летний семестр 1875 г. в университетах Берлина читали 120 профессоров, Лейпцига — 108, Вены — 111, не считая приват-доцентов²⁹. Согласно учебным планам на 1875—1876 гг. на историко-филологических факультетах в Петербургском университете читали 11 профессоров и 7 доцентов; в Московском — 11 профессоров и 5 доцентов, в Казанском — 6 профессоров и 5 доцентов, в Харьковском — 9 профессоров и 2 доцента, в Киевском — 7 профессоров и 6 доцентов, в Новороссийском — 7 профессоров и 4 доцента, в Дерптском — 8 профессоров и 2 доцента³⁰; на юридических факультетах в Петербургском университете — 12 профессоров и 8 доцентов, в Московском — 10 профессоров и 8 доцентов, в Казанском — 11 профессоров и 3 доцента, в Харьковском — 11 профессоров и 1 доцент, в Киевском — 11 профессоров и 1 доцент³¹.

²⁸ В русских университетах в течение многих лет оставались вакантными кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков, теории и истории искусства, истории русского права, истории славянского законодательства и др. (см. «Университетский устав 1863 г.» СПб., 1863; ПСЗ-II, т. 38, отд. 1. СПб., 1866, № 39752).

²⁹ «Материалы комиссии...», стр. 108.

³⁰ Там же, Приложение № 4А.

³¹ Там же, Приложение № 4Б.

в Новороссийском — 9 профессоров и 3 доцента, в Дерптском — 9 профессоров. На медицинских факультетах по учебным планам на 1875—1876 гг. читали курсы и вели практические занятия в Московском университете — 19 профессоров и 16 доцентов, в Казанском — 16 профессоров и 9 доцентов, в Харьковском — 15 профессоров и 8 доцентов, в Киевском — 13 профессоров и 10 доцентов³².

Таким образом, даже столичные университеты России по численности профессорско-преподавательского состава уступали европейским университетам, что неизбежно сказывалось на объеме информации, получаемой студентами. Успехи, достигнутые в развитии науки и обучении студентов, шли за счет, главным образом, огромного перенапряжения сил ученых, сочетавших, как правило, преподавательскую и научную деятельность. Вот почему большинство профессоров при обсуждении университетского вопроса ставило акцент не на уставе, а преимущественно на материальных условиях. «Дело успеха, — отмечали ректоры и профессора³³ при обсуждении этого вопроса в комиссии в 1875 г., — зависит прежде всего от денежных средств, употребляемых на научные пособия университетов; когда в библиотеках нет многих необходимых книг, в клиниках, лабораториях, кабинетах нельзя надлежащим образом работать или нужно отказывать себе и студентам на каждом шагу в исполнении того или другого опыта или наблюдения, то не может быть значительного успеха в занятиях»³⁴.

О росте популярности научных занятий в кругах интеллигенции России того времени свидетельствует постепенное усиление темпов подготовки научных кадров. Обратимся к цифрам. За десятилетие с 1863 по 1874 г. на историко-филологических факультетах получили докторские степени 62 человека (из них в Петербургском — 25, в Московском — 17, в Казанском — 4, Харьковском — 4, Новороссийском — 4, Киевском — 3, Дерптском — 5); защитили магистерские диссертации 58 человек (из них в Петербургском университете — 25, в Московском — 13, в Казанском — 4, в Харьковском — 1, в Новороссийском — 3, в Киевском — 5, в Дерптском — 7)³⁵.

На юридических факультетах за 1863—1874 гг. получили степень доктора 56 человек (из них в Петербургском — 17, в Московском — 10, в Казанском — 4, в Харьковском — 4, в Новороссийском — 7, в Киевском — 10, в Дерптском — 4); защитили магистерские диссертации 53 человека (из них в Петербургском — 16, в Московском — 14, в Казанском — 5,

³² Там же, Приложение № 4В.

³³ А. Воскресенский, А. Пигра, Н. Кремлев, Е. Осokin. Ф. Леонтович, И. Рахманинов, А. Бекетов и К. Коссович.

³⁴ «Материалы комиссии...», Журнал заседания 2 и 3 октября 1876 г., № 12, стр. 44.

³⁵ «Материалы комиссии...», Приложение № 6.

в Харьковском — 6, в Новоросийском — 3, в Киевском — 6, в Дерптском — 3)³⁶.

Успехи в развитии физико-математических наук наряду с блестящими открытиями в этой области отразились и в количественном росте ученых. За 1863—1874 гг. на физико-математических факультетах ученую степень доктора получили 112 человек (из них в Петербургском университете — 28, в Московском — 24, в Казанском — 9, в Харьковском — 20, в Новоросийском — 9, в Киевском — 11, в Дерптском — 11); защитили магистерские диссертации 139 человек (из них в Петербургском — 47, в Московском — 34, в Казанском — 12, в Харьковском — 13, в Новоросийском — 7, в Киевском — 9, в Дерптском — 17)³⁷.

Прогресс в медицинских науках выразился также в росте научных кадров. В 1863—1874 гг. получили докторские степени 242 ученых (из них в Московском университете — 118, в Казанском — 20, в Харьковском — 27, в Киевском — 26, в Дерптском — 51). Получили степень магистра фармакологии 30 человек (из них в Московском университете — 10, в Казанском — 1 и 19 в Дерптском).

На факультете восточных языков Петербургского университета в 1863—1874 гг. степень доктора получили 15 человек и магистра — 11. Скромнее были успехи на богословском факультете Дерптского университета, где всего двое получили степень доктора богословия³⁸.

Эти данные, характеризующие темпы подготовки ученых в России в различных университетах и факультетах, выявляют бесспорное первенство в выращивании научных кадров столичных университетов, за которыми следовали Харьковский, Киевский и Дерптский.

Наибольший рост специалистов высшей квалификации происходил на физико-математических факультетах, что обуславливалось и ростом общественных потребностей.

Изменения в преподавании и новые общественные задачи по подготовке квалифицированных специалистов привели к изменениям методов преподавания и организации учебного процесса. Сроки обучения увеличивались. Студенты получали высшее образование в течение 4—5 лет. Для стимулирования научных занятий с начала 60-х годов вошли в практику присуждение медалей и почетные отзывы на лучшие студенческие работы. Наряду с поощрениями такого рода за студенческими занятиями устанавливался постоянный контроль. Учебный план предусматривал определенную последовательность при овладении знаниями. Студенты должны были сдавать по предметам

полукурсовые (за семестр) и курсовые (переводные испытания). В 60—70-х годах уже получила распространение специализация студенческих занятий, связанная с дифференциацией научных знаний того времени. Если в дореформенное время студент физико-математического факультета в обязательном порядке должен был изучить математику, физику, химию, ботанику, зоологию, минералогию и другие дисциплины, то в конце 60-х годов в учебных планах была предусмотрена специализация студенческих занятий с тем, чтобы на первых двух курсах они могли изучать основные дисциплины отделения, а с третьего курса — начинать изучение главной специальности³⁹.

К середине XIX в. в учебной работе высшей школы укрепились традиции связи научной и преподавательской работы. Повышение качества преподавания было обусловлено усилением научно-материальной базы. При университетах и институтах функционировали лаборатории, клиники, оборудованные аудитории, ботанические сады, оранжереи и т. д. Хотя потребности в научно-вспомогательных учреждениях и не удовлетворялись полностью, они позволили ввести в учебный процесс практические или семинарские занятия, которые распространились сначала при изучении естественных и точных наук, а затем стали неотъемлемой принадлежностью преподавания и гуманитарных дисциплин. Сочетание лекционного метода с практическими занятиями повысило уровень подготовки специалистов.

Однако развитию связи между теорией и практикой в преподавании препятствовала недостаточность материальных средств на улучшение и расширение учебно-вспомогательных учреждений.

В 60—70-х годах по окончании университета студент получал звание кандидата или действительного студента. За десятилетие (1863—1874 гг.) по историко-филологическим факультетам успешно окончили курс и получили ученую степень кандидата 540 человек (из них в Петербургском университете — 86, в Московском — 99, в Казанском — 50, в Харьковском — 52, в Новоросийском — 27, в Киевском — 167, в Дерптском — 59)⁴⁰; на юридических факультетах ученую степень кандидата получили 2524 юриста (из них в Петербургском университете — 716, в Московском — 781, в Казанском — 187, в Харьковском — 264, в Новоросийском — 153, в Киевском — 200, в Дерптском — 223)⁴¹. На медицинских факультетах за это же время получили звание лекаря 1650 человек (из них в Петербургском — 789, в Казанском — 182, в Харьковском — 202, в Киевском — 357,

³⁶ «Материалы комиссии...», Приложение № 6.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Р. Г. Эймонтова. Университетский вопрос в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. и университетская реформа 1863 г. Рукопись канд. дисс. М., 1954.

⁴⁰ «Материалы комиссии...», Приложение № 6.

⁴¹ Там же.

Профессура и отношение университетских корпораций к политике самодержавия

в Дерптском — 120)⁴². На физико-математических факультетах степень кандидата получили 1292 человека (из них в Петербургском университете — 301 человек, в Московском — 427, в Казанском — 55, в Харьковском — 158, в Новороссийском — 86, в Киевском — 180, в Дерптском — 85). Факультеты восточных языков за 1863—1874 гг. со степенью кандидата окончили 66 человек⁴³.

Для подготовки научных кадров в университетах впервые возникла та система «оставления молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию», которая в дальнейшем получила наименование аспирантуры. С 70-х годов вошло в практику оставление при университетах выпускников без обеспечения их стипендиями («свокоштных профессорских кандидатов»). Аспиранты пользовались консультациями определенных профессоров, которым каждое полугодие представляли письменные работы. Через два года после зачисления стипендиаты экзаменовались на степень магистра и готовили магистерскую диссертацию.

Некоторые тенденции, рассмотренные нами в этом кратком очерке, в отношении характера университетского образования, специализации преподавания, темпов подготовки специалистов и т. д. отражали в конечном счете состояние науки, обладавшей собственной логикой развития. Одни они не могли определить дальнейшего развития университетов, и итог развития определялся реальной борьбой общественных сил. Интересы развития просвещения и науки определялись потребностями буржуазного развития страны, протекавшего в сложных условиях.

Развитие буржуазного законодательства и «поправки» к реформам, прямые стеснения земств, судов и университетов, всеобщая воинская повинность, подорвавшая привилегии дворянства и сословность, — все это было проявлением противоречивости внутренней политики 70-х годов XIX в. Современники отмечали эту черту политического курса. Государственный деятель умеренно-либерального направления А. В. Головин, освещая правительственную политику «изнутри», осуждал «старание исказить реформы совершенные, уменьшить льготы, уже данные»⁴⁴.

Направление внутренней политики зависело в конечном счете от социально-экономического развития страны и силы революционного натиска на самодержавие. В борьбе по университетскому вопросу, всегда острой и подчас драматичной, отразилась расстановка общественно-политических сил эпохи. Важность университетского вопроса определялась ролью академической свободы в общей системе буржуазных прав, к расширению которых стремилась либеральная интеллигенция.

⁴² «Материалы комиссии...», Приложение № 6.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 851 (А. В. Головин), оп. 1, д. 15, л. 8.

В большинстве работ, посвященных истории университетов, взаимоотношения профессорских коллегий с правительственной властью не исследованы⁴⁵. Либеральное общественное движение, к которому по своему характеру примыкали выступления либеральной профессуры, принадлежит к малоизученным сюжетам в советской историографии. Прежде чем перейти к рассмотрению одной из сторон участия университетов в общественно-политическом движении, остановимся на общей характеристике профессуры университетов.

Профессора университетов составляли часть относительно небольшой в России того времени научной интеллигенции, группировавшейся вокруг высшей школы и Академии наук. В 1875 г. в шести университетах было 387 профессоров и доцентов. Нам удалось обнаружить в архиве за этот год 321 послужной список (82,9%).

Преподаватели университетов имели высшее образование. Из 318 послужных списков (в трех нет данных о месте получения образования) лишь в двух было зафиксировано среднее образование: Н. Н. Дорджеев⁴⁶, лектор монгольского языка Петербургского университета, окончил только Иркутскую духовную семинарию; А. А. Вериге, доцент химии Новороссийского университета, окончил Петербургское коммерческое училище, защитив затем в 1866 г. докторскую диссертацию. Петербургский университет окончили 53 человека, Московский — 81, Казанский — 46, Харьковский — 32, Киевский — 30, Новороссийский — 9, Варшавский — 1, Гельсингфорский — 1 (Г. И. Лагермарк). Вопреки утверждениям консервативной прессы о Дерптском университете как о рассаднике профессоров, среди преподавательского состава университетов в 1875 г. было лишь 11 его выпускников. В этом отношении Дерптский университет уступал Главному педагогическому институту (среди 16 его питомцев были Д. И. Менделеев, минералог К. М. Феофилактов), духовным академиям (17 выпускников) и Медико-хирургической академии (13). Дипломы иностранных учебных заведений имели только семь профессоров: И. В. Ягич, В. Б. Томса, С. И. Баршев, А. И. Базаров, В. В. Богишич, И. И. Флери, Д. А. Хвольсон. Итак, из штатных преподавателей шести университетов преобладающая часть, 264 человека (83%), имела дипломы отечественных университетов.

⁴⁵ О профессиональном облике и материальном положении профессоров содержатся некоторые сведения в главе «Работники науки» книги В. Р. Лейкиной-Свирской («Интеллигенция в России во второй половине XIX века», М., 1971).

⁴⁶ Из «инородцев» Иркутской епархии.

О возрастном составе преподавателей можно судить по данным 318 послужных списков (в трех списках нет сведений о возрасте). Они распределялись по возрасту следующим образом:

	Численность	Процент
До 35 лет	91	28,6
35—40 »	69	21,7
40—45 »	64	20
45—50 »	36	11,3
50—60 »	46	14,4
Свыше 60 »	12	3,7

Итак, наибольшее число преподавателей в 1875 г. составляла группа в возрасте до 35 лет (28,6%), а более половины — 260 (81%) были преподаватели в возрасте до 50 лет. Относительно молодой состав профессорского корпуса был связан с притоком образованных специалистов в эпоху падения крепостного права, когда происходила своего рода смена поколений русской интеллигенции в различных сферах общественной деятельности.

О национальности преподавателей мы можем судить лишь по данным о вероисповедании. Из 321 послужного списка в шести сведения о вероисповедании отсутствуют, так что мы исходим из анализа 315 формуляров. В 1875 г. подавляющую часть корпуса штатных преподавателей составляли русские. Православных было 257 из 315, т. е. свыше 81%. Из 41 списка лютеран только в двух отмечено место происхождения. Так, Ф. Ф. Мартенс — из цеховых г. Пернова. Подавляющее большинство лютеран были выходцами из Прибалтики немецкой национальности. Лишь профессор химии Харьковского университета Г. И. Лагермарк был «из уроженцев Финляндии»⁴⁷ (0,3%). Итак, немцев среди преподавателей было 37, или 11,6%. Поляков было 12, или 3,8%. Профессор армянской словесности Петербургского ун-та К. П. Патканов был армянином (0,3%).

О социальном составе преподавателей мы можем судить лишь по их сословной принадлежности, данные о которой отсутствуют в шести послужных списках, так что мы располагаем материалами о 315 лицах. Из них:

Сословие	Число	Процент
Из дворян	129	40,9
Из потомственных почетных граждан	4	1,2
Из духовного звания	56	17
Из чиновников и обер-офицеров . . .	45	14,2
Из купцов	23	7,3
Из мещан	31*	9,8
Из крестьян	5	1,5
Прочих**	22	6,9

* Один из них сын фабриканта.

** Сидович 16 иностранцев, одного штаб-лекаря и одного вольного штурмана а также 4 разночинцев.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 1396, л. 10. Из протестантов были также 3 англичанина.

Для профессуры пореформенных университетов была характерна значительная прослойка разночинцев — 114 (36%). К ним мы в данном случае относим детей чиновников, обер-офицеров, купцов, мещан, крестьян, получивших высшее образование и объединенных принадлежностью к интеллигенции. Мы исходим из ленинского определения разночинцев как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»⁴⁸. Характерно, что из 315 преподавателей 186 (53,9%), т. е. более половины, не принадлежали к дворянскому сословию. В. В. Докучаев (в 1875 г. хранитель кабинета в Петербургском университете) был из семьи священника. Из городских слоев были профессор международного права Петербургского университета Ф. Ф. Мартенс, профессор теории и истории искусств Киевского университета П. В. Павлов. Сыном чиновника (надворного советника) был Д. И. Менделеев. К купеческой среде по своему происхождению принадлежал профессор анатомии Петербургского университета, академик Ф. В. Овсянников. Из государственных крестьян профессорского звания достиг зоолог А. П. Богданов, окончивший Московский университет в 1855 г. Из крестьян Вологодской губернии был профессор математики А. Н. Коркин, исключенный из податного состояния в 1858 г. по окончании Петербургского университета.

Менее половины преподавателей (129, или 40,9%) принадлежали к дворянскому сословию.

О соотношении служилого и поместного дворянства внутри господствовавшего сословия точных данных нет. Сведения об имущественном положении университетских преподавателей (родовой или приобретенной собственности самого профессора, его жены, его родителей) содержатся в послужных списках. У 15 дворян (11,6%) собственность заключалась во владении домом. Восемь профессоров (6%) имели небольшие дачи: Н. Н. Бекетов, профессор химии Казанского университета, — в Таврической губ. (7 дес.); А. В. Романович-Славатинский — в Киевской губ. (6 дес.); Н. А. Головкинский — в Крыму; и др.

Родовая собственность имела у 15 человек (у одного имение заложено), у пяти — родовая собственность у родителей, у шести — приобретенная, у трех — приобретенная собственность у жены. Таким образом, земельная собственность различных видов была у 32 преподавателей, что составляет 25% всех дворян или 10% тех преподавателей, послужными списками⁴⁹ которых мы располагаем.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93—94.

⁴⁹ В них могут быть отдельные неточности. Так, например, в формулярном списке А. М. Бутлерова отмечено отсутствие недвижимой собственности. В ходе работы удалось обнаружить, что он владел имением (2200 дес.) в

Рассмотрим размер всех видов земельных владений^{49а}:

от 100 до 300 дес.	— 6 человек
от 300 до 500 »	— 6 »
от 500 до 1000 »	— 9 »
от 1000 до 5000 »	— 7 »
без указания размера	— 4 человека

Таким образом, крупных помещиков, владевших более чем 1000 дес., среди профессоров было всего семеро. Подавляющее большинство преподавателей-дворян — 75 из 129 (58%) не обладали земельной собственностью вообще. Из беспоместного служилого дворянства были профессора К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, В. В. Марковников, Н. В. Склифосовский, А. С. Фамицын.

Анализ послужных списков показывает фактическое преобладание среди преподавателей разночинских элементов, к которым по своему общественному и имущественному положению были близки образованные представители беспоместного служилого дворянства. Послужные списки позволяют проследить пути формирования из представителей различных сословий научной интеллигенции, рост которой был обусловлен развитием капитализма в России. Факт вытеснения из «общества» помещичьего класса разночинцами В. И. Ленин рассматривал как отражение в социальной области экономического процесса капиталистического развития⁵⁰. Разночинская среда питала различные политические течения. Профессора составляли в целом слой преимущественно разночинской умеренно-либеральной интеллигенции со значительной долей консервативно настроенных лиц. (При всей своей немногочисленности университетские профессора представляли довольно влиятельный и своеобразный слой русской интеллигенции, характеристика которого отнюдь не исчерпывается рассмотренными показателями послужных списков. В их среде сталкивались на научной почве самые различные, подчас противоположные течения и направления. Служение науке, постоянный научный поиск лежали в основе деятельности корпорации ученых.

С ослаблением бюрократической опеки над университетами по уставу 1863 г. расширился круг деятельности университетских советов (собрание всех профессоров каждого университета). Через совет проходили все вопросы научного и учебного характера. Порядок преподавания, присуждение ученых степеней, назначение стипендий студентам решались советом. Правила

регулирующие внутреннюю жизнь университетов, инструкции для инспекции составлял также совет. Он избирал ректора, деканов, проректора (или инспектора) и университетских судей. Совет профессоров рассматривал финансовую смету университета, распоряжался специальными средствами, распределял по факультетам штатные суммы на учебные пособия. Но самостоятельность университетских советов была весьма ограниченной, достаточно серьезной оставалась власть министра и попечителя (назначение и увольнение преподавателей, за исключением профессоров, утверждение инспектора и инструкции для инспекции, университетских правил, освобождение от платы за учение, назначение пособий и т. д.).

Ограниченная самостоятельность университетских коллегий, внесенная реформой 1863 г. в университетскую жизнь, не может идти ни в какое сравнение с теми правами, которыми пользовались английские и немецкие университеты. Тем не менее профессора российских университетов очень дорожили и этими небольшими возможностями, расширявшими их влияние в отношении научного развития университетов и обучения студентов. Доказывая вообще неприменимость бюрократических мер к университетам, С. М. Соловьев в «Соображениях» писал: «Здесь начальник встречает в подчиненном человека науки, мастера в ней, иногда такого, каких немного, а пока в образованном человечестве будут цениться умственные способности, ученые заслуги и литературные труды, до тех пор ученый, профессор будет иметь нравственный авторитет»⁵¹.

Корпоративный строй профессорских коллегий сложился еще в средневековых университетах Западной Европы. Обособленность корпораций обычно выражалась в особом университетском суде и в правах, пожалованных феодальной властью (освобождение от повинностей, пошлин, гербового сбора и т. д.). В условиях буржуазного развития традиционная обособленность научного сословия приобрела иное содержание. Профессорские коллегии пореформенных университетов России отразили буржуазно-либеральные настроения. В самом стремлении к самостоятельности, естественном для научного мира, таилась потенциальная возможность конфликтов. Взаимоотношения профессуры с самодержавной властью более четко прослеживаются в рамках университетов при централизованном управлении Министерства народного просвещения, чем в технических высших учебных заведениях, где в эти отношения определенные коррективы вносили и интересы ведомства.

Для истории пореформенных университетов были характерны частые столкновения профессорских коллегий с правительственной властью. Всемогущая бюрократическая клика не мог-

Казанской губернии Спасского уезда в деревне Бутлеровка (см. ЦГН СССР, ф. 733, оп. 149, д. 827, л. 144).

^{49а} В имени, находившемся в совместном владении с родственниками (кроме жены), мы принимаем в расчет половину его площади.

⁵⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 433.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53. Приложения. Журнал заседания 2—3 ноября 1876 г., № 29, стр. 2.

ла мириться даже с той ограниченной самостоятельностью, которой обладали университетские советы по уставу 1863 г. В политически бесправной стране университеты неизбежно служили своеобразным каналом выражения политического недовольства. Одно лишь существование урезанной автономии университетских советов делало неизбежными конфликты с бюрократическими учреждениями и, подобно земству, поддерживало недовольство и питало «оппозицию самодержавному правительству»⁵².

Первым отголоском недовольства правительства университетской автономией можно считать постановление от 21 января 1865 г., в котором указывалось, «чтобы совет Московского университета не выходил из круга деятельности, указанного университетским уставом»⁵³. О фактах неповиновения, вызвавшего «высочайшее» недовольство, даже не упоминалось. Как быстро правительство стало тяготиться стремлением университетских коллегий к самостоятельности! Спустя год в Московском университете произошло открытое столкновение профессоров с Министерством народного просвещения. Совет забаллотировал двух профессоров (А. И. Меньшикова и В. Н. Лешкова). Министр А. В. Головнин утвердил одного из них, нарушив правила избрания профессоров и соблюдение тайны голосования по уставу 1863 г. «И закон, и здравый смысл, и практика всех русских учреждений,— писал Б. Н. Чичерин,— все беззащитно попиралось ногами ради сохранения в университете никуда не годного профессора»⁵⁴. Протест против незаконного решения министра заявил Ф. М. Дмитриев. Конфликт осложнился борьбой внутри членов совета. Профессора Ф. М. Дмитриев, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, С. А. Рачинский, М. Н. Капустин и Н. К. Бабет подали в отставку в знак протеста против произвола министра и низведения совета «на степень слепого орудия и безмолвного исполнителя приказаний начальства»⁵⁵. Уход известных профессоров из университета, широко обсуждавшийся в кругах научной интеллигенции⁵⁶, на практике показал, чего стоит дарованная университетам «автономия». Хотя другие университеты поддержали протестовавших, налицо были слабость и неорганизованность оппозиционных элементов в профессорской среде.

Увольнение из Казанского университета в 1871 г. известного профессора Лесгафта также повлекло за собой демонстративный выход в отставку профессоров Головкинского, Данилевско-

го, Имшенецкого, Марковникова, Голубева, Якобия и Левитского⁵⁷. Профессура разделяла общую для либералов иллюзию о возможности академической и местной свободы в рамках самодержавного строя. Протесты профессоров и подчас вынужденные их отставки были характерными проявлениями либеральной оппозиции в университетах того времени.

В конце 60-х годов осложнился вопрос с замещением кафедр. Ссылаясь на забаллотирование за время действия устава 1863 г. 12 профессоров, Д. А. Толстой добился отмены одного из важных пунктов устава. Вместо 2/3 голосов в совете для избрания профессора введено было простое большинство⁵⁸, как в дореформенное время. Причем разрешение на переизбрание прежде отвергнутых профессоров зависело от министра, который, например, в Московском университете разрешил перебаллотировку только П. М. Леонтьеву⁵⁹. «Относительно же других, которых желало большинство совета,— заметил либерально настроенный профессор О. М. Бодянский,— было дано знать под рукою, что если они будут избраны, то выбор их не будет утвержден»⁶⁰.

Правительство рассматривало устав 1863 г. как уступку, тем более нежелательную, что с его помощью прекратить студенческие «беспорядки» не удалось. Особое совещание 1874 г. отмечало, что профессорские коллегии «не обнаруживают должного сознания своих отношений к правительственной власти и не имеют того охранительного такта, который необходим для поддержания внутреннего дисциплинарного строя заведения; они пренебрегают нравственными способами влияния на учащихся и даже нередко способствуют сознательно или бессознательно водворению в среде своих слушателей неправильных понятий об их положении в заведении и их отношениях к начальству»⁶¹.

Стремление правительства пересмотреть устав 1863 г. встретило отпор со стороны всех университетов, высказавшихся за его сохранение⁶². Более резко оппозиционность университетов проявилась в отношении к комиссии, созданной в апреле 1875 г. для пересмотра университетского устава. Согласно секретной

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 64.

⁵³ «Сборник постановлений по МНП», т. 4. СПб., 1871, стр. 133—134.

⁵⁴ Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, стр. 169.

⁵⁵ Там же, стр. 178.

⁵⁶ К. К. Арсеньев в письме профессору В. И. Герье писал 1 апреля 1867 г. что отставка московских профессоров «наделала и здесь [в Петербурге.— Г. Щ.] много шума» (ОР ГБЛ, ф. 70 (В. И. Герье), к. 36, № 56).

⁵⁷ М. К. Корбут. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804—1929), т. II. Казань, 1930, стр. 34—35.

⁵⁸ «Сборник постановлений по МНП», т. 4, № 396.

⁵⁹ Реакционный публицист, сторонник «классицизма», он был дважды провален на выборах своими коллегами. «Когда желают кого провести сильные мира сего в университет, тут первая неудачная баллотировка не значит для них ничего, допускается вторичная, даже третичная»,— комментировал это событие автор «Трилогии на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета» (К. Муций Сцевола (О. М. Бодянский). Соч. М., 1873, стр. 12) (далее — «Трилогия на трилогию...»).

⁶⁰ Там же, стр. 11.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 514, оп. 1, л. 32, л. 103.

⁶² ЦИАЛО, ф. 14, св. 207, 1872 г., л. 7189, л. 47.

записке товарища министра народного просвещения И. Д. Делянова комиссия должна была доставить «некоторое нравственное удовлетворение университетам, которые, таким образом, не будут иметь права ни сетовать на их устранение в деле, которое прямо их касается, ни глумиться над министерством, что оно предприняло их реформу обычным канцелярским путем»⁶³. Главная роль отводилась процедуре «рассмотрения на местах». Часть членов из 4—5 лиц при посещении университетов должна была «вызвать откровенные мнения и заявления профессоров, независимо от решений, принятых советами»⁶⁴.

Таким образом, с первых шагов преобразование университетов замыслилось правительством без участия и вопреки мнению большинства представителей университетских коллегий. Совет Петербургского университета официально заявил, что «по убеждению всего ученого сословия, сохранение ныне действующего устава во всей его целостности положительно необходимо». Предполагаемое же изменение устава «неминуемо повело бы к умственному и нравственному падению русских университетов»⁶⁵. Однако подавляющее большинство профессоров высказавшись против пересмотра устава, в то же время возлагало «надежды» на правительство.

В университетских кругах быстро оценили истинное назначение комиссии. Внимание общества к ее работе привлекло так называемое дело профессора Любимова. Программа, воплотившаяся с победой реакции в уставе 1884 г., впервые возникла в среде реакционной профессуры. Ее глашатаям выступил профессор физики Московского университета Н. А. Любимов еще в 1873 г. «Наши университеты, — подчеркивал он в статье «По поводу предстоящего пересмотра университетского устава», — учреждены правительством, черпают главные свои средства из государственного казначейства, в своих решениях по скольким-нибудь важным делам управления связаны необходимостью начальственного разрешения»⁶⁶. Он выступал за полную централизацию в управлении университетов, за приравнивание профессоров к обычным чиновникам, за назначение «сверху» экзаменационных комиссий, договариваясь даже до уменьшения числа университетов («Если ученые силы так слабы, что нельзя составить 20 университетов, то составьте их 2, но с полной тщательностью»⁶⁷, т. е., по словам В. И. Герье, готов был «вместе с уставом принести в жертву и самые университеты»)⁶⁸. Любимов, предложивший брать со студентов плату за лекции на четыре года вперед, по мнению Герье, «напоминает при

этом доктора, который, не зная, как излечить болезнь, предложил удавить больного»⁶⁹.

Демократическая пресса выступила против Любимова. Устранение профессоров от экзаменов, замена выборности профессоров министерским назначением — все эти предложения были единогласно отвергнуты в совете Московского университета. Любимов, по мнению либерального публициста и ученого, «подчиняет важнейшую сторону университетской жизни административному началу и строит весь организм университета на чиновничестве»⁷⁰. По мнению либеральных профессоров, выраженному В. И. Герье, «устав нуждается только в пересмотре чисто редакционного характера», и совершенно необходимо при пересмотре сохранить «лючшее и независимое положение университетов и выбор профессоров советской баллотировкой» (в ученом совете. — Г. Щ.). В пересмотре устава они считали необходимым участие университетов.

Несомненным итогом полемики по университетскому вопросу в прессе середины 70-х годов явилось поражение реакционной профессуры в лице Любимова. «Мнение его разбито во всех точках и со всех сторон», — констатировала газета «Голос»⁷¹.

В 1876 г. Любимов выступил с законченной реакционной программой по университетскому вопросу. В особой записке в комиссию он следующим образом охарактеризовал состояние университетов: «бесконтрольность» советов и факультетов порождает недостатки преподавания, профессора в своих лекциях не считают «с государственными требованиями». Любимов не жалел красок при описании «злоупотреблений» в управлении советов, которые он именовал «республиками», где царит «борьба интересов и партий», «деспотизм господствующего большинства, дух раздора»⁷² и т. д. Особое негодование Любимова вызывало отсутствие «ясной границы прав и обязанностей попечительской власти» и «полное невмешательство» правительства в университетские дела, что совершенно не соответствовало действительности. Он часто ссылался на анонимные заявления профессоров, мнения Кремьянского, Вальтера, Абашева и других профессоров, не сочувствовавших уставу 1863 г. Они свидетельствовали о консервативных настроениях и внутри университетских коллегий. В программе Любимова воплотилась определенная тенденция в профессорской среде. «Органические» меры, предложенные Любимовым, сводились к перестройке экзаменов в соответствии с требованиями «сверху». «Правительство, — казывал Любимов, — имело бы сильное орудие влияния на

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 2, л. 4.

⁶⁴ Там же, л. 3.

⁶⁵ ОР ГПБ, ф. 1004 (М. Е. и П. М. Ковалевских), оп. 1, д. 4, л. 205.

⁶⁶ «Русский вестник», 1873, № 2, стр. 887.

⁶⁷ Там же, стр. 898.

⁶⁸ «Вестник Европы», 1873, № 4, стр. 834.

⁶⁹ Там же, стр. 835.

⁷⁰ «Трилогия на трилогию...», стр. 19.

⁷¹ «Голос», 2 (14) апреля 1875 г., № 92.

⁷² «Записка о недостатках нынешнего состояния наших университетов...» СПб., 1876, стр. 45, 129, 130.

преподавание «сообразно государственным потребностям»⁷¹. Как подчеркивал автор, экзаменационные комиссии должны быть «совершенно независимы от университетов». Понятие «свободы» преподавания и слушания лекций у него причудливо сочеталось с прославлением регламентации, «правительственного вмешательства в распределение преподавания»⁷². «Слова о свободе университетского преподавания будут только отводом, — отмечалось в печати, — собственно же ему [Любимову. — Г. Ш.] нужна во всем указка и мерка, утвержденная начальством»⁷³. В основе управления в университетах, по мнению Любимова, должна быть централизация власти министра и попечителя учебного округа как «ближайшего представителя контроля государства за действиями ученой корпорации»⁷⁴.

«Вопрос университетский есть в значительной мере вопрос студенческий»⁷⁵, для решения которого он предлагал меры, выходящие за границы собственно университетской реформы. В записке был поставлен вопрос о соответствии высшего образования правам государственной службы. Университетское образование давало окончившим университет право на чины X и XII классов. Но оно не было единственным путем к их достижению. Гораздо более легкие способы их получения представляли привилегированные учебные заведения, переход с военной службы на гражданскую и т. д. Любимов сетовал на то, что «лица высших общественных классов не стремятся в университеты»⁷⁶, в отличие от европейских стран. Причину инертности студентов Дерптского университета он видел в социальном составе учащихся: «укоренившийся среди дворянства Прибалтийского края обычай завершать образование молодых людей в Дерптском университете имеет прямое влияние на возвышение личного состава дерптского студенчества и делает самый университет особенно дорогим для высших классов края»⁷⁷ (подчеркнуто нами. — Г. Ш.).

Итак, ставилась цель сделать университеты привлекательными для привилегированного дворянства. В этом свете становится ясным значение предложений о сокращении числа университетов⁷⁸ и об увеличении прав университетских выпускников на государственной службе.

Важно еще одно обстоятельство. Диплом облегчал получение чина и путь к личному дворянству. Укрепить сословный строй, прекратить приток новых элементов в среду дворянст

⁷¹ «Записка о недостатках...», стр. 86.

⁷² Там же, стр. 53.

⁷³ «Трилогия на трилогию...», стр. 30.

⁷⁴ «Записка о недостатках...», стр. 141.

⁷⁵ Там же, стр. 1.

⁷⁶ Там же, стр. 2.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Н. А. Любимов. По поводу предстоящего пересмотра университетского устава. — «Русский вестник», 1873, № 2, стр. 898.

ва — таково было объективное содержание программы Любимова.

Работа комиссии проходила в обстановке общественно-политической борьбы в прессе по университетскому вопросу. Реакционная печать поддерживала Любимова. Все записки П. А. Любимова, под знаком которых начался реакционный поход против университетов, публиковались отдельными брошюрами⁸¹ и в «Московских ведомостях»⁸², которые вели кампанию с целью воздействовать на общественное мнение и правительство. «Все мелкие дрязги и сплетни, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — по всем университетам злобно выводились наружу, факты, по обыкновению, извращались самым бесперомным образом. Во всем обвинялся устав 1863 г.»⁸³

Статья «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в обществе рассматривались как «комментарии к мнению комиссии»⁸⁴, работа которой была окружена завесой секретности.

Газета «Голос» так рисовала состояние университетского вопроса в прессе: «На профессоров сыпались обвинения, что они плохо читают лекции и ничего не пишут, студенты обвинялись, что они не исполняют своих обязанностей и занимаются исключительно революционной пропагандой. И все это в то время, когда вся печать, кроме, конечно, «Московских ведомостей» и их подручинок, то и дело возвещала о выходе в свет учебников, монографий и брошюр, написанных профессорами университетов, когда молодые ученые приобретали степени и занимали важные кафедры»⁸⁵. «Голос» защищал традиционное credo либерализма «университеты — для науки», отстаивая «независимость» высшей школы по уставу 1863 г.: «Заставьте школу жить всеми волнениями общественной жизни, отражать на себе всякое политическое движение, менять свои уставы каждое 10-летие или 5-летие, видеть в ее уставе не твердый закон и почтенное предание, а выражение минутной прихоти — она даст нам не полезных граждан, а реакционеров или революционеров, т. е. людей с разрушительными инстинктами»⁸⁶.

Непрязненно относясь и к реакции, и к революционному движению, либеральная печать обращалась с бессильными увещаниями к правительству: «Дайте людям учить и учиться; дайте им спокойствие духа; не вешайте над их головами дамоклова меча»⁸⁷.

Либеральные выступления в печати от лица университетов ограничивались защитой устава — к этому сводилась либераль-

⁸¹ Н. А. Любимов. Университетские письма. М., 1876.

⁸² «Московские ведомости», 29 декабря 1876 г., 6 января 1877 г.

⁸³ Б. Н. Чичерин. Воспоминания..., стр. 248.

⁸⁴ «Голос», 2(14) апреля 1875 г.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

ная программа в университетском вопросе. «Университеты твердо возлагают в этом отношении свою надежду на высшее правительство»⁸⁸ — было весьма характерным мотивом в либеральном лагере начала и середины 70-х гг. Хотя председатель комиссии И. Д. Делянов и гр. Толстой привлекли «единомышленных и вполне сочувствующих как произведенной учебной реформе в средних учебных заведениях, так и духу задуманного преобразования»⁸⁹ (в комиссию вошли товарищ министра народного просвещения кн. А. П. Ширинский-Шихматов, члены совета министра народного просвещения А. И. Георгиевский и А. А. Воскресенский, а также А. М. Гезен, помощник попечителя Киевского учебного округа ген.-майор И. П. Новиков, В. М. Флоринский), однако устранить представителей университетов правительство не решилось. В работе комиссии приняли участие также профессор Петербургского университета К. А. Коссович, директор Демиловского лицея М. Н. Капустин (оба по рекомендации И. Д. Делянова) и ректоры университетов: Московского — С. М. Соловьев, Казанского — Н. А. Кремлев, Харьковского — А. С. Питра, Новороссийского — Ф. И. Леонтович, а также деканы физико-математического факультета Киевского университета — И. И. Рахманинов и Петербургского — А. Н. Бекетов (вместо ректора П. Г. Редкина)⁹⁰. Работа комиссии не осталась тайной для общества, несмотря на секретность, которую ее окружили. Впоследствии профессор А. В. Романович-Славянский вспоминал: «Каждому предлагались вопросы, сквозь которые светилась задняя мысль — ирония и презрение к существующим университетским порядкам. Всему этому придавалось что-то таинственное, инквизиционное»⁹¹.

«Насколько отрицательная и полемическая сторона вопросов комиссии, опирающаяся на статью г. Любимова, ясна своей цели, — указывалось в «Хронике» «Вестника Европы», — настолько неопределенна ее положительная сторона. Будущий вид наших университетов представляется чрезвычайно смутным сквозь призму вопросов»⁹².

Разногласия по университетскому вопросу в обществе были столь значительны, что вызвали раскол даже в тщательно подобранной по составу комиссии. Не касаясь во всем объеме расхождений, отразившихся в 59 журналах комиссии, мы рассмотрим лишь основные тенденции в подходе к преобразованию университетов в бюрократических кругах и среди профессоров.

Организация учебной и научной деятельности университетов

Значительное место в обсуждении в 1876 г. заняли вопросы организации преподавания⁹³.

Сторонники «действительного» контроля правительства за ходом преподавания⁹⁴ требовали даже предварительного просмотра учебных планов в министерстве. Они аргументировали это тем, что министерство «не одобрило бы такие курсы, как новейшая история Франции от падения Наполеона I до февральской революции включительно (в Киеве) или история коммунистических и социалистических учений под именем новейшей истории философии (в Одессе)»⁹⁵. Остальные 12 членов считали достаточным опубликование плана лекций в университетских известиях при общих указаниях со стороны министерства.

За систему экзаменов в духе предложенной Любимова выступил только Любимов. Комиссия в большинстве поддержала ректора Казанского университета Н. А. Кремлева, указавшего, что «испытания у неспециалистов приведут к понижению уровня университетского преподавания... а следовательно и к понижению образования в стране»⁹⁶.

«Автор записки, — высмеивал Кремлев бюрократические проекты Любимова, — ожидает от особых экзаменационных комиссий даже упразднения различий и противоположностей в научных воззрениях, жалуясь на то, что ныне один профессор признает реформы Петра «органическим удовлетворением исторических требований», другой «насильственной ломкою государственного порядка» и т. д.»⁹⁷. Кремлев выражал мнение большинства профессоров. В частности, совет Петербургского университета заявил, что составление в министерстве подробной программы «фактически обратит университеты к временам 1849 г., когда каждому преподавателю была предписана программа его чтений»⁹⁸.

Назначение членов экзаменационных комиссий министром, отказ профессорам в праве присутствовать на экзамене⁹⁹ — все это также вызывало протест многих профессоров. «Посто-

⁸⁸ Они обсуждались на 10 заседаниях деляновской комиссии и в специальных комиссиях по всем факультетам (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 6. Журналы комиссии и протоколы заседаний факультетских комиссий. Приложение. В дальнейшем мы будем указывать лишь журнал заседания).

⁸⁹ И. Д. Делянов, А. П. Ширинский-Шихматов, А. А. Воскресенский.

⁹⁰ «Журнал заседания 29 сентября 1876 г.», № 10, стр. 2.

⁹¹ «Журнал заседания 6 октября 1876 г.», № 15, стр. 9. Приложение.

⁹² Там же, стр. 6. Приложение.

⁹³ «Материалы комиссии...», стр. 471.

⁹⁴ Это предложение поддерживали И. Д. Делянов, Н. В. Варадинов, А. И. Георгиевский, А. М. Гезен и Н. А. Любимов.

⁸⁸ «Вестник Европы», 1876, № 2, стр. 709.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 2, л. 3.

⁹⁰ «Правительственный вестник», № 87, 23 апреля 1875 г.

⁹¹ А. В. Романович-Славянский. Моя жизнь и академическая деятельность. — «Вестник Европы», 1903, № 6, стр. 502.

⁹² «Вестник Европы», 1876, № 1, стр. 274.

ронные университету лица, — возмущался профессор С. А. Усов, — заберут в свои руки оценку успехов и судьбу науки и преподавания и самих учащихся на выпускных экзаменах, т. е. там, где в торжественном акте расставания подводятся итоги и самому преподаванию, и действительной силе науки, и задаткам для будущей жизненной деятельности молодого поколения — словом, где произносится приговор самому значению университета»¹⁰⁰.

В то время как большинство комиссии категорически возражало против разобщения преподавания и экзаменов, в результате чего «потеряют значение практические занятия студентов, которыми университеты так дорожат и в которых видят самый прочный залог серьезности и основательности университетского образования»¹⁰¹, три члена¹⁰² предлагали ограничить права университетов в присуждении ученых степеней «непременным единственным условием» — экзаменом в особых комиссиях¹⁰³. Покушение на право ученых коллегий, в какой-то мере ограждавшее научный мир от бюрократического произвола, означало стремление подчинить самодержавному государству не только преподавание, но и науку. Даже Делянов считал это «незаслуженным унижением наших университетов в глазах России Европы»¹⁰⁴.

Необходимость подчинения университетов бюрократическому контролю меньшинство комиссии вслед за Любимовым строило на извращении фактов, характеризовавших жизнь пореформенных университетов: «Картина русского университетского бытия рисуемая членами, такова, что другие члены комиссии и в том числе ректоры всех русских университетов не узнают в ней этих университетов»¹⁰⁵.

Вопросы внутреннего управления в университетах и положения студентов

Не менее резкие расхождения выявились при обсуждении роли университетских советов, взаимоотношения их с попечителем учебного округа и т. д.

Выражая стремление к бюрократизации университетского управления, к усилению власти попечителя и министра, представители бюрократической группировки в комиссии пытались утвердить административное влияние и в таких сферах, которые затрагивали коренные интересы ученой корпорации. Длительные и резкие прения вызвали предложения меньшинства о по-

¹⁰⁰ С. Усов. Речители университетского устава. — «Отечественные записки» 1873, № 3, стр. 113.

¹⁰¹ «Журнал заседания 10 октября 1876 г.», № 17, стр. 6.

¹⁰² Н. А. Любимов, А. М. Гезен и А. И. Георгиевский.

¹⁰³ «Журнал заседания 24 ноября 1876 г.», № 35, стр. 6—7.

¹⁰⁴ Там же, стр. 23.

¹⁰⁵ «Журнал заседания 10 октября 1876 г.», № 17, стр. 19.

рядке назначения профессоров. При наличии в университетах вакантных кафедр этот вопрос приобретал особую важность.

А. Георгиевский, Н. Любимов и А. Гезен решающее слово при назначении профессоров признавали за министром, который может по собственному выбору назначать профессоров на открывающиеся вакансии и сверхштатных профессоров, а также учреждать новые кафедры и т. д.¹⁰⁶. Все представители университетов: А. Бекетов, Е. Осokin, А. Питра, И. Рахманинов, Ф. Леонтович, Н. Кремлев выступили против лишения университета возможности высказать свое мнение по столь важному вопросу¹⁰⁷.

Комиссия отвергла предложение А. Георгиевского о бессрочном назначении ректора, считая его равносильным «назначению ректора от правительства»¹⁰⁸. Ректоры высказались также за сохранение существующих взаимоотношений университета и попечителя.

Председатель и 6 членов предлагали вернуться к формулировке устава 1835 г.: «об университетах под главным начальством министра народного просвещения» и «особенном начальстве попечителя учебного округа». Они обосновывали это ссылками на «беспорядки». «В тех случаях, где нужна быстрота действия, часто весьма спасительная, потому что она прекращает беспорядки, прежде чем они успеют разрастись и увлечь большее число лиц, он [попечитель. — Г. Щ.] будет действовать по соглашению с ректором, если же дело не требует успешности, то он назначит чрезвычайное заседание совета»¹⁰⁹.

По вопросам внутреннего управления в университетах наметились характерные для деятельности комиссии тенденции. Большинство членов выступило за сохранение порядка управления, введенного уставом 1863 г. Меньшинство же как в вопросе бюрократического вмешательства в присуждение ученых степеней, так и в размерах ограничения влияния университетских советов шло дальше решений особого совещания министров 1874 г., которое «для пользы науки» поощрило выборный порядок в отношении ректоров и деканов¹¹⁰.

По студенческому вопросу разногласий было меньше. Комиссия признала недопустимость студенческих обществ, в которых «могут явиться тайные цели, даже, может быть, противные видам правительства»¹¹¹, «недопустимы ни студенческие кассы, ни иного рода негласная помощь, ускользающая от надзора и

¹⁰⁶ «Журнал заседания 21—22 октября 1876 г.», № 24, стр. 7.

¹⁰⁷ Там же, стр. 4.

¹⁰⁸ «Журнал заседания 27—28 октября 1876 г.», № 27, стр. 12.

¹⁰⁹ Кн. А. Ширинский-Шихматов, А. Воскресенский, И. Новиков, К. Коссович, А. Георгиевский и А. Гезен.

¹¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 544 (П. А. Валуева), оп. 1, д. 32, лл. 112—113.

¹¹¹ «Журнал заседания 24 сентября 1876 г.», № 6, стр. 6.

контроля»¹¹². Основными мерами в предотвращении «беспорядков» были признаны усиление полицейского надзора, строгости испытаний. Характерно разногласие по вопросу об уменьшении числа стипендий. Меньшинство предлагало ограничить число студентов, освобожденных от платы, 10% с целью изменения состава студентов в духе предложений Любимова. Большинство предлагало количество стипендий ставить «в прямое соответствие с пуждами университетов»¹¹³.

По коренным вопросам пересмотра устава 1863 г. выявились разногласия: меньшинство и большинство комиссии, с одной стороны, преимущественно чиновники министерств народного просвещения и внутренних дел и, с другой стороны, ректоры и профессора университетов. При сопоставлении мнений в комиссии с программой Н. А. Любимова становится очевидным, что столкновения эти имели гораздо более глубокие корни, чем конфликт профессуры с представителями бюрократии.

Основной акцент в предложениях чиновников делался на проблемы управления в сторону его бюрократизации. Отвечая Любимову в «Отечественных записках», С. А. Усов тонко подметил идеал автора: «Любимову мерещится не университет с своим самоуправлением, а та обетованная пора, когда русские университеты могли бы превратиться в Московский, Казанский, Харьковский, Киевский, Одесский и т. д. департаменты Министерства народного просвещения, где ректор занимал бы должность директора департамента, профессора были бы начальниками отделений, доценты столоначальниками и пр.— все по назначению начальства с обязанностью заниматься делопроизводством преподавательным в строго бюрократическом порядке»¹¹⁴. Но не только это. Упразднение университетского суда¹¹⁵, который в принципе соответствовал пореформенному суду в масштабе государства, возвращение попечителю учебного округа неограниченного права вмешательства в дела университетов, живо напоминавшего николаевский режим,— сами по себе достаточно характерны¹¹⁶. Например, причина их отрицательного отношения к специализации объясняется как запиской Н. А. Любимова, так и заявлением члена комиссии И. П. Новикова, предложившего изменить характер университетского преподавания, придав ему общеобразовательный уклон и обес-

¹¹² «Журнал заседания 23 сентября 1876 г.», № 5, стр. 5.

¹¹³ «Журнал заседания 21 сентября 1876 г.», № 4, стр. 5.

¹¹⁴ С. Усов. Рачители университетского устава, стр. 113.

¹¹⁵ По уставу 1863 г. университетский суд из профессоров избирался советом и рассматривал наиболее важные проступки студентов. Вместо него предлагался административный суд.

¹¹⁶ См.: «Материалы, собранные отделом высочайшей учрежденной Комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года». СПб., 1876.

тенив универсамтам преимущества «при поступлении на административные должности», чтобы «университеты сделались более привлекательными и для молодых людей из достаточных классов общества»¹¹⁷. Что в данном случае подразумевались представители высшего дворянства, явствует из упоминания и об уничтожении конкуренции с университетами высших привилегированных учебных заведений.

Итак, не только подчинить ученый мир произволу чиновников министерства, но и вопреки основной роли научных и просветительских центров навязать им узкословные принципы, стеснить и частично устранить демократическое студенчество. Обветшавшие идеалы сословности находились в противоречии с наступательным развитием страны. Представители профессуры в комиссии, как и либеральная пресса, защищали устав 1863 г. с его полуправами и полууступками, продемонстрировав еще раз пассивную оппозицию официальному курсу в университетском вопросе.

Из секретной записки И. Д. Делянова в начале 1875 г. следует, что автор, не предвидя никаких затруднений, предполагал приступить к составлению проекта устава в ноябре 1875 г., и «если проект преобразования будет представлен в Государственный совет в декабре, то рассмотрение его может быть окончено до начала 1876—1877 учебного года»¹¹⁸. Почему было отсрочено на 10 лет осуществление этого плана? Конечно, в середине 70-х годов не сложились внутривластные условия, благоприятные для его реализации в полном объеме. В этом отношении деляновская комиссия разделила участь казановской комиссии по подготовке земской контрреформы. Но не только это. Расчеты правительства «обойти» общественное мнение и отстранить университеты от участия в решении университетского вопроса не оправдались. Противольствие большинства членов комиссии во главе с ректорами, общественное возмущение выступлениями Любимова обнаружили полную непопулярность курса на пересмотр устава 1863 г.

Программа Любимова, его деятельность в комиссии вызвали негодование в профессорских кругах. В коллективном письме 35 профессоров Московского университета высказали ему «правительственное осуждение»¹¹⁹. Любимов признавал, что против него «вся печать». Выступление в прессе московских профессоров председатель комиссии И. Д. Делянов назвал «допущением к записке о недостатках нынешнего состояния наших университетов»¹²⁰. В ответ на клеветнические выступ-

¹¹⁷ «Журнал заседания 24 сентября 1876 г.», № 6, стр. 1.

¹¹⁸ ЦИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 2, л. 6.

¹¹⁹ Там же, оп. 149, д. 270, лл. 51—62; черновик письма см.: ОР ГБЛ, ф. 70, к. 35, № 54, лл. 1—2.

¹²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 556 (И. Д. Делянова), д. 150, л. 1.

ления Каткова и Любимова против передовых профессоров в «Московских ведомостях»¹²¹ 13 января 1877 г. было созвано чрезвычайное заседание совета Московского университета под председательством ректора С. М. Соловьева. В письме Делянову 15 января Любимов описал «нравственные розги», доставшиеся на его долю¹²². Как указывалось в решении совета университета, заявление профессора Любимова было признано ложным и оскорбительным для университета. Итак, уже не 35 преподавателей, а вся коллегия крупнейшего русского университета выступила с осуждением программы и деятельности Любимова. Более того, к протесту присоединились профессора Казанского университета. Трудно сказать, как развивались бы события, но несомненно одно: в атмосфере несочувствия и недоверия, которая окружала работу комиссии по пересмотру устава, при обнаружившихся серьезных разногласиях в среде самой комиссии протест мог, судя по протоколам заседаний совета Московского университета¹²³, получить широкий общественный отклик. «Дальнейшая профессорская агитация, — констатировал А. И. Георгиевский, — была приостановлена мерами министерства»¹²⁴. Действия совета были признаны министерством «неправильными». Профессора В. И. Герье и С. А. Усов получили выговор. Современники, близко знавшие Соловьева, вынужденного подать в отставку, утверждали, что травля, сопровождавшая доносы Любимова, ускорила кончину выдающегося русского историка¹²⁵.

И на этот раз выступление передовой профессуры не увенчалось успехом. Непонимание того, что Любимов был ставленником определенных политических кругов, выразилось в том, что осуждение его действий было преимущественно по линии «нравственной». Поспешность, с какой реагировал университетский совет на слухи, «бросающие тень» на взаимоотношения профессуры и студентов, стремление засвидетельствовать лояльность говорят о боязни открыто поддержать демократическое студенчество и еще раз подчеркивают, что в этот период либеральная профессура выступала не за расширение ограниченной автономии, а только за сохранение устава 1863 г.

Развитие революционного движения способствовало оживлению либеральной оппозиции в печати, земствах, университетах. Под влиянием студенческих волнений профессора Новороссийского университета А. А. Вериги, С. П. Ярошенко, А. О. Ковалевский и другие в мае 1878 г. направили в совет записку

¹²¹ «Московские ведомости», 29 декабря 1876 г. и 6 января 1877 г.

¹²² ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 473, л. 5.

¹²³ ОР ГБЛ, ф. 70, к. 69, № 2, лл. 7—14.

¹²⁴ А. И. Георгиевский. Краткий исторический очерк..., стр. 12.

¹²⁵ М. М. Ковалевский. Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. — «Вестник Европы», 1910, № 5, стр. 187; Б. Н. Чичерин. Указ. соч., стр. 249.

предоставлении студентам некоторых корпоративных прав¹²⁶. Студенческие собрания, научно-литературные, музыкальные кружки, студенческий суд чести не заключают, по их мнению, «ничего опасного и нецелесообразного». При контроле совета и ректора они не смогут превратиться «в беспорядочную сходку или в собрание с противозаконной целью». Авторы записки подчеркивали, что студенческие организации в Дерптском университете «оставались до сих пор непричастными к политическим процессам»¹²⁷. Профессора стремились прежде всего предупредить студенческие волнения: «Мы имеем в виду вывести среду студентов... из состояния стихийности, способности к брожению в состояние организованности, оформленности»¹²⁸. Совет Новороссийского университета одобрил эти предложения. Однако содействие профессорских коллегий в борьбе со «злом» на условиях признания студенческих организаций было в то время отвергнуто.

Позиция либеральной профессуры отразилась в «Записке совета С.-Петербургского университета о причинах студенческих беспорядков и мерах против них»¹²⁹ от 29 декабря 1878 г. Полицейский надзор и запрещение студентам общаться между собой — вот причина беспорядков! «Условия, а иногда полная невозможность разъяснения многих вопросов общественной жизни в печати, — указывалось в записке, — наводят молодежь на мысль, что она должна делать то, что не может или не хочет делать общество взрослое, что она должна протестовать против тех или других неустойчивых и ненормальных явлений». Профессора возражали против массовых репрессий в отношении студенчества, которые только делали его «врагом существующего порядка». Упрек правительству в отсутствии «гибкости», в «крайней легкости арестов и применении административных кар»¹³⁰ отражал недовольство произволом не только в высшей школе. Для противодействия «беспорядкам» следовало обеспечить уверенность в личной безопасности студентов в соответствии с традиционной формулой либерализма о гарантиях прав личности. Практические предложения сводились к признанию за студентами права на «особые учреждения», при которых масса студенчества «будет носить в себе залог мирного и законного развития России и будет несравненно менее доступна к восприятию вредных учений»¹³¹.

Защита автономии университетов во имя развития науки и образования — таков смысл программы, выдвинутой Петербургским университетом, программы, типичной для либеральной оп-

¹²⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 346, лл. 1—9.

¹²⁷ Там же, лл. 7, 8.

¹²⁸ Там же, л. 9.

¹²⁹ Там же, д. 384, лл. 5—10.

¹³⁰ Там же, л. 8.

¹³¹ Там же, л. 9.

позиции в университетах. Ее антиреволюционная направленность отразила непонимание того, что без борьбы с самодержавием академическая свобода невозможна. Но, несмотря на охранительную тенденцию и умеренность предложений, Толстой заявил, что совет «вышел далеко за пределы предоставленных ему законом прав и обязанностей». По словам Георгиевского, «записка совета окончательно вызвала решимость министра внести, наконец, проект нового устава университетов на рассмотрение Государственного совета»¹³².

Несмотря на политическую незрелость, умеренность, легальные формы выступлений университетских коллегий, в них отразились оппозиция университетов реакционной правительственной политике, тенденция к независимости от бюрократической опеки. В своей агитации за реакционное преобразование университетов правая пресса преувеличила эти тенденции. Но они существовали. На «устранение» правительственной власти в университетах, на «неудобную во всех отношениях автономию» профессорских коллегий, допускаемую уставом 1863 г., указывали особые совещания министров в 1874 г. и в июле 1879 г.¹³³ «Кому не неизвестно, что не всякий преподаватель есть надежная опора правительства и существующего порядка и твердая опора нравственных и монархических начал», — с горечью писал статс-секретарь Делянов в январе 1881 г.¹³⁴ «Всякое действие власти» университетские советы воспринимали как «ненормальное вмешательство», утверждал Толстой¹³⁵.

Либерально-буржуазная оппозиция профессорских коллегий, характерная для развития пореформенных университетов, была одной из форм либерального общественного движения в России. Академическая свобода была частью буржуазных прав, укрепление и расширение которых составляли основную цель либералов, выступавших за конституцию. Оппозиционное движение либеральной профессуры в университетах в форме подачи записок и представлений было слабым. Оно не затрагивало в одинаковой степени все университеты, проявляясь с большей интенсивностью в Московском и Петербургском. На протяжении долгого времени, вплоть до конца 70-х годов, оппозиция не только не выходила за рамки чисто академических вопросов, но и в этих пределах оставалась исключительно на почве устава 1863 г. Она ограничивалась спором с властью о пределах дозволенного законом и отстаиванием status quo. Первые попытки подняться чуть выше университетских дел были связаны с развитием революционного движения. Узость либеральной трактовки академической свободы проявилась в игнорировании

¹³² А. И. Георгиевский. Краткий исторический очерк..., стр. 24—25.

¹³³ ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), алф. 68, д. 384, 1879 г.

¹³⁴ Там же, ф. 733, оп. 149, д. 422, л. 513.

¹³⁵ Там же, ф. 1149, оп. 1, 1884 г., т. 10, д. 53, лл. 2, 39.

ее связи с общей политической борьбой и антиреволюционной направленности. Оживившаяся под воздействием революционного движения либерально-буржуазная оппозиция стремилась отмежеваться от этой единственной в то время силы, активно борющейся против самодержавия. Все либералы требовали конституцию, «постоянно прячась за спину крамолы»¹³⁶. Либеральная профессура выступала за сохранение и развитие университетской автономии, пугая правительство победой революционных идей в среде молодой интеллигенции.

3

Социальный состав студенчества и студенческое движение

В пореформенные десятилетия студенчество составляло своеобразную группу в общественной структуре России. Роль студенчества в общественно-политическом движении определялась его положением. Состав студенчества был пестрым. Наряду с либеральными группами в студенчестве были сторонники «культурничества» и консервативные и даже реакционные элементы. Наибольшую активность проявляло демократическое студенчество. Связанное со средней и мелкой городской буржуазией, с некоторыми слоями крестьянства и беднейшего духовенства, оно было передовым отрядом буржуазной демократии. Скоцентрированные в университетах и институтах, студенты имели практическую возможность, обмениваясь политическими новостями, коллективно обсуждать их, вести дискуссии, а главное сообща готовить политические выступления и демонстрации.

Положение студентов в России отличалось от положения студенчества других капиталистических стран того времени. В России отсутствовали буржуазно-демократические свободы и связанные с ними институты. Колоссальные социальные противоречия порождали политическое недовольство во всех классах и слоях русского общества. Не имея легальных возможностей для его выражения, передовая общественность сочувственно воспринимала студенческий протест против полицейского гнета. Каждая «студенческая история» находила широкий общественный резонанс так же, как и выступления прогрессивной печати и земств.

Значительная роль студенчества в общественной структуре страны объясняет причину борьбы в самодержавной России со «студенческими организациями»¹³⁷. В. И. Ленин видел в университетах своеобразную политическую школу для молодого поколения русской демократической интеллигенции. Глубокие пе-

¹³⁶ «Вестник «Народной воли», 1883, № 1, стр. 39.

¹³⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 214.

редовые традиции в научной и общественной сферах, наличие ограниченной автономии, многочисленность университетских слушателей, студентов университетов оказывали влияние и движение.

В. И. Ленину принадлежит яркое и емкое определение русского студенчества, которое было частью интеллигенции, игравшей немалую роль в общественно-политической жизни России. Студенчество «является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹³⁸.

Во второй половине XIX в. наиболее многочисленным оставалось студенчество университетов. По отчетам отдельных университетов, публиковавшимся в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП), и по отчетам министра народного просвещения, а также и другим источникам можно проследить постоянный рост студентов (не считая вольнослушателей) по отдельным университетам. В 1861 г. в Московском университете было 1653 студента, а в 1880 г.—1890. В Петербургском университете за соответствующие годы было 1405 и 1677 студентов; в Казанском — 945 и 1041 студент и т. д.¹³⁹

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений, что состояние и развитие студенческого движения в пореформенную эпоху во многом определялось социальным составом студенчества, отражавшим в свою очередь изменения в социально-экономическом развитии. Советские исследователи истории студенческого движения приложили много усилий для определения характера изменений в социальном составе студенчества. Основной закономерностью в его эволюции был рост разночинских элементов. В юбилейных очерках по истории университетов это было убедительно показано в отношении Казанского университета¹⁴⁰, Одесского¹⁴¹, Московского¹⁴², Харьковского¹⁴³.

В литературе прослежена и динамика изменений социального состава студентов по всем университетам при сравнении данных по пореформенным университетам с материалами 70-х годов. В 1855 г. во всех университетах из 3141 студента 2051, или свыше 65%, составляли дворяне, около 24% разночинцы и 1% крестьяне. Данные о сословном составе студентов четырех факультетов Московского университета за 1848—1855 гг., сви-

детельствующие о значительном числе разночинцев, приведены в исследовании Т. Б. Рябиковой «Численный и сословный состав студентов Московского университета»¹⁴⁴.

На протяжении двух десятилетий рост студентов во всех университетах сопровождался падением удельного веса дворянства почти на 20%¹⁴⁵. Особенно ярко сдвиги по сословному признаку прослеживаются по каждому университету в отдельности (таблицы 1, 2).

Таблица 1
Состав студенчества в 1875 г.*

Университет	Общее число студентов	Дворяне, чиновники		Духовенство		Прочие сословия	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петербургский	1169	578	49,5	375	32	216	18,5
Московский	1263	586	46	350	27	327	26
Харьковский	498	214	43	184	37	100	20
Казанский	509	194	38	208	41	107	21
Киевский	724	395	54,5	135	18,5	194	27
Новороссийский	329	90	27,5	182	55,5	57	17,5
Всего	4492	2057	45,8	1434	31,9	1001	22,3

* Таблица составлена по материалам комиссии 1875 г. по пересмотру устава (ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 16, 1884, л. 53, приложение 2 Б). Таблица разработана по рубрикам, принятым в университетской статистике.

Ценность данных о сословном составе студентов за 70-е годы по материалам комиссии трудно переоценить, так как в то время регулярного учета сословного происхождения студентов в университетах не было. В большинстве университетов его начали вести с 90-х годов (в Одесском — с 1866 г., Петербургском — с 1884 г.). Тенденция падения удельного веса дворянства подчеркивается также данными о сословном составе студентов за 1878 г.

Внутри факультетов сословный состав был неодинаков. Юридические факультеты привлекали больше дворянской молодежи, медицинские факультеты по составу были преимущественно разночинскими. По переписи 1880 г. из 3693 студентов медицинских факультетов университетов было детей дворян 39,2%,

¹³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.

¹³⁹ Подробные данные о численности студенчества за 1861—1899 гг. см.: В. Р. Лейкина-Свиридая. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, стр. 56.

¹⁴⁰ М. К. Корбут. Указ. соч., т. II, стр. 168.

¹⁴¹ «Одесский университет за 75 лет (1865—1940)», стр. 7—9.

¹⁴² С. Л. Звенчик. Московский университет в 1880—1890 гг., стр. 87.

¹⁴³ «Харьковский государственный университет за 150 лет», стр. 70—71.

¹⁴⁴ Ю. Н. Егоров. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в.—«Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1960, № 3, стр. 67. См. также «Вестник МГУ», серия IX, история, 1974, № 5, стр. 57—67.

¹⁴⁵ См.: Г. И. Щетинина. Университеты и общественное движение в России.—«Исторические записки», т. 84, стр. 166.

Состав студенчества в 1878 г.

Университет	Общее число студентов	Дворянство		Духовенство		Прочие сословия	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петербургский	1418	702	50	472	32,5	244	17,5
Московский	1568	721	46	446	28,5	401	25,5
Харьковский	559	190	34	262	47	107	19
Казанский	574	178	31	258	45	136	24
Киевский	771	395	51,25	159	20,5	217	28,2
Новороссийский	357	87	24	213	60	57	16
Всего	5247	2273	43,3	1810	34,5	1162	22,1

духовенства — 25,6%, детей почетных граждан и купцов — 9% мещан и цеховых — 15,7%, крестьян — 3,5%, остальных — 6%.

Следует учитывать вообще условность данных по сословиям в капиталистической стране. Развитие капитализма размывало рамки сословных групп, изменяло их содержание. Дворяне частично разорялись, частично пополняли ряды процветающей буржуа, входило в силу «третье сословие». Привилегированная дворянская молодежь поступала в Пажеский корпус, Училище правоведения, Александровский лицей, лицей цесаревича Николая Александровича (Катковский) и др.

Вопреки правительственной политике, ориентированной на привилегированное дворянство, неуклонно происходил рост демократических элементов в студенчестве. Бессильными оказались и постановление 1867 г. об урегулировании состава вольнослушателей и указание особого совещания министров под председательством П. А. Валуева 1874 г. «стеснять, по возможности, дальнейший приток учащихся, мало подготовленных в научном отношении и притом необеспеченных в материальном»¹⁴⁷.

Дворянское происхождение как нечто противоположное «крамоле» было иллюзией, широко распространенной в правительственных кругах. Деляновская комиссия 1875 г., отмечая «обширные размеры» бедности студентов и их склонность к волнениям и беспорядкам, многозначительно подчеркивала, что «в прежнее время» почти все студенты были дворянами¹⁴⁸. Между тем преобладание демократического студенчества было

¹⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53. Приложения. Ведомость ПА.

¹⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 544 (П. А. Валуева), оп. 1, д. 32, л. 116.

¹⁴⁸ «Материалы комиссии...», стр. 27, 39, 41.

фактом университетской жизни. «Студенческий пролетариат», по выражению Д. Толстого, составлял «гнезда недовольства и раздражения», давая тон всему студенчеству¹⁴⁹.

Изменения — количественные и качественные — в составе университетского студенчества были следствием социально-экономического развития пореформенной России. Земская, судебная, городская и другие реформы 60-х годов открыли широкое поле деятельности для лиц с высшим образованием. «Обновленная Россия», — писал профессор Казанского университета Н. М. Флоринский, — требовала новых людей. Поднятый вопрос об уравнивании образовательных прав привилегированных и податных сословий распахнул двери учебных заведений не только для дворян, духовенства и разночинцев, но и для тех классов, для которых образование считалось прежде запретным плодом»¹⁵⁰.

Данные по сословному происхождению корректируются сведениями о материальном положении студенчества. В некоторых отчетах по Министерству народного просвещения приводятся сведения о количестве студентов, освобожденных полностью или наполовину от платы за обучение (таблицы 3, 4).

Таблица 3

Число студентов университетов, освобожденных от платы за обучение на 1868 г.¹⁵¹

Университет	Общее число студентов	Освобождены от платы	%	Освобождены наполовину от платы
Петербургский	944	354	37,5	21
Московский	1611	672	41,7	32
Харьковский	563	40	7,1	—
Казанский	404	65	16	1
Киевский	563	241	42,8	1
Новороссийский	340	139	40,88	—
Дерптский	546	137	25	—
Всего	4971	648		55

Такое же положение сохранялось и на протяжении 70-х годов. В 1877 г. из 9662 студентов всех университетов (вклю-

¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 59.

¹⁵⁰ В. М. Флоринский. Заметки и воспоминания. — «Русская старина», 1906, № 6, стр. 619.

¹⁵¹ См. «Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1869 г.» СПб., 1871, стр. 134.

чая и Варшавский) 3096 были освобождены от платы целиком и 266 наполовину¹⁵².

Таблица 4

Число студентов университетов, освобожденных от платы за обучение в 1879—1881 гг.¹⁵³

Год	Общее число студентов	Освобождены от платы за обучение	Освобождены наполовину от платы
1879	9542	2422	79
1880	10772	2716	248
1881	12218	2841	291

Если прибавить к этому студентов, пользовавшихся стипендиями и пособиями, то предстает картина чрезвычайно тяжелого материального положения большинства университетского студенчества независимо от сословного происхождения. Например, материалы деятельности киевского попечительства показывают материальную необеспеченность дворянской молодежи, остро нуждавшейся (не менее разночинцев) в материальной помощи¹⁵⁴.

В то время как дворян-студентов в 1875 г. было немногим более 40 процентов, необеспеченные студенты составляли свыше 75 процентов¹⁵⁵. К тому же по крайней мере часть тех, кто не пользовался пособиями и стипендиями, по свидетельству современников, находилась отнюдь не в лучшем материальном положении, так как число стипендий не удовлетворяло спроса на них.

Студенты получали не только государственную помощь в виде льгот в оплате за обучение, стипендий и единовременных пособий, введенных с 1862 г., но и поддержку общественности, создавшей во второй половине XIX в. в университетских городах общества по оказанию материальной помощи студентам. Например, московское общество за 25 лет своей деятельности внесло за обучение малообеспеченных студентов 299 тыс. руб.¹⁵⁶

Дети обедневшего дворянства по материальному положению

¹⁵² См. «Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1877 г.» СПб., 1879, стр. 175.

¹⁵³ См. «Обзор деятельности МНП за 1879, 1880 и 1881 гг.» СПб., 1887, стр. 338—339.

¹⁵⁴ «Материалы комиссии...», стр. 34.

¹⁵⁵ «Материалы комиссии...», Приложение I. См. также: Л. В. Камоско. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30—80 гг. XIX в.). — «Вопросы истории», 1970, № 10.

¹⁵⁶ В. В. Украинцев. Некоторые вопросы из истории дореволюционной высшей школы. — «Труды Калининского торфяного института», вып. IX, 1958, стр. 74.

сливались с массой демократического разночинного студенчества, составляя значительную часть сложившегося в пореформенные годы из выходцев всех социальных групп России «студенческого пролетариата».

Многие преграды, лишения, голод лежали на пути к высшему образованию для необеспеченных студентов. Этим отчасти и объясняется значительный их отсев: в Петербургском университете за 1871—1874 гг. из 100 поступивших окончили университет только 43, в Московском — 33, в Киевском — 53 и т. д. «Для всех университетов империи, — констатировала деляновская комиссия, — выбывающих до окончания курса только на один процент меньше, чем окончивших курс»¹⁵⁷. Напрашивается и другое соображение. Препятствия к высшему образованию для детей крестьян, беднейших городских слоев и рабочих были столь значительны, что пробиться в университеты могли лишь материально обеспеченные представители низших сословий. Отсюда и относительная консервативность взглядов, инертность в отношении участия в студенческих выступлениях, равнодушие к политике вообще у лиц, стоявших неизмеримо ниже дворян в сословной иерархии. В этом плане весьма характерна осторожность в политическом отношении, проявленная историком В. О. Ключевским в студенческие годы¹⁵⁸. Это предположение, разумеется, может быть отнесено к отдельным лицам, а не ко всему слою в целом.

Итак, наиболее чуткая социальная среда, студенчество, переплавляла в своих рядах представителей самых различных сословий, была открыта для восприятия новых общественных идей того времени.

Волнения в университетах не прекращались в 60—70-х годах и после введения устава 1863 г.

Между студенческими волнениями и революционным народническим движением существовала прямая связь. Особой силой отличались волнения в Петербургском университете весной 1869 г. В них активно участвовали П. Н. Ткачев и С. Г. Нечаев. Еще следственная комиссия по делу Д. В. Каракозова¹⁵⁹ отметила, что «Каракозов принадлежал к образовавшемуся там [в Москве.—Г. Ш.] тайному обществу, преимущественно из вольнослушателей университета, Петровской земледельческой академии, некоторых студентов, гимназистов и иных лиц»¹⁶⁰.

¹⁵⁷ «Материалы комиссии...», стр. 12—13. Причиной такого отсева было преимущественно тяжелое материальное положение и неуспеваемость. Крайне незначительным было число студентов, ушедших в революционное подполье.

¹⁵⁸ М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974, стр. 89—94.

¹⁵⁹ Д. В. Каракозов был студентом Казанского университета, затем в 1863—1865 гг. — вольнослушателем Московского университета.

¹⁶⁰ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. I. Stuttgart, 1903, стр. 250.

Как сообщал начальник III отделения Н. В. Мезенцев 16 ноября 1874 г. П. А. Валуеву, за три года после «нечаевского дела» (1871—1873) в политических процессах о социалистической пропаганде судились 611 студентов, из них университетских 151¹⁶¹.

Согласно подсчетам В. С. Антонова из 5664 участников революционного движения 70-х годов студентов и вольнослушателей было 2023, или 35,7%¹⁶². Материалы III отделения о 2564 участниках движения (с августа 1873 по март 1879 г.) разработаны Б. С. Итенбергом¹⁶³.

Сведения по образованию имеются о 1602 революционерах, из которых 518 человек, т. е. третья часть, имели отношение к высшей школе (окончили курс, учились или выбыли до окончания курса, последних было 197 человек).

Таким образом, студенты были активными участниками революционного народнического движения 70-х годов. Бесспорно огромное влияние революционного народнического движения на активизацию студенческих волнений, особенно в конце 70-х годов. «Совещания студентов», — заявил гр. Д. А. Толстой в особом совещании министров 4 января 1879 г., — переходили на предметы, не относящиеся к их быту, и принимали характер политический. В библиотеках скрывались запрещенные книги и прокламации, собираемые деньги¹⁶⁴ шли часто в пособие студентам, исключенным за беспорядки, и даже иногда в помощь государственным преступникам¹⁶⁵. А. В. Прибылев, участник студенческого движения, писал о студенческих сходках, которые «отзывались на каждый вопрос социально-политического, бытового или морального характера»¹⁶⁶, о присутствии на собраниях ораторов «Исполнительного комитета». Деятельность студенчества была связана с распространением революционной литературы, денежными сборами в пользу «Народной воли». «Наши квартиры, — писал он, — были предоставлены для необходимых свиданий, для укрывательства нелегальных лиц»¹⁶⁷. Все это, безусловно, касалось лишь наиболее радикального слоя студенчества. Прибылев допускает возможность, что его единомышленники «количественно тонули» в массе студентов, задавая, однако, в ней тон.

¹⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 544, оп. 1, д. 45, л. 4.

¹⁶² В. С. Антонов. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х гг. — Сб. «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965, стр. 336—343.

¹⁶³ Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965, стр. 374—377; В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 311—313.

¹⁶⁴ По-видимому, подразумеваются деньги, собираемые с благотворительных спектаклей в пользу немущих студентов.

¹⁶⁵ ОР ГБЛ, ф. 169 (Д. Милютнина), п. 41, № 14, л. 8. Он сослался на мнение 4-х попечителей.

¹⁶⁶ А. В. Прибылев. Молодежь конца 70-х годов. М., 1928, стр. 13.

¹⁶⁷ Там же, стр. 15.

Революционная партия направляла студенчество на путь самостоятельной борьбы с самодержавием. В проекте адреса министру юстиции Палену, составленном от имени студенчества Г. В. Плехановым, студенты обращались к министру по поводу «процесса 193-х» в защиту «неотъемлемых прав личности»¹⁶⁸. Демократическое студенчество под влиянием революционной партии начинало сознавать важность политического протеста.

Расправа с участниками «киевских беспорядков» в марте 1878 г. всколыхнула студенчество. Свыше ста киевских студентов были исключены из университета только за сходку. В знак солидарности во всех университетах проходили собрания. В Петербурге, Харькове и Одессе появились прокламации. 3 апреля 1878 г. в Москве разыгралось знаменитое «охотничье лобовище». Избиение студентов, инспирированное полицией, Катков объявил «могущественным проявлением народного энтузиазма»¹⁶⁹. После этого волнения «разбросались по всем университетским городам и не прекращались в продолжение всего года»¹⁷⁰. Репрессии убеждали студентов в необходимости борьбы с политическим беспорядком в стране. По поводу арестов в декабре 1878 г. харьковских студентов в одной из листовок отмечалось, что из-за каприза полиции засудили «несколько сотен завтрашних просветителей и деятелей земли русской». Беспорядки молодой интеллигенции в России было основным лейтмотивом листовки. Студент «на нашей родине — стране патентованного невежества, гибнущей от недостатка образованных людей... — подлежит усиленному надзору полиции — он жан-дармское мясо»¹⁷¹.

Академическое движение в 70-е годы имело важное и самостоятельное значение.

Полная неисследованность в исторической литературе этого вопроса побуждает нас подробнее на нем остановиться. Борьба за общестуденческие права сплачивала различные слои неоднородного студенчества. С наплывом в 60-е годы разночинцев в университеты стали стихийно возникать десятки студенческих организаций и кружков¹⁷² двух типов (земляческая или кружковая по принадлежности к губернии или городу и общестуденческая в каждом университете). Устав 1863 г. поставил вне закона любую форму организации студентов. Они рассматривались как отдельные слушатели лекций и подвергались двойному надзору учебного начальства и полиции. Это определило отрицательное отношение студенчества к уставу.

¹⁶⁸ Текст адреса см.: «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. 1. М., 1934, стр. 381.

¹⁶⁹ «Московские ведомости», 5 апреля 1878 г.

¹⁷⁰ А. И. Георгиевский. Краткий исторический очерк..., стр. 12.

¹⁷¹ ОР ГПБ, ф. 208 (А. В. Головинина), д. 132.

¹⁷² П. А. Капнист. Университетские вопросы. — «Вестник Европы», 1903, кн. 11, стр. 202.

Размах академического движения в конце 70-х — начале 80-х годов, участие в нем революционной части студенчества объясняются не только борьбой за демократизацию высшего образования. Борьба за «расширение студенческих прав» рассматривалась в программном документе «Народной воли» «Подготовительная работа партии» как средство воспитания молодого поколения в революционном духе¹⁷³. Студенческие организации сыграли определенную роль в революционизировании русского студенчества.

В условиях нарастания общественного подъема конца 70-х годов учащая молодежь энергично выступила за студенческую автономию, требуя пересмотра устава 1863 г.¹⁷⁴ В адресе петербургских студентов 29 ноября 1878 г. наследнику престола (будущему императору Александру III) указывалось, что «уставы высших учебных заведений налагают на студентов такие стеснения, при которых волнения неизбежны»¹⁷⁵. В этом адресе, написанном Г. В. Плехановым, отразилось стремление широких кругов студенчества к автономии. «Нас лишают права собраний для обсуждения общих дел, мы не имеем права устроить кассы, хотя для взаимной помощи — во всех этих случаях нам грозят преследованием в самой неблагоприятной форме административно-полицейской расправы: за каждое из наших собраний нам угрожают чуть ли не кровопролитием». В адресе прозвучал протест против превращения образования в «привилегию богатства»¹⁷⁶, а также против полицейских расправ во время конфликтов на академической почве.

Студенческая манифестация в Петербурге 29 ноября 1878 г. не была единичной. В начале декабря студенты Харьковского университета подали губернатору петицию на имя наследника престола, в которой, как видно из донесения, «студенты ходатайствовали о пересмотре университетского устава, о даровании права сходок, права выбора депутатов для коллективных заявлений, гласного суда из профессоров, независимого от администрации, с правом избирать из профессоров защитника»¹⁷⁷. С адресом о предоставлении корпоративных прав обратились к наследнику студенты Новороссийского университета¹⁷⁸. Обращение студентов к наследнику престола свидетельствовало о распространении среди студенчества надежд на добрую волю «вер-

хов». Правительство рассеяло иллюзии постановлением 6 января 1879 г., запрещавшим подобные адреса на «высочайшее имя».

Предъявление правительству открытых «формальных» требований, имевших агитационный характер, выгодно отличало студенческую борьбу от оппозиции либералов, заботившихся в первую очередь о лояльности. Борьба студентов за свои права не ограничивалась подачей петиций. Например, в начале декабря 1878 г. в ответ на академические требования студентов Харьковский университет был закрыт, в столкновении с казаками принимали участие 300 студентов¹⁷⁹. Совет университета осудил резкую форму борьбы студентов.

Борьба студенчества за автономию, за демократизацию университетов приобрела особое значение в связи с планами реакции сократить число «неимущих» в высшей школе. Принципы «самопомощи» в студенческой среде в то время поддерживали в печати только «Отечественные записки»¹⁸⁰. Речь шла не столько об открытии новых организаций, сколько об их узаконении. «Сходки, вечеринки, уличные манифестации, студенческие библиотеки и кассы, разные подписки и петиции от имени студентов, — писал профессор Флоринский, — были явлением самым обыкновенным... Студенты сами судили своих товарищей и профессоров, сами решали, какая наука достойна их внимания, какая нет, кого из профессоров можно слушать, кого не следует, как человека отсталого или не сочувствующего духу времени»¹⁸¹.

Выступления студенчества достигли особой силы в период второй революционной ситуации¹⁸². Под непосредственным влиянием революционного движения наиболее радикально настроенные студенты вставали на путь сознательной политической борьбы с самодержавием. Об этом свидетельствуют как демонстрация на акте Петербургского университета 1881 г. против политики правительства в университетском вопросе, так и волнения в Московском университете в марте 1881 г., сопровождавшиеся отказом части студентов от подписки на венок Александру II.

В советской историографии утвердился взгляд¹⁸³, согласно которому политический характер студенческое движение приобрело

¹⁷³ Там же, л. 49.

¹⁷⁴ П. Дрошин. Студенческая жизнь. — «Отечественные записки», 1879, № 1, стр. 26.

¹⁷⁵ «Русская старина», 1906, № 6, стр. 612.

¹⁷⁶ Как известно, применительно к первой революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов В. И. Ленин рассматривал студенческое движение как элемент революционной ситуации.

¹⁷⁷ См.: «История Московского университета», т. I, М., 1955 (автор главы П. С. Ткаченко); «История Ленинградского университета. Очерки». Л., 1969 г. (автор главы Н. Г. Сладкевич); П. А. Зайченко, Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880—1955). Томск, 1960; «Одесский

рело непосредственно под влиянием революционной борьбы рабочего класса. Связь политического протеста студентов с подъемом массового рабочего движения в начале XX в. представляется бесспорной. Мы хотим лишь обратить внимание на то обстоятельство, что студенты, выступая против университетских порядков и правительственной политики в пореформенную эпоху, объективно, независимо от осознания этого участниками движения боролись против одной из сторон самодержавного строя. Только в этом ограниченном смысле мы считаем возможным говорить о политическом характере студенческого движения применительно к 70-м годам XIX в.

В 70-е годы академическое по своей сути выступление часто наталкивалось на полицейские репрессии и приобретало вследствие этого политический оттенок. Эту особенность студенческого движения в России отмечал В. И. Ленин, который при характеристике массовых репрессий против студентов при введении временных правил 1899 г. подытожил типичную для самодержавия политику: «Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновничьего самовластья»¹⁸⁴.

университет за 75 лет (1865—1940)». Одесса, 1940 (автор главы — А. В. Крячун); М. К. Корбут. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804—1929)», т. II. Казань, 1930; «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет», Харьков, 1955 (авторы главы В. И. Астахов и И. Я. Мирошников). См. также: В. И. Астахов. Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период первой русской революции. Харьков, 1953; И. С. Бережной. Студенческое движение на юге Украины в конце XIX — начале XX в. Киев, 1964.

¹⁸⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 4, стр. 391—392.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В КОНЦЕ 70-х — НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

I

Университетский вопрос в период второй революционной ситуации

Революционное народническое движение в конце 70-х годов вылилось в острую политическую борьбу с самодержавием. Введение военного суда в августе 1878 г., временных генерал-губернаторств в апреле 1879 г. свидетельствовало о переходе правительства к реакции.

Студенческое движение и оппозиция профессоров как составные элементы общественного подъема в период второй революционной ситуации вызывали беспокойство в правительственных кругах.

Инициатором репрессий в отношении университетов оказался будущий кумир либералов граф М. Т. Лорис-Меликов, в то время харьковский генерал-губернатор. В Харькове, одном из центров революционного движения, деятельность революционеров в среде студенчества была весьма значительной. О многочисленных сходках и распространении студентами в университете изданий «Народной воли» сообщалось в письмах харьковского губернатора фон Валя Лорис-Меликову¹. Деятельность народников в университете внушала серьезные опасения властям. В письме Толстому 5 мая 1879 г. Лорис-Меликов отмечал «слабость охраны студентов в стенах университета от совершенно посторонних лиц, являющихся туда с целью пропаганды», и допускал возможность, что «переписка преступного содержания проходит через университет»². Однако в «косвенном и даже непосредственном участии в преступных проявлениях политического свойства» он винил либеральных профессоров, которые являются «безнаказанными подстрекателями»³. Лишь «при лучшем составе университетских профессоров», по его мнению, «прикорбные явления вовсе не могли бы иметь места»⁴. Для прекращения студенческих волнений и пресечения их связи с

¹ ЦГАОР СССР, ф. 569 (М. Т. Лорис-Меликова), оп. 1, д. 156.

² Там же, оп. 1, д. 26, л. 6.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 4.

революционной пропагандой Лорис-Меликов предлагал ввести в университетах назначение инспекции, ректоров и деканов правительством, а не профессорскими коллегиями, форму для студентов, а также усилить контроль за стипендиальными суммами, заменив денежную форму стипендий пансионатом⁵. В особом совещании (министров народного просвещения, юстиции, финансов и внутренних дел, Делянова и Лорис-Меликова под председательством Валуева) 17 и 19 июля 1879 г.⁶ после долгих прений отказались от мысли Лорис-Меликова о назначении ректоров и деканов без участия профессорской коллегии, ограничившись решением о подчинении инспекции попечителю учебного округа и усилении надзора за студентами. На основе предложений Лорис-Меликова были разработаны чрезвычайные меры.

«Временная инструкция для университетской инспекции» и «Правила для студентов»⁷ фактически представляли серьезную попытку пересмотра устава 1863 г. Они были одной из частей проекта будущего устава 1884 г. Июльское совещание министров постановило при разработке будущего университетского устава учесть вопросы о способе назначения ректоров и инспекторов, о стипендиях и форменной одежде⁸. Меры 1879 г. усиливали полицейский надзор в университетах. По выражению Делянова, «инспектор должен быть очами и ушами правительства; он обязан ничего не скрывать и стараться подавлять всякое зло в его зародыше. Для того чтобы действовать добросовестно и быть надежным орудием правительства, инспектор должен быть подчинен только одной власти — власти попечителя; от него должна зависеть его служебная участь, точно так же как и служебная участь попечителя должна зависеть единственно от министра и государя императора»⁹. Независимая от университета инспекция мыслилась как рычаг для регулирования отношений внутри университета. Средством воздействия на учащихся служила «карательная и милующая» власть над студентами: в правлении дела о стипендиях, пособиях и льготах студентам решал исключительно инспектор, от него зависело разрешить репетиторство нуждающимся в работе студентам. Инспектор был обязан «отличать» тех из учащихся, у которых заметит, «при хороших успехах, чистоту нравов, правильный образ мыслей и благородство характера и поведения»¹⁰. Любопытно дословное повторение инструкции 1837 г.

Ущемление и без того ограниченной автономии, которой пользовались университеты с начала 60-х годов, возвращение к дореформенному надзору над студентами предпринимались для «ограничения учащейся в них молодежи от происков и усилий преступной агитации»¹¹.

Многие пункты постановлений 1879 г. в этой связи становятся понятными; например, об обязанности инспекторов посещать квартиры студентов (§ 9 инструкции), знать характер и наклонности каждого из них¹² (§ 7). Лишение революционеров части денежных сборов достигалось заменой стипендий общежитием. Студентам запрещались коллективные действия: подача адресов, жалоб и прошений (§ 3 правил), сходки и публичные выступления (§ 4), устройство собраний, спектаклей и т. д. (§ 6). Запрет литографировать лекции (§ 19) был вызван, по-видимому, тем, что значительная часть студенческих листовок исполнялась литографическим способом.

Итак, меры 1879 г. были направлены прежде всего против революционного движения¹³. Именно с этого времени вводилось двустороннее уведомление инспекции и полиции «о всяком предосудительном поступке студента» и координировались также же отношения инспекции с мировыми судебными учреждениями. Комплексная борьба с «крамоллой» впоследствии явилась важной стороной политики Лорис-Меликова.

Правилами 1879 г. был нанесен существенный ущерб и самостоятельности профессорской коллегии: ректор лишался всякого влияния в студенческих делах. Совет не имел права утверждать назначение стипендий студентам (§ 42, п. 2 устава 1863 г.), а также располагать специальными суммами университета (§ 42, п. 9 устава 1863 г.), которые теперь предназначались не на научные цели, а, как указывал Толстой, на «сохранение внутреннего в нем порядка и дисциплины между учащимися»¹⁴. Унижительность положения профессоров при новой системе подчеркивалась призывом «энергичного содействия университетской инспекции»¹⁵. Влияние попечителя значительно расширилось. По уставу 1863 г. инициатива при награждении, повышении в должности и порицании принадлежала ректору. Согласно правилам, попечитель мог и сам делать профессорам замечания и выговоры, представлять их к наградам и отклонять ходатайства ректора на этот счет¹⁶. Профессора, подавая при-

¹¹ Там же, стр. 1022.

¹² Там же, стр. 1028.

¹³ Не случайно публикация «Копии с предложениями г-на управляющего МНП от 29 авг(уста) 1879 г. за № 9466 к г. попечителю С.-Петербургского учебного округа» в «Народной воле» (№ 1, 1 октября 1879 г.). Документ не сопровождался комментариями, ибо они были излишни.

¹⁴ «Сборник распоряжений по МНП», т. 7, стр. 1020.

¹⁵ Там же, стр. 1021.

¹⁶ Там же, стр. 1024.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 194, д. 52, л. 2.

⁶ Там же, ф. 1263, алф. 68, д. 384, 1879 г.

⁷ «Сборник распоряжений по МНП», т. 7, СПб., 1905, стр. 1026—1041, а также ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 425, лл. 51—64.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 194, д. 52, л. 5.

⁹ Там же, оп. 149, д. 422, л. 511.

¹⁰ «Сборник распоряжений по МНП», т. 7, стр. 1033.

мер студентам в соблюдении внешних форм, немаловажных «при нынешних обстоятельствах», «как должностные лица, состоящие на государственной службе», должны были являться в университет в форме.

Как же были проведены в жизнь меры 1879 г.? 19 августа все попечители учебных округов были о них уведомлены. С самого начала правительство намеревалось проводить меры «всерьез». Однако инструкция для инспекции и правила для студентов Московского, Харьковского, Новороссийского, Казанского и Киевского университетов были утверждены министром только 26 октября 1879 г.¹⁷

Их введение вызвало взрыв недовольства в университетах. Среди студентов брожение не прекращалось. Кондуиты, обязательная отметка студенческих билетов и прописка — все это порождало постоянные конфликты и трения между студентами и инспекцией. Не учебная дисциплина вызывала протест студентов, а методы ее насаждения, вроде карцера. Уже в октябре 1879 г. в Петербургском университете вспыхнули волнения по поводу наказания одного студента карцером по ничтожному поводу.

Серьезную оппозицию вызвали правила и у профессоров. Совет Новороссийского университета, рассмотрев предложение попечителя 9 ноября 1879 г., отметил, что меры «противны всем основам академического быта»¹⁸. Попечитель Одесского учебного округа писал 16 ноября 1879 г. министру народного просвещения, что новые порядки производят «тяжелое впечатление в университете, не вызывая веры в успешность и плодотворность вводимых изменений»¹⁹. В виде протеста ряд профессоров выразили желание уйти в отставку (проректор Киевского университета И. И. Рахманинов²⁰, профессор Н. Х. Бунге, покинувший университет в 1880 г., и др.). Профессор Петербургского университета А. Д. Градовский подал в отставку после того, как к нему на лекцию явился инспектор (затем вернулся к преподаванию). Временно за границу уехал В. Л. Грубер.

В ходе борьбы против реакционных мер, за академическую свободу намечалось сближение академических требований студенчества и либеральной профессуры. В обстановке роста революционного движения и активизации студенчества либеральные профессора не видели иного пути умиротворения университетов, кроме «дарования сверху» корпоративных прав студенчеству. Оппозиция вынудила некоторых попечителей учебных округов не вводить меры полностью.

Александр II выразил желание, чтобы «новые порядки были

удержаны без всякого послабления»²¹. Как же выполнялась высочайшая воля?

Движение протеста в различных университетских городах было неравномерным. Особенно сильными были волнения на юге. В Киевском университете, как сообщалось 3 декабря 1879 г., «протест против новых правил принимает угрожающую форму»²². Размах волнений на юге, на наш взгляд, определялся последовательностью, с какой они там осуществлялись. В рапорте харьковского генерал-губернатора Лорис-Меликова Александру II о его деятельности с 6 октября 1879 г. по 2 февраля 1880 г. сообщалось следующее: «Из числа предложенных мною мер до сего времени утверждены и приведены в исполнение: назначение инспектора и его помощников в университете помимо выборного начала, непосредственно учебною властью, и вновь составленные правила для инспекции и студентов университетов, введенные уже в Харьковском университете и Ветеринарном институте»²³. По инициативе Лорис-Меликова приступили к устройству общежития для студентов Харьковского университета.

Совсем другая картина наблюдалась в Казанском университете. В «Записке для памяти» III отделения 8 декабря 1879 г. отмечалось, что «попечитель Казанского учебного округа не намерен пользоваться своими новыми правами во всем их объеме»²⁴.

В Петербургском университете по особому соглашению с попечителем ректор вообще сохранял прежнее положение. «Если в течение прошлого года и не обнаружилось в университете особых беспорядков и волнений, то это (потому, что) значительное число введенных правил оказалось непримененным, так что в действительности сохранялся во многом старый порядок вещей»²⁵. — указывалось в записке совета Петербургского университета попечителю от 22 октября 1880 г. А попечитель Петербургского учебного округа князь М. С. Волконский в «Записке о результатах применения новых временных правил в С.-Петербургском университете в течение первого полугодия 1879—1880 учебного года»²⁶ сообщал Толстому о посещении инспекцией студенческих квартир, о сборе различных сведений, о ежемесячном визировании билетов на право слушания лекций, о выдаче «свидетельств о бедности» студентам для получения стипендий и т. д.

Таким образом, правила 1879 г. были осуществлены лишь частично. Их реализации в полном объеме помешало револю-

¹⁷ «Сборник распоряжений по МНП», т. 7, стр. 1077—1092.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 1256, л. 7.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 423, л. 264.

²⁰ Там же, лл. 252—253.

²¹ Там же, л. 251.

²² ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 1194, л. 11.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 544, оп. 1, д. 77, лл. 22—23.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 1148, л. 2.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 846 (А. И. Георгиевского), оп. 1, д. 40, л. 20.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 32, л. 1—16.

ционное движение и общественный натиск. Весьма характерно для состояния «верхов» того времени признание Волконского (вызвавшее негодование министра) о том, что «буквальное исполнение правил может даже повлечь за собой беспорядки»²⁷. Инструкция, как отмечал Делянов позднее в особом совещании министров 31 января 1881 г., «вследствие прискорбных колебаний университетских правителей и не была приведена в действие с надлежащей твердостью и последовательностью»²⁸.

Изменилась внутривластная ситуация: революционный натиск на самодержавие в конце 70-х годов вызвал колебание правительства. Под влиянием студенческих волнений и оппозиции либеральной профессуры в ряде университетов, например в Казанском, и не пытались ввести правила целиком. А в Харьковском и Новороссийском университетах, где под руководством Лорис-Меликова меры последовательно проводились, они вызвали непрекращавшиеся студенческие волнения, парализовавшие их влияние. Таковы были формы проявления «кризиса верхов» в университетах.

Не была проведена в жизнь «высочайшая» воля и в отношении столь тщательно подготовленного проекта университетского устава. 6 февраля 1880 г. гр. Толстой представил его в Государственный совет. 5 марта того же года Александр II в беседе с государственным секретарем Е. А. Перетцем подчеркнул необходимость «скорейшего рассмотрения этого дела в Государственном совете»²⁹.

Однако революционная ситуация сорвала и эти планы. Проект в то время не получил дальнейшего хода.

Даже для частичного осуществления реакционного преобразования университетов не сложилось благоприятной внутривластной обстановки. Правомерно предположение, что неудача правил 1879 г. могла убедить будущего диктатора Лорис-Меликова в обреченности репрессий в условиях общественного подъема и натолкнуть его на поиски более гибкой «уклончивой» тактики.

Взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. побудил правительство к изменению политики. «Так нельзя жить! — в отчаянии писал К. П. Победоносцев вел. кн. Александру Александровичу. — Подумайте только, что было бы, когда б удался нынешний адский замысел!»³⁰ Под влиянием наследника престола, будущего императора Александра III, 12 февраля была создана «Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Ее глава Лорис-Меликов был облечен диктаторскими полномочиями. По признанию реакционера Е. М. Феоктистова, в тех условиях эта мера

многим представлялась «последним якорем спасения»³¹. Основной задачей диктатора была борьба с революционным движением. Лорис-Меликов предложил объединить действия суда и администрации, изменить систему определения политической неблагонадежности, ускорить производство дознаний по делам о государственных преступлениях, т. е. «улучшить» самодержавно-бюрократический и полицейский аппарат. «Вообще Лорис систематизировал абсолютизм, принявший за предшествующий год какой-то бестолковый характер», — заметил об этой стороне его деятельности «Листок «Народной воли»»³².

Однако особенность лорис-меликовского курса состояла в опоре на «благонадежные элементы общества». В «оживлении вообще общественной деятельности», как писал Лорис-Меликов 20 сентября 1880 г. в докладе Александру II, он видел «надежнейшие средства для парализования действий крамольников»³³. Лишить революционную партию «сочувствующей» среды, изолировать борцов — эта задача диктовала особые приемы по отношению к либеральному обществу. Заигрывая с общественным мнением, не скупясь на неопределенные обещания, привлекая на сторону правительства умеренных и колеблющихся, Лорис-Меликов принял меры к возвращению некоторых административно-ссылных, предоставил некоторую свободу печати умеренно-либерального толка, способствовал назначению сенаторских ревизий. Это было сочувственно встречено либеральным обществом. Газета «Голос» провозгласила управление Лорис-Меликова как «диктатуру сердца и мысли»³⁴. Уступки «сверху» соответствовали мечтам либералов добиться конституции мирными средствами без решительной борьбы с самодержавием.

В литературе освещен правительственный кризис периода второй революционной ситуации, исследован внутривластный курс Лорис-Меликова в целом³⁵.

Отношение либерально-буржуазной прессы к лорис-меликовскому курсу было неоднородным и колебалось от полного его одобрения и до острой критики. Причем, как мы увидим, оно менялось на протяжении 1880—1881 гг. Наибольшей последовательностью в апологетике диктатора до 1 марта 1881 г. отличалась газета «Голос». Другой либеральный орган, «Молва», высказывался вообще против режима диктатуры, а в день убийства царя заклеил новые веяния как «декорацию для прикрытия прежних недостатков и болячек», заявив, что «лучше откоро-

²⁷ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, стр. 188.

²⁸ «Листок «Народной воли», 20 августа 1880 г.

²⁹ «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 34.

³⁰ «Голос», 16 февраля 1880 г.

³¹ М. Н. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX в.). Кризис правительственной политики. М., 1963; П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964.

венная реакция, нежели обманчивый прогресс»³⁶. В оппозицию к Лорис-Меликову перешел и орган Л. А. Полонского «Страна» после предостережения, полученного за ходатайство о помиловании Н. Г. Чернышевского³⁷.

Даже из этих примеров следует, что Лорис-Меликов не пользовался безоговорочной поддержкой либерально-буржуазного лагеря в лице его печатных органов, которые хотя и непоследовательно призывали правительство к завершению реформ 60-х годов. В этих призывах были одинаково единодушны «Голос», «Молва», «Страна», «Порядок», «Русский курьер» и «Русские ведомости», отличаясь друг от друга лишь степенью «тактичной» критики нерешительности правительства в отношении уступок общественным требованиям.

Одной из существенных уступок правительства была отставка в апреле 1880 г. министра народного просвещения Толстого. Камарилья долго этому препятствовала. 18 марта 1880 г. Валуев отмечал в дневнике, что «старания гр. Лорис-Меликова сбить гр. Толстого безуспешны»³⁸. В конфиденциальном письме Александру II Катков доказывал важность именно Толстому «докончить дело реформы и передать своему преемнику как высшие, так и средние учебные заведения благоустроенными»³⁹. Однако проект Толстого в это время не соответствовал реальному соотношению политических сил. В условиях общественного подъема Александр II вынужден был пожертвовать своим верным слугой.

Острая внутриполитическая обстановка, крайняя непопулярность политики Толстого в области просвещения, провал попытки осуществить правила 1879 г., расчет правительства на «сочувствие всей России» обусловили отставку Толстого. Среди современников была популярна острота об Александре II как о «трижды освободителе»: крестьян — от крепостного ига, болгар — от ига турок и России — от ига... Толстого. Об этой «несправедливости» современников с горечью писал в своих воспоминаниях почитатель Толстого П. Шестаков⁴⁰. Апологетическая оценка деятельности гр. Толстого перекочевала из записок и статей Каткова и Шестакова в современную зарубежную историографию. В частности, исследователь системы образования в России Эльстон Пэтрик отмечает значительную пользу толстовской системы как в высшем, так и в среднем образовании, особенно по сравнению с результатами политики в этой области Лорис-Меликова: «Культурные ценности для экономического про-

гресса, как считали консерваторы, показали себя не только искусственными, но и опасными. Либералы и радикалы могли бы обвинить толстовскую систему как формалистическую и реакционную, но официальные источники показывают ее как систему, использующую возможности для светского и научного обучения, главным образом среди низших классов и меньшинств»⁴¹. В пользу высокой оценки деятельности Толстого автор приводит только следующие цифры: рост в 1864—1875 гг. числа гимназистов с 28202 до 51097, а гимназисток — с 4335 до 27470; падение удельного веса привилегированной молодежи с 70% до 52,8%, и соответственное повышение представителей городских сословий с 1/5 до 1/3. Следует заметить, что реальные процессы, отраженные в этих цифрах, совершались вопреки курсу гр. Толстого. Его политика достаточно хорошо известна в литературе, он более кого-либо другого содействовал превращению Министерства народного просвещения в министерство «народного затемнения».

22 апреля 1880 г. министром народного просвещения стал А. А. Сабуров. С 1875 г. он занимал пост попечителя дерптского учебного округа.

Студентство Дерптского университета существенно отличалось от студентов других университетов прежде всего по своему социальному составу. Студенческого вопроса там не существовало. Представители прибалтийского, преимущественно немецкого дворянства и буржуазии составляли среду, чуждую радикальным идеям и запросам освободительного движения. В этом отношении Дерптский университет был близок европейским университетам. Характеристика дерптских студентов содержится в интересной работе Л. Эрингсона⁴².

В университете существовали корпорации немецкого типа, объединявшие несколько сот студентов. Корпоранты воплощали в себе отрицательные стороны студенческой молодежи: «никаких общественных интересов, презрение к политике, узкий национализм, кутежи, дуэли, любовные интриги»⁴³. Хотя корпорации не были предусмотрены в «Правилах для студентов», администрация, естественно, смотрела сквозь пальцы на их существование, ибо единственной формой выражения политических настроений среди буршей был национализм. Профессор И. Бодуэн-де-Куртенэ писал об их «грубых выходках, прямо оскорбительных для человеческого достоинства местного эстонского населения»⁴⁴. Университет вне политики, индифферентное сту-

³⁶ «Молва», 1 марта 1881 г.

³⁷ «Страна», 15 января 1881 г.

³⁸ П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, стр. 76.

³⁹ «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 9. При публикации письмо датировано неверно: не июль 1879 г., когда об отставке Толстого не было и речи, а март—апрель 1880 г.

⁴⁰ П. Шестаков. Граф Д. Толстой.— «Русская старина», 1891, № 4, стр. 207.

⁴¹ Patrick Alston. Education and the State in tsarist Russia. Stanford, 1969, p. 115.

⁴² Л. Эрингсон. Из истории Тартуского университета в конце XIX и начале XX в.— «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 114. Тарту, 1961, стр. 177—209.

⁴³ В. Версаев. Воспоминания. Л., 1946, стр. 314.

⁴⁴ Л. Эрингсон. Указ. соч., стр. 208.

денчество — это было весьма заманчивой моделью для правительства, напуганного ростом революционных настроений среди студентов.

Самый выбор министра, с именем которого связан новый правительственный курс в отношении университетов, нам представляется не случайным. Программа, предложенная А. А. Сабуровым, как мы увидим, опиралась на дерптский опыт и находилась в органическом единстве с лорис-меликовской политикой. Вместо общего законодательного пересмотра устава 1863 г. Сабуров предложил рассмотрение в Государственном совете различных частей преобразования университетов, причем в первую очередь об организации инспекции. Уступать «по кусочкам» общественным требованиям было вообще характерно для лорис-меликовского курса.

Новая тактика не ввела в заблуждение революционную партию. «Отрывая от нас либеральную партию, — указывалось в передовой статье «Листка «Народной воли», — Лорис намеревается то же сделать и относительно молодежи. Недавно вышедшее правительственное распоряжение сулит не только помилование, но даже полное возвращение прав ссыльным по студенческим историям. Со студентам Лорис заигрывает и лично, призывая к себе их «представителей», обещает всякие льготы... Что же, политика не глупа! Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить революцию и передуть всех врагов порознь — не дурно! И заметьте, что всех этих воробьев предполагается обжечь исключительно на мякине, не поступившись ничем и даже, собственно говоря, никого не пощадив»⁴⁵. Сабуров не скупился на заверения удовлетворить «студенческие желания» и даже принял в Москве в разгар волнений в октябре 1880 г. коллективную петицию студенчества университета. В «Правительственном вестнике» этот факт опровергался вопреки свидетельствам очевидцев⁴⁶.

Петиция разрабатывалась студентами Московского университета на сходках в течение сентября — октября 1880 г. Для поднесения адреса было избрано 60 человек⁴⁷. «Для многих из наших товарищей, — указывалось в петиции, — представляется единственная дилемма: или, продолжая высшее образование, подвергаться хроническому голоданию, или отказываться от достижения своих образовательных целей»⁴⁸. Кроме отмены мер 1879 г., студенты требовали права сходок, подачи петиций, устройства таких студенческих учреждений, как касса, бюро для прискаания работ и занятий, кухмистерская и общие квартиры;

⁴⁵ «Листок «Народной воли», 1 июня 1880 г.

⁴⁶ «Правительственный вестник», 15 октября 1880 г.; *И. Цветков*. Из университета в острог. — «Русская старина», 1898, № 3, стр. 594. Текст петиции на стр. 592—594.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, л. 387, л. 151.

⁴⁸ «Русская старина», 1898, № 3, стр. 593.

права избрания представителей для заведования этими учреждениями, а также права устраивать концерты, спектакли и публичные собрания, суд чести над своими товарищами и распределения стипендий представителями студентов. Они выступали против некоторых ограничений в гражданских правах (например, право вступать в брак) и в научных занятиях, а также за уменьшение платы за лекции и «непосредственное подчинение студентов профессорской коллегии». Эта типичная академическая программа отражала требования, которые выдвигали студенты других университетов.

Под влиянием растущего студенческого движения в конце 70-х годов позиция профессуры менялась. В обстановке общественного подъема советы университетов обратились в министерство с конкретной программой в университетском вопросе. В «Проекте правил императорского С.-Петербургского университета»⁴⁹ от 25 октября 1880 г. совет выступил против мер 1879 г., вызванных «чрезвычайными обстоятельствами». Для «свободного развития университетской жизни» профессор предлагали восстановить университетский суд, а также разрешить сходки курсовые, факультетские и общие, но лишь с согласия ректора по заранее утвержденной программе, а также организацию студенческого суда чести по правилам, выработанным старостами и утвержденным советом. Собрания (сходки) допускались по группам курса: в факультетских и общих сходках участвовали только выбранные курсом старосты. Инспекция имела право «закрывать сходку, если обсуждение коснется вопросов, не разрешенных ректором, или примет беспорядочный характер».

Таким образом, предложения профессоров были более умеренными и не во всем совпадали со студенческими требованиями. Инспекция не устранялась от надзора за студентами, хотя и отмечалась неэффективность надзора инспекции и существование тайных сходок. «Неудивительно, — замечал совет, — что на сходках, бывших в ноябре 1878 г., присутствовало несколько рабочих с фабрики Торитона... Возможно ли верить надзор за студентами высших учебных заведений полуграмотным унтер-офицерам?»⁵⁰ Совет Московского университета 18 декабря 1880 г.⁵¹ также признавал полезным открытое существование вспомогательных касс между студентами, курсовые собрания студентов в стенах университета с разрешения и под контролем инспекции «для обсуждения студентами различных вопросов, имеющих отношение к их академической жизни»⁵². Подобные же предложения выдвинули советы остальных университетов.

Однако нельзя говорить об единодушной позиции в этом вопросе всех профессоров. «Подобная мера, — писал Чичерин, — не

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, л. 422, лл. 194—202.

⁵⁰ Там же, л. 206.

⁵¹ Там же, лл. 323—339.

⁵² Там же, л. 333.

что иное, как узаконение агитации, парламент несовершеннолетних, учрежденный в стране, где не существует парламентской жизни и в среде взрослых»⁵³. Мнение либерального консерватора Чичерина подчеркивает отсутствие единодушия в профессорской среде относительно устройства студентов. И в 60-е годы при разработке устава 1863 г. даже Н. И. Пирогов, видевший в университетах «барометр общества», не одобрял «легального существования» студенческих организаций⁵⁴. Еще в середине 70-х годов большинство профессоров скептически относились к требованиям студенческой корпорации. «Пока мы не считаем возможным, — писал профессор В. И. Герье, — позволить нашим студентам, чтоб они подобно немецким свободно составляли корпорации и союзы и без надзора проводили вечера»⁵⁵. Тем не менее очевидна тенденция к единству студенчества и той части профессуры, которая выступала за академическую свободу.

Революционное движение и общественный подъем, вызвавшие «кризис верхов», заставили правительство пойти на уступки в университетском вопросе. Такой уступкой явился проект Сабурова—Милютинна. Сабуров и военный министр Д. А. Милютин констатировали опасность для государства распространения среди студентов «нигилизма». Этому способствовало, по мнению авторов, существование студенческих сходок и учреждений «втайне, следовательно, вне всякого контроля и надзора»⁵⁶. Их предложения сводились к разрешению права сходок, студенческих касс, суда чести, дешевых столовых. Осуществление даже этих ограниченных мер способствовало бы некоторой демократизации высшего образования.

Подобные меры по отношению к студенческому движению преследовали определенную, типичную для лорис-меликовского курса цель — подавить активную революционную борьбу путем удовлетворения умеренных академических требований. К тому же издание «Особых правил» для обеспечения порядка и контроля над студентами, недопущение «многочисленных сходок» противоречили требованиям студенчества, стремившегося к корпоративному строю, не зависящему от администрации. Права, предусмотренные проектом, были также значительно уже и предложений университетских советов. Однако охранительная сторона последних, еще более развитая в проекте, заставляет предположить, что именно записки университетских советов легли в его основу.

При обсуждении проекта в особом совещании министров под председательством Милютинна отразились разногласия внутри

правительства⁵⁷. Доклад А. А. Сабурова—Д. А. Милютинна был «высочайше» утвержден 29 декабря 1880 г. и передан на обсуждение особого совещания. Министры, в ведении которых находились высшие учебные заведения, должны были «определить тот порядок, в котором предполагаемые мероприятия могли бы быть введены в университетах»⁵⁸, а также и вопрос об изменении действовавших в то время правил об инспекции над студентами. В особом совещании под председательством Д. А. Милютинна приняли участие министры: внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, государственных имуществ кн. А. А. Ливен, финансов А. А. Абаза, товарищ министра Н. Х. Бунге, министр путей сообщения К. Н. Посьет, народного просвещения А. А. Сабуров, а также обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, ст.-секр. И. Д. Делянов и ген.-ад. Н. В. Исаков. О ходе заседаний особого совещания сохранились также данные в дневнике Д. А. Милютинна и в письмах К. П. Победоносцева к М. Н. Каткову, которые воссоздают настроения в «верхах». В письме Каткову 3 января 1881 г. Победоносцев писал: «...пошлю Вам документ невеселого свойства... зовут в понедельник в числе на совещание к Милютину под его председательством. По всей вероятности, о существе дела не допустят и рассуждений, ибо, как Вы видите, оно утверждено уже. Вот до чего дошло дело»⁵⁹ (подчеркнуто автором). Однако это не помешало им активно выступить против предлагавшихся мер. Д. А. Милютин так описывал заседание: «...члены совещания, один за другим, в равной степени восстали против них. Сильнее всех выжили Делянов и Победоносцев, чего, впрочем, и следовало ожидать. Видя совершенную невозможность прийти к какому-либо соглашению противоположных взглядов, я предложил отложить дальнейшие суждения до другого раза»⁶⁰.

Благодаря усилиям реакционеров первое заседание было фактически сорвано, так как проект поддержали только Лорис-Меликов и авторы. 9 января 1881 г. состоялось второе заседание. «На сей раз мы, — писал Д. А. Милютин в дневнике, — по предварительному соглашению с Сабуровым, гр. Лорис-Меликовым и некоторыми другими членами совещания, ограничили вопрос только предположениями о преобразовании инспекции студентов и подчинении ее ректору и правлению»⁶¹, т. е. о целесообразности сохранения правил и инструкции 1879 г.

О результате заседаний Победоносцев писал 9 января Каткову: «знаю только, что гр. Л[орис]-Мел[иков] докладывал го-

⁵³ ОР ГПБ, ф. 208, л. 144, л. 3.

⁵⁴ С. Мельгунов. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904, стр. 61.

⁵⁵ «Вестник Европы», 1876, № 2, стр. 707.

⁵⁶ «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 11.

⁵⁷ «Журнал особого совещания министров по вопросу об устройстве быта студентов русских университетов» (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, л. 422, лл. 486—514).

⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 169 (Д. А. Милютинна), к. 43, д. 26, л. 2.

⁵⁹ Там же, ф. 120 (М. Н. Каткова), п. 9, № 47, л. 31.

⁶⁰ «Дневник Д. А. Милютинна», т. 4 (1881—1882). М., 1950, стр. 12.

⁶¹ Там же, стр. 14.

сударю, что они были побиты»⁶². В дневнике Д. А. Милютин также констатируется неблагоприятный исход совещания министров. На секретном совещании цель проекта Сабурова—Милютин была сформулирована более четко — «сделать безвредными» студенческие сходки и совещания. «Воспрещение же их в настоящее время, — заявил Сабуров, — не только повело бы, собственно, к взрыву неудовольствия между студентами и к новым беспорядкам, но было бы и бесцельно, так как учреждения эти, как показал опыт, продолжали бы существовать в среде студентов, но только втайне». Для успокоения университетских волнений пять членов совещания (А. А. Сабуров, Д. А. Милютин, М. Т. Лорис-Меликов, А. А. Абаза и Н. X. Бунге) считали необходимым ускорить отмену мер 1879 г. Относительно студенческих организаций они предложили, отложив окончательное решение на неопределенное время, ограничиться лишь тем, чтобы «не воспрещать студентам устройства столовых, читален, всякой помощи нуждающимся и т. п. учреждений под наблюдением личной ответственностью университетского начальства»⁶³. Остальные, и их было большинство, высказались даже против отмены мер 1879 г. Делянов считал, что они «должны быть оставлены в своей силе» вплоть до полного преобразования университетов. Единственная опора правительства в храмах науки — инспекция. Всесилье ее при Николае I было залогом, по мнению Делянова, «спокойного состояния университета»⁶⁴. «Открытие подобных учреждений в стенах университета, — писал К. П. Победоносцев, — никак нежелательно, ибо оно по необходимости сопряжено будет со сходками, которые, как показал опыт, превращаются всегда в нестройное сборище и всегда разрушают спокойствие, существенно необходимое для правильного хода занятий в стенах университета».

Заслуживает внимания и другой довод бюрократии: «Полезно ли выдвигать университеты из общего строя управления, — писал А. А. Ливен, — облекая их независимостью, которая в действительности не может и не должна иметь места в заведении, готовящем молодых людей к строго определенной служебной зависимости»⁶⁵.

Ход обсуждения показывает, как малочисленны были в правительстве сторонники политики уступок. Даже представители либеральной бюрократии А. В. Головин в отзыве на проект 15 декабря 1880 г. писал: «От высшего полицейского начальства должно зависеть в настоящее время решение вопроса, в каком периоде государственной жизни мы теперь находимся: нормального, правильного течения оной при господстве строгой законности или особые обстоятельства требуют еще в некоторой

степени продолжения военного положения и распоряжений административных. Устройство студенческой жизни для блага студентов в том или ином виде должно зависеть от разрешения этого вопроса»⁶⁶. Совещание по университетскому вопросу отразило столкновение «партии непреклонных сторонников самодержавия» и либеральной бюрократии, ориентированной на сохранение буржуазных реформ 60-х годов.

Половинчатое решение совещания министров о студенческих организациях оказалось бессильным перед реальным соотношением борющихся общественных сил. Студентам ряда университетов удалось добиться признания своих прав. В Московском университете было разрешено 11 января 1881 г. устройство читальни, кассы взаимопомощи и столовой⁶⁷. 21 января инспектор Киевского университета сообщал попечителю округа, что «существующий ныне в университете порядок можно сохранить лишь при безотлагательном даровании студентам здешнего университета таких же прав, какими уже воспользовались студенты Московского университета»⁶⁸. Студенты Киевского университета в январе в петиции требовали отмены положений 1879 г. и права иметь библиотеку, читальню, кассу и столовую. 27 января последовало разрешение министра⁶⁹. Петиция студенчества Казанского университета с теми же требованиями была в большинстве пунктов принята попечителем казанского учебного округа П. Д. Шестаковым, который еще в сентябре 1880 г. ратовал за карцер.

В период революционной ситуации под напором студенческого движения, поддержанного в ряде университетов профессорскими коллегиями, были достигнуты некоторые успехи в борьбе за студенческую автономию. Студенчество продолжало бороться за издание общего закона, который санкционировал бы завоеванные права и расширил их. Несоответствие скромных уступок правительства обещанным льготам усиливало недовольство студенчества лорис-меликовской политикой оттяжек и неопределенных обещаний. На торжественном акте Петербургского университета 8 февраля 1881 г. произошла демонстрация, организованная центральным студенческим кружком народолюбцев. После прочтения А. Д. Градовским годового отчета в присутствии 4 тыс. человек студент Л. М. Коган-Бернштейн произнес речь. «Из отчета ясно, — сказал он, — единодушные требования всех университетов оставлены без внимания. Нам выслушали для того, чтобы посмеяться над нами. Вместе с насильем нас хотят подавить хитростью. Но мы понимаем лживую политику правительства; ему не удастся остановить движение русской мысли обманом! Мы не позволим издеваться над собой... Сабуров най-

⁶² ОР ГБЛ, ф. 120, п. 9, № 47, л. 33.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, л. 422, л. 490.

⁶⁴ Там же, л. 511.

⁶⁵ Там же, л. 502.

⁶⁶ ОР ГПБ, ф. 208, д. 142, л. 3.

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, 1881 г., д. 1, л. 1.

⁶⁸ Там же, оп. 149, д. 422, л. 384.

⁶⁹ Там же, оп. 200, д. 6, л. 1; д. 2, л. 2.

дёт в рядах интеллигенции своего мстителя»⁷⁰. Среди шума и замешательства Коган бросил пачку гектографированных прокламаций. Студент П. П. Подбельский нанес Сабурову «оскорбление действием».

«Скандал» на торжественном акте был воспринят реакционной печатью как крах политики «умиротворения». «Московские ведомости» глумились над принципом студенческой автономии: «Были же при юном Петре потешные роты, из которых вышли победители под Полтавой. Почему же не попробовать в наше просвещенное время опыт потешного парламента?»⁷¹

Реакционная пресса стремилась дискредитировать «новые веяния» в управлении ведомства просвещения⁷². Развенчивая лорис-меликовскую политику в университетском вопросе⁷³, Катков в передовой статье «Московских ведомостей» противопоставлял ей «действительную и правдивую реформу» университетов, подготовленную Толстым.

Либеральная пресса, поддерживавшая лорис-меликовскую политику в университетах, осуждала студенческую демонстрацию. «Русские ведомости» в передовой статье отвергли совет Каткова «сокрушить самостоятельность университетов и превратить профессоров в чиновников от правительства». Газета не видела оснований раздувать происшествие «в событие, грозящее обществу спокойствию и государственному порядку», и приветствовала положение, когда «из-за единичных выхонок не будут более страдать сотни и тысячи ни в чем не повинных людей»⁷⁴. Газета «Порядок» призывала правительство «продолжать твердо идти раз намеченным путем»⁷⁵, т. е. путем уступок общественным требованиям в университетском вопросе. «Желательно, чтобы лучшая часть студенчества имела воспитательное влияние на нравы остальной,— указывалось в «Политическом обозрении»,— но для этого, конечно, нужно устранение существующей разъединенности единиц и групп»⁷⁶. Газета в ряде номеров помещала материалы о возмущении университета кучкой «отщепенцев». Либералы упрекали студентов в полном «непонимании, что подобные выходы могут играть лишь в руку реакции». В газете «Страна» выражалась надежда, что «Министерство народного просвещения не сделает этого прискорбного случая предлогом для приостановки тех преобразований и улучшений, которые оно начало вводить в наших учебных заведениях»⁷⁷.

⁷⁰ «Народная воля», февраль 1881 г.

⁷¹ «Московские ведомости», 13 февраля 1881 г.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, 14 февраля 1881 г.

⁷⁴ «Русские ведомости», 15 февраля 1881 г.

⁷⁵ «Порядок», 9 февраля 1881 г.

⁷⁶ «Порядок», 13 февраля 1881 г.

⁷⁷ «Страна», 10 февраля 1881 г.

Итак, инициатива по-прежнему возлагалась на правительство, которое либеральный лагерь фактически пытался оградить от любого давления «снизу». «Этих прав у вас никогда не будет прежде, чем у общества,— указывалось в обращении к студентам,— оно и стремится к приобретению их, оно домогается и свободы слова и совести, и права свободного заявления о своих нуждах, и свободы труда и передвижения, и права личной неприкосновенности. Когда оно их получит, тогда и на вашу долю останутся плоды этих благодетельных приобретений. Думать же, что своими собственными силами вы за общество завоюете своими quasi протестами права и себе, и обществу, по меньшей мере юношеское самообольщение»⁷⁸. Вместо демонстраций протеста, нажима на правительство со стороны общества предлагалось терпеливо дожидаться «плодов благодетельных приобретений».

В период второй революционной ситуации демонстрация в Петербургском университете была почти единственным общественным протестом против бесплодности политики «новых веяний», хотя и он, как мы увидим, был связан с деятельностью революционеров. В этом свете университетская история приобретает определенное политическое звучание. Обсуждение в прессе разрешилось, как мы убедились, вокруг оценки лорис-меликовского политического курса. Политически незрелая либеральная оппозиция, не оформленная в партию и имевшая одним из основных орудий либеральную печать, проявила ограниченность и пассивность в политическом отношении. Однако по мере обострения борьбы революционной партии с самодержавием некоторые органы либеральной печати начинали решительнее выражать недовольство политикой оттяжек дальнейших реформ. Так, в день двадцатилетия крестьянской реформы «Молва» открыто поставила вопрос о необходимости «таких либеральных учреждений, которые гарантировали бы русскому обществу невозможность разлада закона с жизнью»⁷⁹. Система Лорис-Меликова, в том числе проект Сабурова—Милютин, пользовалась в целом поддержкой либерального лагеря. Однако характерным для либеральной прессы было осуждение преимущественно формы протеста студентов. Либеральная печать указывала на «медлительность» преобразования университетов, а тем самым косвенно оправдывала и правомерность самого протеста. Более того, медлительность правительства в области законодательства вызывала беспокойство в либеральных кругах. Отмечая недостаточность для общественного прогресса таких мер, как реорганизация III отделения, газета «Страна» в редакционной статье «С чего начинать?» так отвечала на поставленный вопрос: «Дайте нам возможность верить в закон так, как теперь мы верим в

⁷⁸ «Страна», 10 февраля 1881 г.

⁷⁹ «Молва», 19 февраля 1881 г.

случайно являющихся Гарун-аль-Рашидов»⁸⁰. Без законодательных гарантий все начинания приведут к «фальши».

Деятельность Лорис-Меликова в качестве русского Гарун-аль-Рашида уже не удовлетворяла либеральное общество, которое в лице своего органа недвусмысленно высказало пожелание правительству перейти от туманных обещаний к законодательной практике.

Участие партии «Народная воля» в организации выступления студентов против лорис-меликовского курса не подлежит сомнению. Во время демонстрации в актовом зале находились народовольцы В. П. Фигнер, А. И. Желябов, П. Е. Суханов и др. В связи с этим статья «Последние события в университете» в газете «Народная воля» дает представление о характере демонстрации. Намерение части студенчества устроить на акте «разные овации начальству» заставило «Центральный университетский кружок» принять меры для выражения министерству «недоверия студентов и их неудовлетворение одними посулами»⁸¹. Борьба внутри университетского студенчества в это время осложнилась. «Система Сабурова, постоянно рекомендуемая «погодить», «выждать», быть «благоразумными» и пр., начала деморализовать студентов, выдвигая в их среде на видное место разных молодых стариков, карьеристов, вообще тот тип, который уже окрещен в студенческой среде кличкой «бонапартистов»⁸². Процесс «схлопывания под непосредственным попечением начальства самых безнравственных элементов студенчества» становился реальным фактом университетской действительности. Прямая связь этого явления с лорис-меликовским курсом в отношении университетов, охранительный характер либерально-бюрократических проектов были верно подмечены самими студентами.

При рассмотрении дела в университетском суде 10 февраля 1881 г. выяснилось, что около 500 студентов сочувствуют протесту, но считают его форму бестактной; из них 82 человека поддержали и форму протеста. Не «посторонние агитаторы», как утверждала либеральная печать, а сотни студентов в Петербургском университете поддержали протест.

Демонстрация против политики «лисыего хвоста и волчьей пасти» находится в тесной связи с народовольческой тактикой вообще. Слабость революционной организации и политическая незрелость либерально-буржуазной оппозиции объясняет единичность подобного выступления. При поддержке печати, демон-

страциях со стороны либерального общества, земств, других высших учебных заведений протест мог бы усилить натиск на правительство и вынудить его к дальнейшим уступкам общественным требованиям. В действительности дело ограничилось лишь отказом от мер 1879 г., официально отмененных 18 февраля 1881 г.

Студенческое движение преодолело барьер, который стремилось поставить на его пути самодержавие. Нерешенность коренных вопросов общественного развития России обусловила неизбежно политическую окраску даже академического движения русского студенчества. При отсутствии политической свободы оно и не могло проникнуться чистым «академизмом» и довольствоваться полууступками. Попытка сравнить университеты России с Дерптским университетом оказалась утопической вследствие глубоких социальных антагонизмов в России, питавших и студенческое движение.

Студенческие волнения после 1 марта 1881 г. отличались особенной остротой. Под влиянием борьбы революционной демократии, срывавшей ложные декорации с политической сцены, особенно в период резкого поворота политического курса Лорис-Меликова сразу же после 1 марта 1881 г., большинство либеральных органов объективно оказалось в оппозиции. Даже умеренный «Голос» потребовал установления таких «органов общегосударственной жизни», перед которыми были бы «ответственны» исполнители⁸³, сетуя на то, что прежде газета преследовала цель лишь «отставания реформ», а не «содействие их дальнейшему развитию». «Молва» после убийства Александра II вообще отказалась сотрудничать с лорис-меликовской диктатурой. Все это свидетельствовало о том, что как бы ни была умеренна либеральная оппозиция, ее политические интересы не могли слиться с целями либеральной бюрократии.

Лишь отставка Лорис-Меликова и страх перед наступлением реакции на какое-то время примирили оппозиционные либеральные органы с «опальным» диктатором, создав иллюзию единения либерализма в оппозиции с либерализмом у власти⁸⁴.

Итак, изменение правительственной политики вызвало определенную разногласию в либеральном лагере. Неудовлетворенность либерально-бюрократической диктатурой, отчетливо проявившаяся накануне и после 1 марта 1881 г., наиболее отчетливо показала ее политическую слабость.

Реакция спешила покончить с «новыми веяниями». После событий 1 марта 1881 г. реакционная агитация за переустройство университетов, «извергающих царубийц», еще более усилилась. «Новую политику надобно заявить немедленно и решительно,—

⁸⁰ «Страна», 8 февраля 1881 г. Об участии профессоров в конституционном движении в период второй революционной ситуации см.: Ф. А. Петров. Либеральные профессора Московского университета в годы 2-го демократического подъема.—«Вестник МГУ», серия IX, история, 1975, № 1, стр. 68—81.

⁸¹ «Народная воля», февраль 1881 г.

⁸² Там же.

⁸³ «Голос», 4 марта 1881 г.

⁸⁴ «Голос», 17 марта 1881 г.; см. также: А. П. Афанасьев. Столичные либеральные газеты и лорис-меликовская диктатура.—«Проблемы истории СССР». М., 1973.

писал Победоносцев Александру III 6 марта 1881 г., — надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании... Сабуров не может быть долее терпим на месте»⁸⁵.

Однако период открытого существования студенческих организаций, энергичной борьбы за свои права не остался бесследным в истории университетов. Именно к этому времени относится наибольшая интенсивность в деятельности студенческих организаций, касе взаимопомощи, библиотек, землячества, а также попытки организовать студенческие научные общества⁸⁶. Ввиду этого трудно согласиться с общей оценкой этого периода Эльстоном Пэтриком. Справедливо отмечая, что «академические программы не смогли обеспечить лояльность молодежи к режиму», автор в то же время утверждает, явно путая причину и следствие: «Лорис-Меликов принес большой вред [по сравнению с Д. Толстым. — Г. Щ.]. В момент, когда страна была изолирована извне, генерал пошел навстречу студенческому терроризму, приблизив тем самым окончательную катастрофу. В итоге западники или «либералы» оказались не в состоянии модернизировать страну без того, чтобы не подвергать ее крайней опасности»⁸⁷. Политическая борьба во время второй революционной ситуации революционизировала демократическое студенчество. Листовка «К студентам» 25 октября 1881 г., отметив, как «много сил и жертв потрачено на отстаивание чисто студенческих интересов»⁸⁸, выдвигала на первое место борьбу за политические свободы и создание общестуденческой политической организации.

Решение университетского вопроса и других политических проблем, в центре которых была борьба за политическую свободу, зависело от расстановки классовых сил, «от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия»⁸⁹.

Политика правительства в университетском вопросе в 1879—1881 гг. явственно обнаружила все признаки «кризиса верхов». Характерно, что все меры, осуществленные впоследствии дворянской реакцией, в том числе и такие противоположные по своему характеру, как отмена подушной подати и контрреформы, были разработаны в период лихорадочных поисков выхода из кризиса конца 70-х годов. В решениях особого совещания министров в июле 1879 г. содержался «образ» контрреформ во

всех областях государственного управления. Единство внутривластного курса в конце 70-х и в 80-е годы было лишь прелюдией к дальнейшему развитию кризиса самодержавия⁹⁰. Под давлением политической борьбы позиция государственных деятелей менялась. Лучшим тому доказательством служит тактика Лорис-Меликова в университетском вопросе. Внутренняя политика правительства обуславливалась степенью давления «снизу», классовой природой самодержавия, маневрировавшего в сложной политической обстановке.

Революционная борьба и общественный подъем отвели на время угрозу, нависшую над университетами. Однако слабость революционных сил, незрелость буржуазного общества, отсутствие массового крестьянского и организованного рабочего движения привели в начале 80-х годов к тому, что самодержавие, отбив революционный натиск, не только избегло политических уступок, но и предприняло контрреформы для своего укрепления.

2

Особенности внутренней политики начала 80-х годов. Проект университетского устава

В исследовании характера и особенностей политической реакции 80-х годов значительный интерес представляет вопрос о месте университетского устава в цикле мер внутренней политики Александра III. Устав 1884 г. открыл эпоху реакции. Первоочередность реакционного преобразования университетов закономерна в свете рассмотренных нами студенческих выступлений и оппозиции либеральных профессоров.

В начале 80-х годов университетский вопрос получил особое политическое значение. После революционной ситуации предотвращение активных оппозиционных выступлений, идеологическое воздействие на общество выдвинулось в качестве основной задачи правительства Александра III.

Любая искра оппозиции представлялась угрозой для правительства, «которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов»⁹¹.

В литературе убедительно доказано в соответствии с ленинской концепцией развития капитализма в России положение о тормозящем влиянии помещичьего землевладения на развитие экономики, на обострение аграрного вопроса⁹².

⁸⁵ «Письма Победоносцева Александру III», т. I, стр. 317. 24 марта последовала отставка Сабурова и проект был положен под сукно.

⁸⁶ С. Мельгунов. Указ. соч., стр. 61—64.

⁸⁷ Patrick Alston. Op. cit., p. 115.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 13104.

⁸⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 43.

⁹⁰ П. А. Забончиковский. Указ. соч., стр. 112.

⁹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.

⁹² См.: А. М. Анфимов. Крутое помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969.

В меньшей степени исследованы консервативные течения общественной мысли.

Воздействие реакционных идей на практическую деятельность правительства в начале 80-х годов, как и вообще персоналия реакционных деятелей не привлекали до сих пор внимания исследователей. Исключение составляет работа С. Л. Эвенчик, в которой рассматривается влияние государственного деятеля К. П. Победоносцева на политику самодержавия в 80—90-е годы⁹³. Исследование влияния реакционной идеологии, идеологических истоков реакции важно для понимания особенностей начального периода дворянской реакции.

Идеологи «старого порядка» различных оттенков отдавали себе отчет в трудности реставрации «николаевских времен» после отмены крепостного права. Отсюда их постоянная апелляция к «сильной власти». «Без насилия нельзя, — утверждал один из крупных дворянских идеологов К. Н. Леонтьев, — насилие не только побеждает, оно и убеждает многих, когда за ним, за этим насилием есть идея»⁹⁴. Реакционный лагерь от М. Н. Каткова до рядовых представителей, малозвестных корреспондентов К. П. Победоносцева, давно призывал правительство к установлению режима диктатуры. В обосновании необходимости твердого политического курса фигурировали доводы о незыблемости самодержавия, о защите национальных интересов России, прогресса и т. д. В реакционной публицистике национальные интересы трактовались как неотделимые атрибуты самодержавной власти. «Вся сила исторического прогресса, — писал в 1882 г. Катков, — как у нас, так и в других странах, состояла в том, чтобы собрать землю и сосредоточить власть»⁹⁵.

Эта идея, дополненная положением о всепоглощающем центральном управлении, не оставляла места какой-либо автономии, местной или академической. Даже ограниченная самостоятельность в рамках земских учреждений или университетских коллегий объявлялась угрозой самодержавному строю. Защиту прерогатив самодержавия идеологи реакции превратили в свою монополию, хотя в действительности реакционная партия всегда эксплуатировала верховную власть в свою пользу; ей всегда было нужно, чтобы она оставалась самодержавной и неограниченной, т. к. будь она ограничена хотя законом ее уже нельзя было бы ограничить этой партией»⁹⁶.

Объективные причины, а отчасти и личный престиж «царя-освободителя» объясняют резкие колебания в политике Алек-

сандра II от реакционных вспышек к буржуазному законодательству. В 70-е годы неоднократно возникали конституционные проекты. Вот почему в крайне правых кругах убийство царя было воспринято как «спасение России от страшных бедствий, угрожавших ей»⁹⁷. Более того, они использовали его для обоснования твердого политического курса. В шуме, поднятом реакционной прессой по поводу 1 марта 1881 г., заключался прямая политический расчет. Призывы искупить кровь «царя-мученика» террором против революционеров находили отклик в правительственных кругах: «Злое семя можно вырвать только борьбой с ним не на живот, а на смерть железом и кровью, хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить», — в таких выражениях обращался к Александру III Победоносцев⁹⁸.

Осуществление внутривластного курса Александра III стало возможным вследствие поражения революционного движения и сложившегося в начале 80-х годов соотношения классовых сил. Возникает вопрос — насколько осуществились те рекомендации справа, в которых не было недостатка у правительства и накануне и после 1 марта.

Соответствовал ли состав правительства в начале 80-х годов понятию Каткова о «твердой» и «независимой» власти?

30 мая 1882 г. министром внутренних дел был назначен граф Д. А. Толстой. Правительство чувствовало себя уже настолько сильным, чтобы не только пренебречь общественным мнением, но и бросить ему вызов, означавший поворот от «диктатуры улыбок» графа Игнатьева к открытой реакции. Несколько ранее, 16 марта 1882 г., министром народного просвещения стал Делянов. «Это почти то же, если бы назначен был Катков, — писал Милютин в дневнике 22 марта 1882 г., — это восстановление ненавистного для всей России министерства графа Толстого»⁹⁹. «Дон-Мерзавец и Донна-Ослабела, воскресшие из мертвых и ставшие во главе государства! — писал Чичерин по поводу назначения Толстого и Делянова. — Для руководства юншеством, где нужны ясная мысль и твердая воля, назначают тряпку, потому только, что тряпка для всех удобна; а там, где нужно возбудить доверие и в земстве, и в городах, назначают

⁹³ Е. М. Феоктистов. Указ. соч., стр. 196.

⁹⁴ «Письма Победоносцева Александру III», т. I, стр. 316.

⁹⁵ Д. А. Милютин. Дневник, т. 4 (1881—1882), стр. 130. О его назначении сохранились сведения в неопубликованной части дневника Е. М. Феоктистова: «Назначению его министром много помог Катков; я говорил тогда Мухомову Никифоровичу, неужели он ожидает от этого чего-нибудь путного. «За кого же вы меня принимаете, — отвечал он, — для меня вовсе не тайна, что Иван Давыдович беспримечательный человек, что всякое дело валится у него из рук, но мой глаз будет зорко следить за ним; пока я здесь, он не решится сделать ни одного шага, не посоветовавшись со мною». Катков не предвидел, что дни его сочтены и что, оставшись без руководителя, Иван Давыдович будет представлять собой крайне печальное зрелище» (16 марта 1890 г.) (ИРЛИ (Пушкинский дом), Дневник Е. М. Феоктистова, 9122/11614, 13).

⁹⁶ См.: С. Л. Эвенчик. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. — «Ученые записки Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 309, 1969, стр. 154—338.

⁹⁷ К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и славянство, т. 2. М., 1886, стр. 80.

⁹⁸ ОР ГБЛ, ф. 120 (М. Н. Каткова), п. 46, л. 38.

⁹⁹ [М. М. Стасюлович]. Черный передел реформ императора Александра II. Письма из Москвы за границу par bonté. Berlin, 1882, стр. 14—15.

человека, успевшего возбудить всеобщее недоверие, имеющего против себя всех — и консерваторов, и либералов»¹⁰⁰.

Однако деятельность правительства в начале 80-х годов не свидетельствовала о полном торжестве и силе реакции. Нерешительность первых шагов Толстого отмечена С. Н. Валком¹⁰¹.

Анализ правительственной политики этого периода свидетельствует о том, что больше всего господствующий класс пугала возможность широкого крестьянского движения. На предотвращение его дальнейшего развития были направлены такие меры, как уменьшение выкупных платежей, установление обязательного выкупа к 1 января 1883 г. и др.¹⁰²

«Действительно устрашающий» террор народовольцев в период революционного подъема, боязнь крестьянского движения требовали некоторой осторожности.

Способы предотвращения революционных выступлений, подавление «крамолы» занимали центральное место в реакционной публицистике начала 80-х годов. Речь идет, конечно, не о прямых призывах к расправе с участниками революционного движения. В таких призывах не было недостатка. Любопытны объяснения причины освободительного движения. Леонтьев следующим образом подвел итог пореформенного развития России. «Правительство русское, — писал он 12 января 1880 г., — в течение целой четверти века сделало все то добро, которое было в силах человеческими средствами сделать. Простой народ русский... показал себя достойным реформ, но интеллигентное русское общество, развращенное донельзя европейскими предрассудками, каким-то оппозиционным ухарством и либеральным фразерством, извлекло из всех даров правительства почти на всех поприщах больше вреда, чем блага... Довольно же народной колеснице уклоняться все влево и влево»¹⁰³.

Отсутствие в России того времени организованного массового движения послужило отправным пунктом и для публицистики М. П. Каткова, в котором современники недаром видели глашатая реакции 80-х годов. Союз с реакционными государственными деятелями, возможность обращаться непосредственно к царю, сочетание открытой и придворной публицистики обусловили своеобразную роль Каткова¹⁰⁴.

Отрицая связь народнического движения с чаяниями крестьянства земли и воли, Катков все освободительное движение выволил из настроений интеллигенции. Он запутал самое понятие интеллигенции, забывая свою собственную принадлежность к ней. В его устах слово интеллигент обратилось в брань, и публицисты катковского лагеря прибегали к кавычкам, упоминая о «так называемой интеллигенции». Катков воспевал разрушающуюся патриархальную «народную историческую Россию, столь мало похожую на то, чем представлялась она чрез свою же интеллигенцию»¹⁰⁵.

В посланиях многочисленных корреспондентов К. П. Победоносцева, отразивших взгляды и настроения реакционной дворянской среды, также последовательно проводился тезис о «верном» народе и «крамольной» интеллигенции: «60-миллионный православный народ верен, предан, безусловно покорен власти и даже бунтует не иначе, как во имя царя». Против существующего строя выступает лишь «кучка погибших негодяев»¹⁰⁶. Это мнение не было достоянием только реакционных кругов. В записке умеренного либерала Чичерина 10 марта 1881 г. «Задачи нового царствования» указывалось: «Социализм не распространен в массах, которые остались чуждыми этой заразе. Русское правительство имеет дело с сравнительно небольшой шайкой, которая набирается из разных слоев общества, но главным образом из умственного пролетариата, размножаемого нашими учебными заведениями и поджигаемого радикальной печатью»¹⁰⁷.

Правительство Александра III, учитывая затишье в борьбе народных масс, используя силу царистских иллюзий, не осталось безразличным к советам дворянских идеологов. Так называемая народная политика Александра III строилась на внешнем противопоставлении народа и интеллигенции. «Основания системы, на которой целый год балансировал граф Игнатьев, — указывалось в «Вестнике „Народной воли“», — собственно очень просты. Требовалось охранить самодержавие, одурочив всю Россию, задавить требования интеллигенции посредством якобы требований народа и в то же время ничего не дать народу»¹⁰⁸. Коронация, на которую, наконец, решился «гатчинский пленник», способна была лишь подорвать престиж «народного царя». Она была, по-видимому, единственным из всех подобных празднеств в истории династии. Вот как описал это торжество П. А. Валув: «Печальное впечатление производят расставленные вдоль всей дороги часовые. Слияние царя и народа! Обожаемый самодержец! А между тем он едет короноваться, тщательно скрывая

торую они должны были платить университету» («Черный передел реформ императора Александра II», 1882, стр. 53).

¹⁰⁵ «Московские ведомости», 1 января 1884 г.

¹⁰⁶ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, стр. 196.

¹⁰⁷ Там же, стр. 113.

¹⁰⁸ «Вестник „Народной воли“», 1883, № 1, стр. 51.

¹⁰⁰ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I. М.—Пг., 1923, стр. 280—281.

¹⁰¹ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. V. М., 1968, стр. 364.

¹⁰² Мы не ставим своей целью всесторонний анализ правительственной политики, особенно в области экономики. Предметом нашего исследования является в первую очередь политика в сфере идеологии и просвещения.

¹⁰³ К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и славянство, т. 2, стр. 51.

¹⁰⁴ Подкуп редактора официальной газеты происходил в следующей форме: «Министерство народного просвещения не взыскивало с них аренды, ко-

день и час своего выезда, и едет не иначе, как ошестив свой путь часовыми»¹⁰⁹. В речах Александра III во время коронации прозвучал отказ от игры в народного царя. Однако реакция возрождалась под старой маской народности и православия.

Активная роль революционной интеллигенции в 70-х годах и особенно во время второй революционной ситуации объясняет первоочередность мер против печати и просвещения. Представители реакционных кругов обвиняли интеллигенцию. «Злодеяние 1 марта, как и все предшествовавшие ему,— писал 14 марта 1881 г. провинциальный чиновник Н. П. Петерсон,— есть дело нашей интеллигенции вообще и нашей учащейся молодежи в особенности»¹¹⁰. Автор считал, что высшая школа «после события 1 марта не может быть оставлена, было бы преступно оставлять ее в прежнем виде»¹¹¹.

Среди даже крайне реакционных деятелей существовали неодинаковые взгляды на этот счет. К. П. Леонтьев вообще считал, что основание одного монастыря полезнее для России, чем существование нескольких университетов. Идеалы одного из корреспондентов Победоносцева уходили в дореформенное прошлое, когда университеты были средоточием «избранных жрецов». «Университеты должны быть подняты на такую высоту,— писал Юзефович,— куда взбираться могли бы одни дарования, и таких академических университетов было бы достаточно одного или двух на государство»¹¹².

«Реформа университетов,— писал 27 ноября 1883 г. Катков Победоносцеву,— была бы первой органической мерой нынешнего царствования, за которой должны были бы неукоснительно последовать другие по судебному ведомству, по местному управлению и пр.»¹¹³ Если идеи Победоносцева и других были достоинством монархических и церковных кругов, то Катков выступал в прессе, пытаясь активно воздействовать на общественное мнение.

Агитация Каткова в печати сочеталась с его «придворной» публицистикой в письмах и записках царю. Катков имел все основания говорить о газете: «В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались»¹¹⁴. При анализе проекта устава 1884 г. мы будем иметь возможность убедиться, в какой мере отразились в нем идеи Каткова. Катков на страницах «Московских ведомостей» и «Русского вестника» осуждал реформы 60-х годов, «изгнавшие правительство» из области суда, земства и образования. Все это может объяснить, почему Катков, по его собственному выражению, «обрек себя почти исключительно на это

дело»¹¹⁵ (т. е. народное просвещение.— Г. Щ.). Устав 1863 г. он характеризовал как «аномалию», препятствие развитию науки. Студенческие «беспорядки», «потворства» либеральной профессуры, «дух интриги» в профессорских коллегиях, бессилие университетского суда¹¹⁶ — эти штампы не сходили со страниц «Московских ведомостей». «Беспорядки эти,— писал Катков о выступлениях демократического студенчества осенью 1882 г.,— являются естественным последствием порядка, установившегося в наших университетах, а также тех мер оригинальной борьбы с так называемой крамолой, которые более походили на содействие, чем на противодействие»¹¹⁷. В передовых статьях «Московских ведомостей» университетские советы противопоставлялись центральной правительственной власти. Антагонизм ученых советов и администрации признавался неизбежным и непримиримым. «Борьба между советами и министром,— писал Катков,— шла бы все только усиливаясь, обостряясь и по необходимости кончилась бы или предоставлением университетского образования в полное бесконтрольное заведование интриганов, или же отменой самоуправления университетов»¹¹⁸. Катков, нужно отдать ему должное, трезво оценивал конфликты между бюрократией и университетскими советами, которые либеральные публицисты стремились затушевать.

«Какая функция должна, по смыслу нового закона, принадлежать правительству,— указывалось в передовой статье 21 октября 1883 г.—Прежде всего надлежит ему собрать и взять в свои руки все, что имеет значение власти, и тем водворить в университетах мир и свободу академической жизни»¹¹⁹. Катков выступал против влияния университетских советов в замещении кафедр¹²⁰. Система прямого назначения профессоров министром «единственно разумная и практическая» при новой экзаменационной системе, по мнению Каткова, «тотчас придаст университетскому преподаванию иной характер»¹²¹, т. е. будет служить изгнанию передового мировоззрения из университетов.

Катков в отличие от других признавал невозможность возврата к прежнему патриархальному быту и школьному порядку, когда «университетские аудитории были как бы высшими классами гимназии»¹²², т. е. были по составу сплошь дворянскими. Он считал «безотлагательно необходимой» реформу университетов на основе подчинения их бюрократии, так как положение в университетах становится «все хуже и опаснее».

¹¹⁵ Там же, стр. 22—23.

¹¹⁶ «Московские ведомости», 13 ноября 1882 г.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, 28 сентября 1883 г.

¹¹⁹ Там же, 21 октября 1883 г.

¹²⁰ Там же, 14 ноября 1882 г.

¹²¹ Там же, 28 сентября 1883 г.

¹²² ОР ГБЛ, ф. 120, к. 46, л. 26.

¹⁰⁹ П. А. Валцев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 226.

¹¹⁰ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, стр. 282.

¹¹¹ Там же, стр. 285.

¹¹² Там же, стр. 198.

¹¹³ Там же, стр. 350.

¹¹⁴ «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 21.

«Напрасно захватывать заговорщиков,— патетически восклицал Катков,— на место одного Рысакова или Желябова будут появляться сотни новых, которых фанатизм будет расти в меру их презрения к правительству»¹²³. Катков призывал правительство к расправе не только с революционной партией, но и с любой умеренно-либеральной оппозицией, ссылаясь при этом даже на авторитет Бисмарка. В любопытной статье, внешне как будто не касавшейся интересующей нас темы, Катков привел выдержки из речей Бисмарка на заседании рейхстага 27 апреля (9 мая) 1884 г. Для борьбы с «язвой анархической революции» Бисмарк предлагал закрывать оппозиционные газеты, провести рабочее законодательство и т. д., что, по мнению Каткова, «во многих отношениях поучительно и для нас». Революционное движение в России, по заявлению имперского канцлера, заимствованному в свою очередь из русской реакционной прессы, держится только поддержкой «учащегося пролетариата». Катков подхватил и высказывание Бисмарка о том, что прогрессисты «хуже» социал-демократов: «Опасны те легальные агитаторы, которые путем печати и школы под видом «либерализма» пытаются овладеть народом. Еще хуже оппозиция, встречаемая правительством в своих органах. Еще хуже полиция, которая сочувствовала Блиндю, и сановники, которые рукоплескали Вере Засулич»¹²⁴.

Итак, типичным для взглядов идеологов реакции была резкая враждебность к интеллигенции как революционно-демократической, так и либерально-буржуазной.

Кроме противопоставления «интеллигенции» и «народа», характерным в обосновании необходимости преобразования университетов было преувеличенное понятие о возможностях «просвещения» как опорного рычага для движения вспять во всех других областях. Безграмотность, темнота народных масс К. Н. Леонтьев считал залогом сохранения «национального своеобразия», самобытной культуры. В искусственной преграде для распространения грамотности он видел способ «подморозить Россию».

Невежество и предрассудки составляли, по мнению Победоносцева, ту «натуральную земляную силу инерции», которая необходима для благосостояния общества. «Разрушить ее — значило бы лишнить общество той *устойчивости*, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы — вот в чем главный порок новейшего прогресса»¹²⁵.

В правительственных кругах находила понимание и отклик идея о возможности «подморозить Россию» с помощью политики в области народного просвещения. В начальном образовании

все большая роль отводилась церкви, права земства ограничивались. В основу воспитания был положен принцип, сформулированный К. П. Победоносцевым: «Мудрость приказания, мудрость послушания»¹²⁶.

Сеть начальных церковно-приходских школ была увеличена. В системе среднего образования насаждался «классицизм».

Неотложность разрешения университетского вопроса для правительства диктовалась задачей идеологического воздействия на общество. После недавнего «кризиса верхов» задача воздействия на сознание молодого поколения отжившими идеями самодержавия, православия и народности приобрела важное значение. По замечанию «Вестника «Народной воли»», для реакции в этом заключается «вопрос жизни и смерти. Выбора нет, либо самим рухнуть в ничтожество, либо исковеркать Россию и русского человека до полной неспособности к критике и протесту»¹²⁷. Ссылаясь на участие студентов в акте царубийства 1 марта 1881 г. и мартовские волнения в Московском университете, государственный контролер Т. Филиппов заявил в августе 1881 г., что Министерство народного образования обязано «вопрос о пересмотре университетского устава поставить на первую очередь, ибо продолжение того хаотического состояния, в которое ввергнуты университеты, представляет грозную для государства опасность»¹²⁸.

Отсутствие творческого начала в программе реакции отмечалось в демократической прессе того времени. «Очутившись в положении победительницы,— писали «Отечественные записки» о реакционной печати,— и продолжая преследовать либеральную печать шаг за шагом, победительница оказывается больше разрушительницей, чем созидательницей чего бы то ни было, не говорим уже нового, но просто осмысленного и прочного, за исключением старых, давно уже истрепанных временем и упреждаемых историей форм жизни и идеалов, к которым она чувствует склонность и реставрировать которые ей, конечно, никогда не удастся, она оказывается бессильною создать что-нибудь живое, отвечающее потребностям страны и могущее иметь будущее»¹²⁹. «То, что у нас теперь называют национальной политикой,— писал в 1886 г. В. С. Соловьев,— держится только зловредным триумvirатом из лжецарковника Победоносцева, лжегосударственного человека Толстого и лжепророка Каткова»¹³⁰.

Ничем правительство Александра III так не выдавало своего бессилия в политическом творчестве, как особой ролью Кат-

¹²³ Там же, стр. 324.

¹²⁷ «Вестник „Народной воли“», 1884, № 3, стр. 165.

¹²⁸ «Журнал высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений о преимуществах по гражданской службе воспитанников учебных заведений» (ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 1, 1887 г., т. 10, л. 50, л. 309).

¹²⁹ «Отечественные записки», 1883, № 2, стр. 227.

¹³⁰ «Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 5. СПб., 1913, стр. 336.

¹²² ОР ГБЛ, ф. 120, к. 46, лл. 25, 26.

¹²⁴ «Московские ведомости», 4 мая 1884 г.

¹²⁵ К. П. Победоносцев. «Московский сборник», изд. 5. М., 1901, стр. 85.

кова, выдвигенном такой случайной фигурой, как Пазухин, сошедший со сцены сразу же после смерти Д. Толстого. Николай I не нуждался в катковых, самое появление которых можно рассматривать как следствие определенных общественных сдвигов.

Итак, уже в начале 80-х годов реакционная партия, не создав ничего принципиально нового, аргументировала основные линии предстоящего пересмотра буржуазных реформ, отводя значительную роль преобразованию университетов.

Подавление «кромолы» было основным лейтмотивом реакционной публицистики 80-х годов, указывавшей на университеты как на гнезда «царубийц». Дворянские идеологи считали решение университетского вопроса средством «спасения» от революции. Идея о необходимости «подморозить» Россию, опираясь на патриархальность общественных отношений, на невежество масс, мысль о противопоставлении «кромольной» интеллигенции «верному» народу были использованы правительством Александра III. Идея самодержавия, православия и народности превратились в его руках в орудие национализма, разжигания шовинизма, травли интеллигенции и подавления народных масс.

*Проект университетского устава
Д. А. Толстого—И. Д. Делянова*

Проект устава 1884 г. был разработан во время второй революционной ситуации, как и большинство проектов, осуществленных впоследствии в качестве контрреформ. Для реализации проекта не сложилось в то время благоприятной обстановки, и он был возвращен в министерство. Однако проект оказался созвучным планам дворянской реакции.

30 ноября 1882 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов внес его с некоторыми дополнениями в Государственный совет¹³¹, подчеркнув «целесообразность и неотложную необходимость преобразования университетов по проекту гр. Толстого»¹³². Новые статьи¹³³ не изменяли принципиальных основ проекта. Это позволяет рассматривать проект вместе с представлением гр. Толстого, в котором были сформулированы задачи пересмотра реформы 1863 г.

Толстой рассматривал реорганизацию экзаменационной системы как главную задачу проекта. Его сторонники в Государственном совете считали положение об экзаменах «краеугольным камнем». Проект предполагал ввести в русских университетах подобие немецких государственных экзаменов. В отличие от Германии, где Staatsexamen существовали лишь для желающих поступить на государственную службу, авторы проекта предла-

гали установить их в России в качестве средства проверки знаний. Вопрос о перестройке экзаменационной системы на тех же началах рассматривался при разработке законов о служебных преимуществах воспитанников высших учебных заведений¹³⁴. Обращает на себя внимание мотивировка в пользу введения государственных экзаменов в университетах. Законы, предоставлявшие выпускникам университетов чин X и XII классов, «направлены к тому, чтобы наиболее поощрять к учению и приобретению высшего научного образования людей из низших податных сословий, не имеющих по происхождению права на вступление в государственную гражданскую службу, и не заключают в себе почти никакого поощрения к учению и к высшему образованию для лиц из высших классов, из потомственных дворян»¹³⁵. Стремления на «оскудение» образованием «высшего дворянского сословия», которое при существующем порядке должно «оттесниться» низшими сословиями¹³⁶, проникнуты опасением демократизации высшего образования и нежелательного влияния на состав государственного аппарата.

В этом отношении проект ориентировался на сословные интересы дворянства. Однако, на наш взгляд, основная задача перестройки экзаменационной системы заключалась не в этом. В проекте предполагалось испытания выпускников в университетах передать в особые комиссии при управлении учебного округа под наблюдение попечителя с назначением членом комиссий министром народного просвещения (§ 72, 73 проекта). Университеты лишались тем самым права на выпускные экзамены, которое принадлежало всем учебным заведениям, включая печальные сельские школы. Даже читавший курс лекций профессор не мог присутствовать на экзамене в особой комиссии. Высшим судьей в оценке знаний, приобретенных студентами в университете, становился чиновник министерства. Интересны рассуждения на этот счет Каткова. «Самая важная часть предполагаемой реформы,— писал он Александру II в начале 1880 г.,— заключается в положении об экзаменах, которые по проекту должны производиться не преподавателями из лекций, ими читанных, а особыми комиссиями по установленным общим программам, так что экзамены будут служить не только проверкой познаний студентов, но и регулятором лекций их профессоров. Программы государственных экзаменов определяют и содержание, и размеры университетских курсов»¹³⁷ (подчеркнуто нами.— Г. Щ.).

Экзамены через комиссии действительно дали бы правительству возможность влиять на характер университетского преподавания. Дисциплинарные и хозяйственные дела предлагалось

¹³⁴ См. материалы комиссии 1877—1880 гг. (ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1887 г., л. 50. Приложение).

¹³⁵ Там же. Приложение, л. 9.

¹³⁶ Там же, л. 10.

¹³⁷ «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 10.

¹³¹ Этот второй вариант проекта мы называем проектом Толстого—Делянова.

¹³² ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., л. 53, л. 209.

¹³³ Они будут рассмотрены нами отдельно.

поручить не профессорской коллегии, а правлению. Упразднение университетского суда сокращало круг деятельности университетских коллегий и отдавало студентов на произвол администрации. Толстой «ссылался на «несостоятельность» управления через университетские советы, «трудно поддающиеся какой-либо ответственности»¹³⁸, а также на оппозиционность советов, воспринимавших при уставе 1863 г. «всякое действие власти» как «ненормальное вмешательство»¹³⁹.

В проекте резко противопоставлялись выборная власть и администрация. «Советник и инспектор,— подчеркивалось в соображениях Толстого,— как невыборные представляют собой в правлении правительственный элемент, усиление коего вообще имеется в виду»¹⁴⁰. Однако на полное лишение самостоятельности профессорских коллегий Толстой не решился. Видимость самоуправления проект сохранял как в процедуре предварительных выборов кандидатов на профессорскую должность, так и в выборности ректоров. Характерна постановка вопроса о ректорской власти. Ректор при уставе 1863 г. был, по определению Толстого, «не органом правительственной власти в университете, а лицом, заслоняющим университет от попечителя»¹⁴¹. Логичным следствием подобных обобщений было бы уничтожение выборности ректора. Во избежание оппозиционности выбора ректоров Толстой допускал два выхода — назначение ректоров правительством или сохранение выборного характера ректорской власти «с устранением вредных условий»¹⁴². Последнее, по мнению Толстого, более соответствовало университетскому строю. Не лишен интереса и другой аргумент. «Обращение ректора в коронного начальника университета,— указывал Толстой,— когда уже есть таковой в лице попечителя, могло породить двоевластие»¹⁴³. Вот что заставляло Толстого считаться с особенностями университетского строя. Тем не менее, не рассчитывая на поддержку нового устава со стороны университетов, Толстой ради успеха преобразования вообще просил «высочайшей» санкции на назначение ректоров и деканов по усмотрению министра в виде временной меры¹⁴⁴. «Если б в это переходное время,— указывалось в «соображениях»,— ректор и деканы были представителями не правительственной власти, а самих профессорских коллегий, осуществление новых порядков было бы невозможно»¹⁴⁵.

Постановка вопроса о ректоре, заинтересованность в «однородном, чисто правительственном» составе исполнительной влас-

¹³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., л. 53, л. 39.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, л. 41.

¹⁴¹ Там же, л. 36.

¹⁴² Там же, л. 37.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

ти в университетах, стремление усилить влияние бюрократизма за счет выборности — все это указывает на задачу бюрократизации университетов как на одну из основных при пересмотре реформы 1863 г.

Положение проекта, целиком повторявшее ст. 52 устава 1835 г.¹⁴⁶ об усилении власти попечителя, совершенно сводило на нет провозглашенную в проекте «свободу преподавания». Если устав 1863 г. предоставлял значительные возможности попечителю учебного округа для вмешательства в университетскую жизнь, то проект обязывал его к такому вмешательству. Влияние министра народного просвещения в университетах проект делал весьма ощутимым. Программа экзаменационных требований и правила утверждались министром народного просвещения (§ 81) и от него, в отличие от практики в Германии, зависело дать университетским выпускникам право на государственную службу во всех ведомствах. Роль министра чрезвычайно расширялась.

В организацию преподавания проект внес существенные изменения. По уставу 1863 г. порядок преподавания устанавливал факультетское собрание с утверждения совета (§ 23-а, 42-а устава 1863 г.)¹⁴⁷. В проекте каждый факультет должен составлять подробный учебный план (§ 65 проекта)¹⁴⁸. 23 учебных плана должны были утверждаться министром. Огромный бесполезный труд, выпадавший на долю факультетов, превратил бы университеты, по выражению А. П. Николая, «из храмов науки в храмы письмоводства». В представлении гр. Толстого подчеркивалось значение совета как «высшей университетской инстанции по учебным делам»¹⁴⁹. Однако в действительности совету отводилась роль промежуточного звена в отношениях факультетов с попечителем учебного округа. Значительный объем учебных вопросов, рассматриваемых в факультетских собраниях и в ученых советах, решался попечителем и министром (§ 24 проекта). Даже составление правил заведования библиотеками, клиниками и другими учебно-вспомогательными учреждениями, выходящимися по уставу 1863 г. в ведении преподавателей, проект предоставлял министру (§ 97).

От личного состава профессуры зависел в конечном счете уровень университетского преподавания. Замещение вакантных кафедр являлось одним из центральных актов университетского управления¹⁵⁰.

¹⁴⁶ ПСЗ-II, т. 10, отд. 1, № 8337.

¹⁴⁷ ПСЗ-II, т. 38, отд. 1, № 39752.

¹⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., л. 53, л. 88.

¹⁴⁹ Там же, л. 39.

¹⁵⁰ По уставу 1863 г. от министра народного просвещения зависело утверждение в должности профессора, избранного в факультете и совете, назначение профессора в случае, если кафедра оставалась незаполненной в течение года (§ 70, 72 устава 1863 г.).

Проект еще более урезывал самостоятельность совета при замещении вакантных кафедр. «Представление университета, — указывалось в § 108 проекта, — имеет значение рекомендации. От усмотрения министра зависит утвердить лицо, избранное советом, назначить профессора из числа лиц, предложенных в университете, или определить такового из посторонних лиц»¹⁵¹. Отстранение коллеги при пополнении своего состава противоречило аттестации совета как «высшей университетской инстанции по учебным делам». Зависимость университетского совета от администрации распространялась и на сферу научной деятельности. Все это Толстой мотивировал «неудовлетворительным» составом профессуры в университетах. «Вступавшие, — указывалось в «соображениях», — не всегда приносили с собой в дело управления достаточную жизненную и служебную опытность, а в дело преподавания — достаточную свободу от увлечений повизной учений»¹⁵². Приват-доценты были поставлены в условия более жесткого контроля (хотя расширение приват-доцентуры было единственным достоинством проекта): «В случае преподавание нарушает требования научной серьезности оного, а также в случае направления чтений, признанного вредным, при неуспешности сделанных указаний попечитель может при конце семестра и даже во время его лишить приват-доцента права преподавания»¹⁵³ (подчеркнуто нами. — Г. Щ.).

Возможность преподавательской деятельности ставилась в зависимость от мировоззрения ученого. Ограничение прав университетских советов не было самоцелью, а призвано было служить укреплению влияния правительства на университетское преподавание и вообще реакционной идеологии господствующего класса в университетах. Политические мотивы обусловили задачу изменения состава профессуры. «Студенты, — писал Толстой, — бывают тем, чем их делают профессора. От личного состава профессорских корпораций и от поставления их в условия благоприятные для полезной деятельности зависит все научное и нравственное благосостояние университетов»¹⁵⁴. С тех же позиций подавления «крамолы» подошли авторы проекта к решению студенческого вопроса. Влияние профессоров заменялось системой полицейского надзора, карцера, преследований студентов в соответствии с традиционной политикой самодержавия. Узкоклассовый подход к университетскому образованию диктовался стремлением укрепить привилегии господствующего класса. Предлагалось ограничить количество стипендиатов. Методы контроля живо напоминали дореформенное время. Например, от «своекоштных» студентов, не пользовавшихся стипендией и

¹⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 92.

¹⁵² Там же, л. 54.

¹⁵³ Там же, л. 92.

¹⁵⁴ Там же, л. 54.

пособиями, по § 132 проекта требовалось поручительство или денежный залог как гарантия платы за учение.

Запрет студенческих организаций и некоторые другие положения проекта сливались с общими мерами против революционного движения. Правила 1879 г., составная часть проекта, уже рассмотренные нами, были повторены в проекте без изменений.

Все основные положения проекта гр. Толстого 1880 г. были сохранены Деляновым. В новых статьях проявилось еще в большей степени стремление регламентировать отношения в университетах, придать им патриархальный характер. Так, профессора, «кроме чтения лекций и обучения студентов, обязаны были вообще быть их наставниками и руководителями как в научных их занятиях, так и в нравственном отношении»¹⁵⁵. По существу и по форме это повторяло положение устава 1835 г.¹⁵⁶

Характерным было дополнение о возможности преподавать в университетах в качестве приват-доцентов директорам, инспекторам и преподавателям гимназий с университетским образованием (§ 114 проекта). Причем через 3 года они могли получить с утверждения министра звание профессора¹⁵⁷. «Никто до сих пор, — писал по этому поводу А. П. Николаи, — не выдумал такой нелепости»¹⁵⁸. Без соединения профессорского звания с кафедрой это имело бы вид раздачи министром профессорских «титолов».

* * *

В проекте научные интересы университетов были принесены в жертву политическим целям. Скрытая цель проекта предотвратить в университетах выступления и ввести научные центры и общий строй самодержавно-полицейского государства — выдвинули его в начале 80-х годов в качестве программного документа реакционной партии.

В проекте можно проследить влияние идей Каткова, Любимова. Но все, что они сулили: расцвет науки в университетах, свобода преподавания и т. д., — в проекте было парализовано. Академическую свободу затмил вездесущий бюрократический контроль. В чистом виде предстало лишь положение об университетах как «государственных учреждениях». В управлении, в методах надзора за студентами образцом послужили положения дореформенного устава 1835 г.¹⁵⁹ Однако, решившись на

¹⁵⁵ Там же, л. 233.

¹⁵⁶ ПСЗ-II, т. 10, отд. 1, № 8337.

¹⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 234.

¹⁵⁸ ОР ГПБ, ф. 208 (А. В. Головинина), д. 166, л. 8.

¹⁵⁹ Подражание эпохе Николая I в отношении университетов не ограничивалось проектом; в представлении Делянова 15 декабря 1882 г. о введении студенческой формы подчеркивалось, что подобная мера в декабре 1825 г. была «первым актом дарствования» по учебному ведомству (ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 61, л. 3).

«коренную» ломку университетского строя, не укладывавшегося в прокрустово ложе полицейского государства, самодержавие не до конца последовало советам Леонтьева, Любимова и др. Университеты России предполагалось оставить в прежнем количестве. Штаты также не были уменьшены. Несмотря на утверждения Толстого и Делянова об «антиправительственном духе» университетских коллегий, видимость самоуправления их в проекте была сохранена.

3

Передовая русская общественность начала 80-х годов об университетах

Университетский вопрос всегда привлекал внимание общества. Проблема университетского образования, многократно связанного с общественным строем, занимала особое место в идейно-политической борьбе в пореформенное время. Нельзя признать справедливым в какой-то мере замечания либерального публициста К. Д. Кавелина о том, что «история разных мнений об университетах и их организации едва ли не всего лучше, всего отчетливее передает сознание современников о ходе и результатах общественного развития»¹⁶⁰.

Подпольная революционно-демократическая народническая печать разрешение университетского вопроса ставила в прямую связь с преобразованием всего государственного строя. «Общественная реформа в России — это революция, — заявлялось в газете «Народная воля», — при наших государственных порядках — абсолютном деспотизме, абсолютном отрицании прав и воли народа — реформа может иметь характер только революции»¹⁶¹.

Естественно, в тех конкретных исторических условиях будущее преобразование не получило формы программы. Тем больший интерес представляют отдельные высказывания ряда важных документов «Народной воли». Как указывалось в «Программе Исполнительного комитета»¹⁶², учредительное собрание после победы революционной партии «должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей»¹⁶³. В прокламации «К русскому обществу»¹⁶⁴ в пунктах, представляющих «меньшую меру того, что должно быть сделано для умиротворения России и как точка отправления для ее дальнейшего развития», содержались и рекомендации в области народно-

го просвещения, свидетельствовавшие о стремлении революционеров привлечь на свою сторону различные общественные группировки: «Организация народного просвещения на началах самоуправления и свободы науки; поднятие значения советов профессоров, преподавателей, учительских съездов как главных органов этого самоуправления»¹⁶⁵.

Народовольческая пресса откликалась на все события университетской жизни, разоблачая политику самодержавия в области науки и просвещения.

Видный писатель-народник Степняк-Кравчинский в статье «Жизнь студентов в русских университетах», опубликованной в газете «Times», обратил внимание европейского общественного мнения на «чудовищный план» самодержавия в отношении университетов.

По поводу статьи русского революционера редакция в передовой статье указала, что «имя автора этого в высшей степени интересного сообщения служит гарантией если не для строгого его беспристрастия, то во всяком случае для общей точности и достоверности сообщаемых фактов»¹⁶⁶. «Самая радикальная мера, когда-либо употребленная правительством против мышления и образования, — писал Степняк-Кравчинский, — есть новый университетский устав, выдуманный нынешним министерством народного просвещения»¹⁶⁷. Автор отмечал, что государственная экзаменационная комиссия предназначена подвергать проверке «личные убеждения и политические принципы кандидатов». Анализируя высказывания реакционной прессы, Степняк-Кравчинский разоблачал в статье намерение правительства назначать на кафедры людей без научных степеней и сократить число студентов в столичных университетах до 500, а в остальных до 200 человек: «Правительство смотрит на знания, как на зло, считает образование врагом, которого оно обязано сокрушить»¹⁶⁸.

Свою лепту в общественно-политическую борьбу по университетскому вопросу революционная подпольная пресса вносила, помещая секретные официальные документы: циркуляр министра народного просвещения 29 августа 1879 г. попечителю С.-Петербургского учебного округа¹⁶⁹ и донесение декана юридического факультета ректору Новороссийского университета о неутверждении диссертации Герценштейна как «тенденциозно-коммунистического памфлета»¹⁷⁰ и другие. Документы, статьи, отдельные высказывания служили противовесом официаль-

¹⁶⁰ К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. 3. СПб., 1899, стр. 6.

¹⁶¹ «Народная воля», 1 января 1880 г.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Издана 7 (19) марта 1881 г. от «группы русских эмигрантов, живущих в Швейцарии».

¹⁶⁵ «1 марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после царевбийства». С предисловием Н. С. Тютчева. Пг., 1920, стр. 23.

¹⁶⁶ «Times», 6 (18) апреля 1884 г.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ «Народная воля», 1 октября 1879 г.

¹⁷⁰ «Народная воля», 5 февраля 1882 г.

ным версиям о положении дел в университетах и студенческом движении.

Подпольная печать действительно боролась против потока клеветы на демократическое студенчество со стороны реакционной прессы. Ту же роль выполняли отчасти и студенческие прокламации. Например, в листовке 17 ноября 1882 года «Русскому обществу» от имени студентов Петербургского университета разоблачалась лживость правительственного сообщения от 13 ноября 1882 г. о волнениях в университете¹⁷¹. В прокламации отмечалось, что «освещение и некотор(ые) лживые подробности придают делу совершенно фальшивую окраску»¹⁷².

Революционно-демократическая печать не ограничивалась критикой внешних проявлений правительственной политики в области науки. Огромной ее заслугой было раскрытие объективных причин политики самодержавия по отношению к передовой науке и университетам. «Правительство усердно, но бесцельно бьется все время над неразрешимой задачей: создать себе неинтеллигентную интеллигенцию,— указывал Г. Лопатин.— Напрасные усилия! Просвещение и наука имеют свою обязательную логику, которая неотразимо приводит их адептов к известным неизбывным выводам, не имеющим ничего общего с поддержкой самодержавия, и порождают прямо враждебную ему интеллигенцию... Отношение правительства к университетам, как рассадникам будущей интеллигенции, тоже слишком хорошо известно хотя бы из истории нескончаемых переделок университетского устава»¹⁷³. Обобщая опыт студенческих выступлений, «Народная воля» несколько переоценивала их значение и размах, хотя в начале 80-х годов студенческие волнения действительно вспыхивали при пассивности общества. В революционной печати подвергались беспощадной критике склонность либералов к компромиссам, их нерешительность и политическая дряблость¹⁷⁴. Эта критика либеральной профессуры перекликается с известной ленинской оценкой. «По-прежнему скорбит и ноет либеральная печать,— писал В. И. Ленин, сравнивая положение в 80-х годах и в 1908 г.,— скорбят и хныкают гг. профессора, умоляя правительство не вступать на путь реакции, использовать прекрасный случай „обеспечить реформами мир и порядок“ в „измученной потрясениями стране“,— умоляя студенчество не прибегать к незаконным способам действия, способным только сыграть на руку реакции и т. д.,

и т. д., и т. д.»¹⁷⁵. Революционная печать разоблачала позицию либеральной профессуры в университетском вопросе наряду с общей тактикой либерализма¹⁷⁶.

В начале 80-х годов «Отечественные записки» под редакцией М. Е. Салтыкова-Щедрина продолжали быть центром демократической подцензурной печати. Журнал сохранял значение трибуны передовых революционно-демократических идей. «Это был почти единственный орган русской печати,— указывалось позднее в газете «Народная воля» по поводу закрытия в апреле 1884 г. «Отечественных записок»,— в котором сквозь дым и коготь цензуры светила искра понимания задач русской жизни во всем их объеме»¹⁷⁷.

В предпоследнем номере «Отечественных записок» содержалась оценка в народническом духе результатов пореформенного развития. «Все прошлое снова стало вопросом. Сельская община разрушается. Городское самоуправление слагается в крайне некрасивые формы, земство обнаруживает упадок инициативы и гражданского самосознания. Народная школа, по-видимому, плодит только кулачество. Крушение общественного дела, соданного недавним прошлым, не дожидается даже юридического упразднения или переделки институтов, на почве которых оно должно развиваться»¹⁷⁸. Восприятие капитализма как регресса, мотивы «крушения общественного дела», навеянные спадом революционного движения, не были случайны¹⁷⁹. Наряду с этим признание пользы общественного самоуправления прежде всего для «торжествующего хищничества» не означало пассивного отношения «Отечественных записок» к реакционному пересмотру реформ. На страницах журнала острой критике подвергалась и правительственная политика и ее рупор, реакционная публицистика.

В полемике, разгоревшейся по поводу предложения восстановить наказание розгами в средних учебных заведениях, «Отечественные записки» водметили особенность реакционной публицистики начала 80-х годов, когда под маской нового пытались возродить давно отжившее. В ответ на реплику «Нового времени» — «любопытно бы знать, когда это в России были отменены телесные наказания»¹⁸⁰ — «Отечественные записки» писали следующее: «Кто мог бы лет 5—10 тому назад подумать, что мы будем в 1883 г. вести опять разговор о телесных наказаниях и будем вести его, как о чем-то новом, как о каком-то вновь открытом и самом удивительном секрете воздействия на нравст-

¹⁷¹ Протест против насаждения студенческих учреждений под жестким административным контролем возник в ответ на адрес, направленный группой студентов учредителю студенческого общежития (коллегии имени Александра II) миллионеру Полякову (см. ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамента полиции), оп. 168, 1882 г., л. 3, л. 157—158).

¹⁷² ЦГАОР СССР, ф. 1741 (Коллекция нелегальных изданий), № 12762.

¹⁷³ «Народная воля», сентябрь 1884 г.

¹⁷⁴ Там же, октябрь 1885 г.

¹⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 214—215.

¹⁷⁶ «Вестник «Народной воли», 1883, № 1.

¹⁷⁷ «Народная воля», сентябрь 1884 г.

¹⁷⁸ «Записки публициста» — «Отечественные записки», 1884, № 3, стр. 63.

¹⁷⁹ См. также «Записки публициста» — Там же, 1884, № 2, стр. 253.

¹⁸⁰ «Новое время», № 2662, 1883.

венную природу человека»¹⁸¹. В заметке был верно схвачен характер реакции 80-х годов.

«Отечественные записки» разделяли общую несведомленность о разработке мер внутренней политики. Основываясь на слухах, «Отечественные записки» писали: «Проект преобразования университетского самоуправления находится даже на рассмотрении Государственного совета»¹⁸².

Редакция журнала придавала немаловажное значение полемике по вопросам народного просвещения. На страницах журнала разоблачались, в частности, меры гр. Д. А. Толстого. «Существо системы управления гр. Толстого, — указывалось во «внутреннем обозрении», — состояло в том, чтобы сделать из школы орудие для полицейских целей. Поэтому все заботы управления направлены были на то, чтобы при посредстве школ, по возможности, сдерживать прилив просвещения как в количественном, так и в качественном отношении»¹⁸³. В освещении политической жизни, в требовании демократизации университетского образования и в объяснении причин студенческого движения «Отечественные записки» стремились отмежеваться как «от лагеря охранителей, так и либералов»¹⁸⁴, что всегда было свойственно русской революционно-демократической печати. На примере Каткова «Отечественные записки» высмеивали бессилье реакции: «Он все думает, что неудачи происходят от того, что ему мешают другие, все мешают: и птицы, и насекомые, и друзья и враги»¹⁸⁵, продолжает «бормотать целых 20 лет все одно и то же: интриги, партии, крамола, злоумышленники и т. д.»¹⁸⁶

«Отечественные записки» не ограничивались осуждением реакции. Журнал оказался единственным органом подцензурной печати, определившим социальную базу реакции. «Охранительная партия, — отмечалось в «Отечественных записках», — представляет интересы тех общественных классов, которые в недавнее время пользовались большей ролью, властью и значением, а затем в большей или меньшей степени их утратили. Два класса в этом отношении более всего потеряли от реформ прошлого царствования, это — крупное дворянское землевладение, лишившееся сословных привилегий и исключительной роли, и администрация в тесном смысле»¹⁸⁷. Отбрасывая терминологию, согласно которой бюрократия считается классом, нельзя не отметить глубины анализа политического положения. Со-

циальной базой реакции, действительно, послужило крупное помещичье землевладение, тесно связанное с чиновничеством.

Разгром народофильского центра отразился не только на положении печати революционно-демократического лагеря.

Отлив революционного движения сказался на состоянии «социальной среды», окружавшей революционную партию. В начале 80-х годов обозначился отход части прогрессивно настроенной интеллигенции от интересов «общего дела». Постепенно создавалась благоприятная почва для «теории малых дел», проповедей Л. Толстого о «непротивлении злу» наряду с мотивами разочарованности и пессимизма, окрасившими в 80-х годах публицистику. В полной мере это проявилось к середине 80-х годов.

Таинственность, окружавшая проект университетского устава, обусловила особое положение прессы консервативно-монархического направления, из которой университетам уделяли преимущественное внимание «Московские ведомости» и «Русский вестник». Проект не был официально опубликован. Но в феврале 1881 г. в «Русском вестнике» в статье Н. А. Любимова «Университетский вопрос»¹⁸⁸ отвергнутый проект Толстого приводился как «любозытный исторический документ».

Положение прессы в начале 80-х годов оказало влияние на полемику по университетскому вопросу. Подавление малейшей искры оппозиции в печати составляло одно из важных звеньев политики правительства Александра III.

Временные правила 1882 г.¹⁸⁹ довершили ликвидацию оппозиционных органов печати, начавшуюся сразу же после 1 марта 1881 г. Вслед за газетами «Страна», «Порядок» и др. были закрыты «Голос» и «Отечественные записки». «Период общественного усыпления»¹⁹⁰, — так определила либерально-народническая газета «Неделя» обстановку начального периода реакции. Как отмечалось современниками, бессодержательность общественной жизни наверстывается растратами, крахами банков, откровенными хищениями и скандалами всякого рода и вида, а бессодержательность печати компенсируется пасквилем, доносом и клеветой. Навязчивые повторения домыслов, бесчестная полемика с противниками из революционного и либерального лагерей, доносы и клевета составляли непременный элемент реакционной печати.

Закрытие передовых органов, начавшееся после 1 марта 1881 г., репрессии и давление цензуры способствовали затуше-

¹⁸¹ «По поводу внутренних вопросов». — «Отечественные записки», 1883, № 9, стр. 118.

¹⁸² «Записки публициста». — «Отечественные записки», 1884, № 3, стр. 65.

¹⁸³ «Отечественные записки», 1881, № 3, стр. 143. «Внутреннее обозрение».

¹⁸⁴ Там же, стр. 132.

¹⁸⁵ «Отечественные записки», 1883, № 1, стр. 132.

¹⁸⁶ «Отечественные записки», 1883, № 1, стр. 134.

¹⁸⁷ «Записки публициста». — «Отечественные записки», 1884, № 3, стр. 66.

¹⁸⁸ Н. А. Любимов. Мой вклад, т. I, М., 1881, стр. 588—661.

¹⁸⁹ По решению особого совещания четырех министров издание «вредного направления» могло быть прекращено, причем издатели лишались права на редакторскую и издательскую деятельность. Подробнее см.: Б. П. Балцев. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971.

¹⁹⁰ «Неделя», 11 марта 1884 г.

выванию внешних проявлений оппозиции, обезличиванию печати либерально-буржуазного лагеря.

«„Читать нечего!“ — вот слова, которые слышатся теперь чаще всего, когда речь заходит о нашей печати», — отмечал «Голос». Преобладание «умеренности» в прессе либерально-буржуазного направления было следствием поражения революционного движения.

Публицистика, как отмечали в начале 1884 г. «Отечественные записки», «преобразуется и изменяет характер. Она отшатнулась уже от общественных дел, которые еще недавно находились в самом фокусе ее внимания и ее деятельности»¹⁹¹.

Либеральная пресса начала 80-х годов была мало осведомлена в вопросах внутренней политики. «Никто не знает, — констатировал «Вестник Европы», — чего ожидать, на что надеяться; напрашиваются сами собою только догадки о том, чего следует опасаться»¹⁹². Это в какой-то степени может служить объяснением отсутствия значительных позитивных выступлений по университетскому вопросу в либеральной прессе начала 80-х годов. «Имея под рукой текст ожидаемого университетского устава, — писал К. К. Арсеньев в октябре 1883 г. накануне внесения проекта в Государственный совет, — мы могли бы высказать свою мысль яснее и подтвердить ее примерами; но нам это известно по одним городским и отчасти газетным слухам, а потому мы и вынуждены на этот раз ограничиться одними общими соображениями»¹⁹³.

Определенную, и далеко не последнюю роль сыграл административный нажим на печать, усилившийся с конца 80-х годов, запреты к обсуждению тех или иных нежелательных для правительства вопросов, буквально сыпавшиеся на редакции. В первую очередь это коснулось освещения в печати революционного движения. Сразу же после процесса В. Засулич 8 апреля 1878 г. газетам было предложено не помещать «всякого рода известия об уличных демонстрациях и беспорядках»¹⁹⁴. По ходатайству министра народного просвещения гр. Д. Толстого министр внутренних дел наложил запрет на публикацию «обличительных» статей, относившихся к «начальству и преподавателям учебных заведений»¹⁹⁵. 2 августа 1879 г. были воспрещены прессе также по инициативе гр. Толстого рассуждения о мерах по преобразованию университетов¹⁹⁶. 14 апреля 1881 г. Главное управление по делам печати вообще наложило вето на известия о «происшествиях и явлениях университетской жизни»¹⁹⁷.

¹⁹¹ «Отечественные записки», 1884, № 2, стр. 253.

¹⁹² «Вестник Европы», 1883, № 1, стр. 365.

¹⁹³ «Вестник Европы», 1882, № 10, стр. 905.

¹⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 6, д. 308, л. 5.

¹⁹⁵ Там же, д. 315, л. 3.

¹⁹⁶ Там же, д. 396, л. 4.

¹⁹⁷ Там же, оп. 8, д. 11, л. 9.

Естественно, что все эти меры затрагивали демократическую печать, подвергавшуюся открытому и тайному нажиму. Тем не менее университетский вопрос занимал значительное место в публицистике из-за свойственного либералам преувеличения роли образования вообще.

12 января 1883 г. на юбилее Московского университета бывший профессор В. Н. Чичерин выступил с протестом против пересмотра устава 1863 г. и призывал к сохранению прежнего положения университетов. Это не было случайным заявлением. 16 мая 1883 г. в разгар коронационных торжеств в Москве на заседании московской думы московский городской голова К. Н. Чичерин произнес речь¹⁹⁸ в либеральном духе. «Будущность России», по мнению Чичерина, заключалась в реформах Александра II. Неприкосновенность реформ была первым условием поддержки правительства со стороны либерального общества. Содействие общества «против врагов общественного порядка»¹⁹⁹ предлагалось в обмен на некоторые уступки. «Та партия, которая производит смуту, — заявил он в своей речи, — весьма немногочисленна. Она вербует из недоучившейся молодежи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями»²⁰⁰. В объяснении происхождения «смуты» очевидно полное тождество взглядов Чичерина и Каткова. Однако, если Катков призывал к расправе с университетами, Чичерин советовал правительству сохранить общественное самоуправление именно для борьбы с революционным движением. «Все остальное [кроме революционной партии. — Г. Щ.] разрознено и разобщено, — указывал Чичерин. — Одно правительство, очевидно, не в состоянии справиться с этой задачей. Оно может действовать только внешними средствами, а внешние средства бессильны против внутренней болезни, тут необходимо воздействие самого организма; нужно содействие общества»²⁰¹.

Тактика предательства революционных борцов, рекомендованная лидером либерализма, проявила в начале 80-х годов такую же несостоятельность, как и в 60-х годах. Правительство «оказалось умнее и ловчее»²⁰², чем воображал Чичерин, и обрушилось на либералов после того, как удалось отбить революционный натиск. Чичерин своей речью не только продемонстрировал, но и обобщил принципы либеральной тактики. «Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, — заявил он, — мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает необходимым наше содействие, но когда этот зов последует, он не должен застигнуть нас

¹⁹⁸ «Речь В. Н. Чичерина — московского городского головы 16 мая 1883 г. Эпизод из истории коронации в Москве». Berlin, 1883.

¹⁹⁹ Там же, стр. 21.

²⁰⁰ Там же, стр. 20.

²⁰¹ Там же.

²⁰² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 32.

врасплох, мы должны быть готовы»²⁰³. Несмотря на охранительный тон речи, она вызвала переполох среди реакционеров. По настоянию царя Чичерин оставил пост московского городского головы.

Выступление Чичерина не было единичным. Ему вторила умеренно либеральная печать, которая, хотя и нерешительно, высказалась за сохранение реформ 60-х годов. Реформы как средство мирного прогресса и предотвращения революционной ломки отвечали и чаяниям дворянства, сумевшего приспособиться к ведению капиталистического хозяйства и заинтересованного в сохранении буржуазно-правовых норм. Либералы ограничивались призывами и пожеланиями, адресованными правительству. «Мы не считаем себя вправе рассматривать университетский вопрос всесторонне, пока не прекратятся волнения в университетах,— заявлялось в передовой статье «Голоса».— От души желали бы мы, чтобы учащаяся молодежь поняла, наконец, что все эти беспорядки не только не способны подвинуть вперед удовлетворительное решение вопросов об университетском быте, но отдаляют его от какого бы то ни было решения»²⁰⁴.

Либералы связывали свои надежды на прогресс со спокойным, «без помех» творчеством в тиши правительственных канцелярий и были далеки от понимания того, что уступки можно вырвать у самодержавия только в результате энергичной последовательной борьбы. Отдельные высказывания о сохранении реформ были облечены в форму, враждебную революционной партии, действительно боровшейся с самодержавием. «Безумие ничтожного меньшинства,— писал К. К. Арсеньев после 1 марта 1881 г.,— не может и не должно останавливать поступательное движение целого народа»²⁰⁵. Отношение к реформам 60-х годов в целом определило защиту устава 1863 г. «Менее настоятельна реформа в положении университетов,— писал Арсеньев,— устав 1863 г. ...представляет такую почву, на которой легко могут быть возведены все дополнительные постройки, требуемые временем»²⁰⁶.

Выступая за сохранение реформ, «гарантии для лиц и учреждений», «свободу личности, свободу слова, свободу верования и мысли», либеральные публицисты критиковали реакционный курс, указывали на слабость и отсутствие творческого начала в программе реакционной партии²⁰⁷. Сила либеральной программы, как указывалось в «Вестнике Европы», «заключается не только в пробуждающемся все больше и больше стремле-

нии общества к самодеятельности, но и в положительных задачах, которых недостает ее противникам». Утверждение реакционной прессы о том, что устав 1863 г. служит единственной причиной волнений в университетах, вызывало отпор со стороны либеральной печати. В полемике с «Московскими ведомостями» сотрудник «Голоса» профессор А. Д. Градовский, выступавший против системы классицизма, считал, что теория Каткова «сбита с своего незыблемого основания» фактами «политической незрелости» гимназической молодежи. «Настоящее наше университетское нестроение,— указывалось в «Вестнике Европы»,— не есть самостоятельный факт, а только симптом «общего порядка вещей»²⁰⁸.

Конкретных высказываний по проблемам университетской жизни в либеральной прессе было весьма мало. Не имея официальных документов, либералы «гадали» по отдельным комментариям «Московских ведомостей». Отстранение профессора от экзаменов, по мнению «Вестника Европы», могло лишь подорвать значение научной школы в университетах. «Мы думаем, что и новый устав никаким образом не лишит университета того, чего не лишены даже гимназии, а именно права или вернее обязанности для профессоров самим контролировать научные сведения своих слушателей»²⁰⁹. Утверждение «Московских ведомостей» о «свободе слушания» студентами любых курсов на всех факультетах, впоследствии отвергнутой в Государственном совете, было встречено с недоверием: «Остается только предположить, что сообщаемое в газете неверно, и пожалеть, что проект университетского устава не мог быть отнесен к числу таких предположений, которым можно было бы дать огласку»²¹⁰.

В начале 80-х годов либеральная публицистика ограничилась неодобрением пересмотра устава 1863 г., высказанным в общей форме, а также довольно резкой критикой, которая не могла быть всесторонней из-за неосведомленности. Осуждение реакционного пересмотра буржуазного законодательства со стороны либеральной печати не вызывает никакого сомнения. Оппозиция реакционному политическому курсу выразилась как в подцензурной, так и в заграничной печати. Защита университетского строя вплеталась в общий хор защитников буржуазных реформ 60-х годов.

Внутриполитическое положение начала 80-х годов обусловило своеобразную перемену ролей: «охранители» выдвигали программу ломки и перемен, либералы, защищая реформы 60-х годов, выступали в роли «консерваторов».

²⁰³ «Речь Б. Н. Чичерина...», стр. 22.

²⁰⁴ «Голос», 18 (30) ноября 1882.

²⁰⁵ «Вестник Европы», 1881, № 4, стр. 776.

²⁰⁶ Там же, стр. 779.

²⁰⁷ Особенно резко это прозвучало в бесцензурном памфлете Стасюлевича, изданном за границей («Черный передел реформ императора Александра II». Berlin, 1882).

²⁰⁸ «Вестник Европы», 1882, № 10, стр. 902.

²⁰⁹ Из общественной хроники.— «Вестник Европы», 1883, № 2, стр. 886.

²¹⁰ Там же, стр. 889.

При первом знакомстве с обсуждением университетского вопроса в начале 80-х годов бросается в глаза политическая направленность полемики. В отличие от эпохи реформ, когда борьба мнений облекалась в форму дискуссий по проблемам развития науки и просвещения²¹¹, в исследуемое время на первый план выдвинулись вопросы соответствия университетского строя общегосударственному, соотношения влияния правительственной власти и университетских советов. Автономия и централизация оказались основным стержнем, вокруг которого вращалось обсуждение в печати проекта университетской конституции. Это определялось острой политической противоборствующей, в которых определенное место занял университетский вопрос.

Отношение различных общественных групп к буржуазным реформам в целом лежало в основе оценки в печати проекта университетского устава. Анализ прессы не вызывает сомнений, что реакционный пересмотр реформ, в частности устава 1863 г., не одобрялся передовыми общественными кругами. Правительство Александра III встало на путь подавления проявлений общественного недовольства, не разрешив назревших социальных задач. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль впоследствии при реализации реакционного курса.

Несмотря на разгром передовой печати, цензурный гнет, закрытие «Отечественных записок» и «Голоса», административный нажим, вопли «торжествующей свиньи», как охарактеризовал реакцию 80-х годов М. Е. Салтыков-Щедрин, при всей оглушительности никого не убеждали. Очевидным доказательством бессилия реакции, отразившегося в публицистике Каткова, было отсутствие в списке «обреченных на падение» реформ положений 19 февраля 1861 г. Крестьянская реформа, повлекшая за собой ломку всего общественного строя, не случайно была обойдена молчанием. «Целый строй жизни рухнул четверть века тому назад в уготованную им самим могилу, — писал в ноябре 1884 г. К. К. Арсеньев, — поднять из нее можно только его призрак. Он будет, может быть, казаться живым, — но оптический обман рассеется рано или поздно при соприкосновении с действительностью»²¹².

Реакционная публицистика пользовалась поддержкой «сверху» и покровительством цензуры и в отличие от остальных свободой печати. Тем более важно отметить явное несочувствие к ней демократических общественных кругов — свидетельство узости социальной базы реакции 80-х годов.

Несмотря на это, как мы уже указывали, отжившие реак-

ционные идеи были взяты на вооружение правительством Александра III.

Непопулярность и изолированность официальной идеологии в кругах интеллигенции не означали, конечно, что влияние ее на общественную жизнь осталось бесследным. «Ежели сумерки, окутывающие русскую мысль, — указывалось в „Отечественных записках“, — делаются все темнее и темнее, то, конечно, никто так не виноват в этом, как „Московские ведомости“»²¹³.

4

Борьба правительственных группировок. Обсуждение проекта устава в Государственном совете

В начале 80-х годов после изменения внутривластной обстановки к проекту гр. Толстого обратились не сразу. Не только медлительность и колебания правительства при переходе к реакционному курсу были тому причиной. Значительный интерес для характеристики правящей среды представляет попытка осуществить преобразование университетов, минуя Государственный совет. В середине 1882 г., вскоре после назначения гр. Толстого министром внутренних дел, А. И. Георгиевскому было поручено составить проект высочайшего повеления для рассмотрения в Комитете министров²¹⁴. Стремление крайних реакционеров как можно скорее осуществить «временное» преобразование университетов объяснялось опасением оппозиции проекту в Государственном совете, впоследствии полностью оправдавшимся.

Крайне правая группировка в правительстве предложила вернуть университеты к положению, в каком они были в самые темные времена крепостнической эпохи, перечеркнув совершенно устав 1863 г. Этот необычный документ проливает свет на цели крайних сторонников самодержавия. Министр народного просвещения, согласно этому одностороннему проекту, мог определять «учебные порядки в университетах по всем факультетам»²¹⁵ и экзаменационные требования, а также назначать членов экзаменационных комиссий. От ограниченной автономии университетов по уставу 1863 г. ничего не оставалось. Профессора рассматривались только как «должностные лица», чиновники, целиком зависевшие от администрации. Министр и попечитель могли «назначать собственной властью профессоров, штатных доцентов и прочих должностных лиц университета по принадлежности, принимая лишь во внимание выборы, произведенные в совете, факультетском собрании или правлении, по не стесняясь оными в своих решениях»²¹⁶. От министра зави-

²¹¹ Р. Г. Эймонта. Университетский вопрос и русская общественность в 50—60-х гг. XIX в. — «История СССР», 1971, № 6.

²¹² К. К. Арсеньев. За четверть века. Пг., 1915, стр. 146.

²¹³ «Отечественные записки», 1883, № 5, стр. 125.

²¹⁴ А. И. Георгиевский. Указ. соч., стр. 97—99.

²¹⁵ Там же, стр. 99.

²¹⁶ Там же, стр. 98.

село повышение штатных доцентов в экстраординарные профессора, а последних в ординарные, сокращение испытательного срока приват-доцентам, а также оставление или увольнение профессоров после 25 лет учебной службы решалось министром «по собственному своему усмотрению» и по представлению декана, ректора и попечителя. Наконец, «бессрочное» назначение ректора министром и декана попечителем свидетельствовало о намерении лишить университеты даже внешних форм самостоятельности. Проект не поощрял выборности деканов, существовавшей при Николае I в момент наибольших гонений на передовую науку и культуру после революции 1848 г.

Проект не случайно остался плодом бюрократического проектерства. Отказ от откровенно крепостнической политики в отношении университетов диктовался объективной невозможностью для правительства прибегнуть к мерам, практиковавшимся в дореформенное время. Попытка реформы университетов в административном порядке интересна и в другом плане. Она свидетельствовала о малочисленности и слабости сторонников крепостнической реакции в правительственных кругах, о неуверенности их в беспрепятственной победе, об обреченности в конечном счете чисто крепостнической политики в условиях капиталистического развития и притом в сфере, по существу чуждой сословности и кастовости.

Вынужденная отказаться от прямого возврата к дореформенному положению, реакционная партия попыталась «подкрепить» проект Толстого, постунивший в Государственный совет, чрезвычайными мерами. В этом отношении знаменательна попытка использовать армию, эту, по определению Ленина, «школу произвола и насилия»²¹⁷, для подавления и предупреждения активных студенческих выступлений.

Одновременно с внесением проекта университетской реформы в Государственный совет в правительственных кругах обсуждался вопрос об отдаче студентов за «беспорядки» в солдаты²¹⁸, — мера, практиковавшаяся в крепостническую эпоху. Предложения Делянова и Победоносцева стали реальностью 15 лет спустя с изданием «Временных правил» 1899 г.

В правительственных кругах эту «кару устрашающего характера»²¹⁹ непосредственно связывали с проектом университетского устава. «С той же целью [т. е. для борьбы с революционным движением. — Г. Щ.], — указывалось в журнале Комитета министров, — проектирован министром народного просвещения известный ряд изменений в действующем университетском уставе. Но разом поднять ослабевшую в последнее время и учебных заведениях дисциплину не представляется возможным

²¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 393.

²¹⁸ Журнал совещания министров см.: ЦГАОР СССР, ф. 677 (Александра III), д. 562.

²¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 4378, л. 139.

Между тем, ежедневно могущие вновь возникнуть в высших учебных заведениях беспорядки вынуждают правительство к новому ряду исключений и доставят, таким образом, новый контингент анархистской партии»²²⁰. Лишение участников студенческого движения льгот по отбыванию воинской повинности предлагал гр. Толстой в 1879 г. В 1880 г. Лорис-Меликов выступил за формирование «особых военных команд» из «неблагонадежных». В 1882 г. этот вопрос был поднят в связи с волнениями в ряде университетов.

В начале 80-х годов студенческие волнения не прекращались, вызывая значительный резонанс в обществе. По официальным данным, в течение 18 лет (с 1866 по 1884 г.) из высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения в среднем за год исключалось 69 студентов. В 1882 г. число исключенных составляло 202 человека²²¹. «В слоях учащейся молодежи, не умудренной и не испорченной житейским опытом, не привыкшей и не желающей «беречь свою шкуру», политика нового правительства вызывает повальные, непрерывающиеся волнения, затмившие даже все, что делалось по высшим учебным заведениям в конце царствования Александра II... Современные условия, среди которых живет учащаяся молодежь, нередко ставят перед нею роковую дилемму: или терпеть такие вещи, терпеть которые человек может только совершенно опускаясь нравственно, или бунтовать, протестовать и вылетать из университетов в места столь и не столь отдаленные»²²². Неблагоприятная для научной деятельности обстановка вынуждала ученых покидать университеты, а иногда уезжать из России. Демократическое студенчество выступало против гонений самодержавия на представителей науки. Летом 1882 г. 95 студентов Новороссийского университета обратились к ректору Ярошенко с заявлением, в котором предлагали ему оставить должность, так как «дела университета, направляемые его рукою, приняли такой оборот, при котором профессора, составляющие гордость университета (Преображенский, Посников, Мечников и Гамбаров), вынуждены были оставить его»²²³. В результате этого выступления 88 студентов получили выговор, 7 были уволены из университета.

Осенью 1882 г. в Казанском университете произошли серьезные волнения, которые нашли отклик в других университетах. В ответ на требования студенческой автономии были вызваны войска, и университет был закрыт на полтора месяца²²⁴.

²²⁰ Там же, л. 131.

²²¹ Там же, л. 92.

²²² «Вестник „Народной воли“», 1883, № 1, стр. 79.

²²³ ЦГИА СССР, ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 150, д. 562, л. 83.

²²⁴ Там же, ф. 744, оп. 3, д. 484. См. также: В. М. Флоринский. Заметки и воспоминания. — «Русская старина», 1906, № 6, стр. 615—648.

В это же время в С.-Петербургском университете разыгралась известная «поляковская история»²²⁵, продемонстрировавшая стремление студенчества к корпоративному строю, независимому от администрации, их протест против подачек со стороны дельцов.

Демократическому студенчеству, вставшему на защиту передовой науки, правительство предложило — «фельдфебеля и Вольтеры дать!». Инициатива исходила от министра народного просвещения И. Д. Делянова. «В университете здесь все брожение, — писал 17 ноября 1882 г. из Петербурга Любимов Каткову. — В понедельник после Совета министра Иван Давыдович оставил кн. Волконского, Алекс. Пв., Бадке, мейн и Капинга и говорил о студентах. Иван Давыдович... хочет войти в сношение с военным министром об отдаче виновных в беспорядках в полки»²²⁶. План предварительного соглашения министров был изложен в письме А. И. Георгиевского к М. Каткову 27 ноября 1882 г.²²⁷ Предложение о лишении участников студенческого движения льгот по отбыванию воинской повинности на первом заседании совещания министров 20 ноября 1882 г. вызвало возмущение военного министра П. С. Ванновского и управляющего морским министерством И. А. Шестакова. Тогда по предложению К. П. Победоносцева совещание перешло к обсуждению вопроса об отдаче лидеров студенческого движения в дисциплинарные батальоны²²⁸. «Против массы же бунтующих, — замечал А. И. Георгиевский в письме Каткову, — мы по-прежнему остаемся безоружны»²²⁹. Совещание министров на заседании 18 марта 1883 г. приняло предложение П. С. Ванновского об отбывании исключенными «за беспорядки» студентами воинской повинности по жребию, что также не могло удовлетворить реакцию, так как в армию привлекалась только четвертая часть вытянувших жребий. «Я согласен на эти меры в виде опыта, — написал Александр III на журнале заседаний совещания 27 мая 1883 г., — но полагаю, что они *будут недостаточны* и не принесут той пользы, которую ожидают»²³⁰. Следующее заседание 10 июня 1883 г. было столь же безрезультатно из-за невозможности привести к компромиссу противоположные точки зрения. Наконец, в Комитете министров 7 февраля 1884 г. вопрос об отдаче студентов в солдаты возбудил острую дискуссию. Ободренные поощрением Александра III, 6 членов Комитета минист-

²²⁵ См. ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 168, 1882 г., д. 3; см. также «Былое», № 1 (23), 1917 г., стр. 276.

²²⁶ ОР ГБЛ, ф. 120 (Каткова), л. 6, № 29, л. 9.

²²⁷ Там же, л. 20, л. 47.

²²⁸ Заключение в тюрьму военного ведомства по решению военного суда с потерей некоторых прав и с введением для представителей непривлеклированных сословий телесных наказаний.

²²⁹ ОР ГБЛ, ф. 120, л. 20, л. 47.

²³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 677, л. 562, л. 2.

ров²³¹ вновь предложили для изоляции студентов от революционной партии отдавать их за «беспорядки» в солдаты. Они оправдывали этот шаг «обстоятельствами настоящего времени, угрожающими общей безопасностью и спокойствию страны»²³². В ходе острых прений они были вынуждены отступить от первоначальной мысли и ограничиться предложением «временно допустить в виде опыта, примерно на 3 года, обращение некоторого числа учащихся, исключаемых из высших учебных заведений, на обязательную военную службу».

До принятия в 1899 г. «временных правил»²³³ наиболее активных студентов в административном порядке ссылали в дисциплинарные батальоны или в военные тюрьмы. При разработке правил 1899 г. правительство использовало материалы совещаний начала 80-х годов.

При анализе правил 1899 г. В. И. Ленин вскрыл классовую природу самодержавия. Он указал на переплетение двух начал в государственной жизни, порожденных особенностями социально-экономического развития России. «На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным-давно отжившее старое, — писал В. И. Ленин. — Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества... И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к *всеобщей* воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские»²³⁴.

В совещании министров и в Комитете министров (20 ноября 1882 г. — февраль 1884 г.) выявились острые противоречия внутри правительства. Как следует из журнала заседаний Комитета министров, 14 членов выступили против этой крайне несправедливой меры, которая не только «не встретит никакого сочувствия и в самой массе общества»²³⁵, но и «ожесточит против правительства молодых людей и побудит их к распространению крамольных идей в солдатской среде. Между тем армия особенно должна быть ограждаема от внесения в нее вредных, противоправительственных элементов»²³⁶. Превра-

²³¹ Гр. Толстой, Делянов, Островский, Набоков, Посыет и гр. Рейтерн.

²³² ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 4378, л. 149.

²³³ 29 июля 1899 года были опубликованы утвержденные Николаем II временные правила, согласно которым студенты, исключенные за коллективные «беспорядки», отбывали в качестве наказания воинскую повинность. В январе 1901 г. 183 студента Киевского университета были отданы в солдаты.

²³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 393.

²³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 4378, л. 157.

²³⁶ Там же, л. 93.

щение воинской повинности в наказание «коренным образом нарушило бы действующий устав о воинской повинности»²³⁷ при «существенной разнице» состава армии теперь и «во времена Николая I»²³⁸. Под влиянием оппозиции, противостоявшей пересмотру реформ 60-х годов, Александр III не решился утвердить эту воинские праконовскую меру.

В начале 80-х годов попытка крайне правого крыла в правительстве задуть студенческое движение с помощью армии не увенчалась успехом. «Не разделяя опасений и мнений 14 особ., — указывалось в резолюции императора на журнале Комитета министров 20 февраля 1884 г., — полагаю отложить окончательно решение этого дела до утверждения нового университетского устава»²³⁹. Резолюция Александра III не оставляет сомнения относительно роли, которая предназначалась университетской контрреформе в подавлении активных антиправительственных выступлений в университетах.

Рассмотрение проекта в соединенных департаментах законов и государственной экономии происходило с 22 октября 1883 г. по 11 мая 1884 г. 29 мая 1884 г. проект обсуждался в заседании общего собрания Государственного совета.

На всех этапах подготовки университетского устава в Государственном совете, как и в Комитете министров, и в особых совещаниях министров об отдаче студентов в солдаты, наметились две основные тенденции. Стремление к пересмотру реформ 60-х годов натолкнулось на противодействие правительственной группировки, выступавшей против ломки буржуазно-правового строя. Острота борьбы внутри правительства вокруг проекта объясняется тем, что в начале 80-х годов ее исход оказал бы влияние на направление внутренней политики в дальнейшем «Едва ли какое-либо дело проходило в Государственном совете с такими трудностями, как университетский устав 1884 г., — констатировали впоследствии «Московские ведомости», — с ним была борьба не только как с уставом учебных заведений, но и как с поворотом к иной системе»²⁴⁰.

Оппозиция при обсуждении вопроса об отдаче студентов в солдаты выразилась в отрицании крепостнических мер против студенческого движения.

Вокруг проекта университетского устава, мер по пересмотру буржуазной реформы 1863 г. в Государственном совете развернулась борьба за литературно-юридическое оформление закона.

Состав противников проекта в Государственном совете был весьма пестрым. Против основных положений проекта выступа-

ли обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев²⁴¹, умеренный консерватор А. А. Половцов и представитель либеральной бюрократии А. В. Головин. Их взгляды не были идентичны. Оппозицию возглавили А. В. Головин и А. П. Николаев, в записках которых содержалась развернутая критика проекта²⁴². Выступление против проекта бывших министров народного просвещения, поддержанных в ряде случаев Н. Х. Бунге и К. П. Победоносцевым, — это внешнее обстоятельство подчеркивало серьезность оппозиции.

Первым проявлением противоречий в правящей среде была отсрочка обсуждения проекта почти на год вопреки стремлению Делянова утвердить устав уже к началу мая 1883 г., «дабы избегнуть всяких студенческих и профессорских историй»²⁴³.

«Обсуждение нового проекта университетского устава, — указывалось в передовой статье «Московских ведомостей» 14 сентября 1883 г., — вероятно будет одною из первых законодательных работ предстоящей осенней сессии Государственного совета. Можно надеяться, что дело это, начатое почти 10 лет тому назад, теперь, наконец, после целого ряда подготовительных работ и совершенно излишних проволочек и колебаний, достигнет благополучного окончания и положит давно ожидаемый предел вопиющему безобразию, творящемуся под видом „самоуправления“ в наших университетах»²⁴⁴. Оппозицию проекту в Государственном совете Катков обвинил в покровительстве «крамоле».

Об интересе международной общественности к «просветительской» роли самодержавия свидетельствует передовая статья «Times»²⁴⁵, посвященная положению университетов России и предстоявшей реформе. Политика самодержавия характеризовалась как «деспотизм, доводящий образование до чисто механической рутинности». В статье подчеркивалось, что, «по очевидному мнению русского правительства, образование само по себе есть зло». Чем осуществлять «чудовищный план» преобразования университетов, газета советовала совсем их закрыть. По поводу плана передовая ссылается на статью Степняка-Кравчинского «Жизнь студентов в русских университетах»²⁴⁶.

Катков заявил, что упреки русскому правительству основаны «на баснях каторжника», а редакция «Times» стоит на тех же позициях, что либеральные «Новости» и «Голос». Используя статью, намеренно смешивая различные точки зрения, существовавшие по университетскому вопросу в обществе, Катков вы-

²³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 4378, л. 105.

²³⁸ Там же, л. 116.

²³⁹ Там же, л. 158.

²⁴⁰ «Московские ведомости», 22 ноября 1888 г.

²⁴¹ Ср.: С. Л. Эвенчик. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России..., стр. 291—300.

²⁴² См. ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, лл. 253—312, 314—412.

²⁴³ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 6, № 30.

²⁴⁴ «Московские ведомости», 14 сентября 1883 г.

²⁴⁵ «Times», 6 (18) апреля 1884 г.

²⁴⁶ Опубликована в том же номере.

двинул оригинальное обвинение: «Враги русского государства и русского образования для борьбы против этого устава подали руку петербургским официальным либералам. Эти руки не раз соединялись и прежде во всякой интриге, имеющей своим лозунгом «чем хуже, тем лучше»»²⁴⁷. Под «петербургскими официальными либералами» подразумевались члены Государственного совета, выступавшие против проекта. «Новый проект, — возмущался Катков, — уже давно внесен в Соединенных департаментах, чуть ли не столько же держит его Государственная канцелярия, и разве к концу мая поступит он в Общее собрание»²⁴⁸.

Как на предварительных совещаниях в октябре 1883 г. по проекту устава у председателя Государственного совета велики. Михаила Николаевича и у гр. Толстого²⁴⁹, так и в департаментах, преобладающее большинство членов Государственного совета поддержало критику основных положений проекта «Я полагаю, — писал А. В. Головин Д. А. Милютину 14 декабря 1883 г., — что буду один возражать Десянову и критиковать проект университетского устава, что кое в чем присоединится ко мне барон Николай и что меня очень скоро затрут и проект пройдет через Государственный совет триумфальным шествием. Вышло совсем другое: в первом домашнем совещании у великого князя Михаила Николаевича высказались сильно против основных мыслей проекта: Старицкий, Победоносцев, Бунге, Ковалевский, Николай, Исаков. Затем было одиннадцать заседаний Соединенных департаментов и к этим лицам присоединились не бывшие у великого князя Стояновский, Фриц, Петц, Набоков, Обручев, Каханов, Небольсин, Кауфман»²⁵⁰.

Важно выяснить изменения, внесенные в проект под влиянием оппозиции в Государственном совете. Журналы заседаний отличаются схематичностью, нарочитой туманностью формулировок, не фиксировавших внимания на расхождениях. Однако они позволяют проследить серьезные разногласия в правительстве. В заключении департаментов по проекту отражен принципиально иной подход к преобразованию университетов, чем в представлениях Толстого и Десянова. Если представление Толстого строилось на резком противопоставлении университетских советов и администрации, то в материалах Государственного совета, напротив, подчеркивалось, что те и другие являются правительственными органами власти в университетах²⁵¹.

«При составлении проекта университетского устава, — указывалось в записке Головинина, — руководила мысль, что в уни-

верситете находятся два противоположные один другому элемента: правительственный и профессорский, что они как бы враждебны друг другу и что устав должен усилить первый из них. С этими воззрениями едва ли можно согласиться. Профессоры не суть лица независимые. Они чиновники на жалованье, агенты правительства, которые административной властью утверждаются, увольняются, награждаются. Они такие же орудия правительства в области науки и педагогики, как судьи в судебной сфере, полицейские в области полиции»²⁵². В записках Головинина и Николаи доказывался вред излишней централизации университетского управления. По их мнению, ученый совет и факультетские собрания вполне компетентны в решении учебных вопросов. Предлагалось пересмотреть 38 статей о попечителе, чтобы «освободить» его от мелочной опеки. О соотношении власти министра и попечителя, с одной стороны, и ректора, с другой стороны, департаменты Государственного совета постановили: «Не возражая вообще против увеличения влияния министра и попечителя на ход дел в университетах, департаменты не могут, однако, признать целесообразным лишение ректорской должности всякого начальнического характера»²⁵³. Департаменты в данном вопросе выступали за полумеру, сочетавшую предоставление совету «известной доли участия в замещении ректорской должности» и контроль, дававший «в руки правительства надежное средство не допускать к занятию ее лиц, ему негодных»²⁵⁴. В вопросе о положении главы университетской коллегии проявилась характерная тенденция: не подвергая коренной ломке университетский строй по уставу 1863 г., допустить в последнем реакционные поправки с целью предотвращения оппозиционных выступлений и студенческих «беспорядков» и усиления правительственного влияния на университеты. В противном случае, по убеждению большинства, проект не достигнет цели, а лишь принесет вред развитию науки.

В результате исправлений круг деятельности ректора приближался к положению, существовавшему при уставе 1863 г.²⁵⁵ Возражения против самостоятельного положения инспекции, высказанные Головининым, Николаи и другими, также были приняты Государственным советом. В статье 47 была подчеркнута зависимость инспекции от ректора.

Вследствие исправлений проекта в университетском управлении центр тяжести переносился от попечителя к ректору. При обосновании вопросов организации преподавания проект изменился в сторону уменьшения регламентации преподавания. Так, вместо детального расписания по факультетам и кафедрам чис-

²⁴⁷ «Московские ведомости», 17 апреля 1884 г.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I (1883—1886). М., 1966, стр. 127—130.

²⁵⁰ ОР ГБЛ, ф. 169, п. 61, № 40.

²⁵¹ ЦГАЛ СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., л. 53, л. 53а.

²⁵² Там же, л. 271.

²⁵³ Там же, л. 505.

²⁵⁴ Там же, л. 514.

²⁵⁵ Сравни гл. IV о ректоре в уставе 1863 г. — ПСЗ-II, т. 38, № 39752 и гл. II о ректоре в уставе 1884 г. — ПСЗ-III, т. 4, № 2404.

ла преподавателей департаменты, находя ст. 48—53 проекта «стеснительными», предложили ограничиться определением общего числа ординарных и экстраординарных профессоров в каждом факультете. То же стремление проявилось и при рассмотрении положения приват-доцентуры. Стремясь сделать положение приват-доцентов менее зависимым от «личных взглядов не только научных, но и полицейских», предлагалось изменить ст. 116 проекта следующим образом: приват-доцент представляет программу лекций в факультет, ректор и декан непосредственно контролируют преподавание начинающего ученого. Окончательное решение о воспрещении курса принадлежит попечителю учебного округа²⁵⁶. Департаменты изменили статью, исключившие участие совета при решении чисто научных вопросов. Производство испытаний на ученые степени из факультета, как предусматривалось проектом²⁵⁷, переносилось в ученые советы. Был изменен порядок присуждения докторской степени ученым, известным научными трудами. Это право предоставлялось факультету с утверждения совета, а не попечителю по представлению ректора, как в проекте²⁵⁸. Исправления департаментов в вопросах, важных для научного развития университетов, для роста кадров научной интеллигенции, приближали проект к уставу 1863 г. Всего было исправлено 48 и исключено 19 статей.

В Государственном совете проект подвергся тщательной редакционной правке. Позднее Делянов признал, что «наши враги в Государственном совете некоторые параграфы устава университетов очень удачно исправили»²⁵⁹.

О характере исключенных статей можно судить по следующим примерам: ст. 26 об определении министром программы ежегодного торжественного собрания университета, ст. 132 о требовании денежного залога со студентов, ст. 114 о праве министра утверждать в профессорском звании учителей гимназий, преподающих в качестве приват-доцентов, и другие.

Стремясь избежать аналогии с дореформенной эпохой, Государственный совет изъяснял внешнее сходство проекта с уставом 1835 г.

Перенесение центра тяжести в университетском управлении от попечителя к ректору, тенденция к смягчению давления бюрократии на научное развитие университетов — все это обнаруживает иной подход к преобразованию университетов, нежели сформулированный гр. Толстым и Деляновым.

Наиболее ярким проявлением оппозиции было предложение исключить совершенно из проекта положение об экзаменах (ст. 72—83) до общей законодательной разработки системы го-

²⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 528.

²⁵⁷ Там же, л. 515.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Письмо Делянова Каткову от 14 мая 1885 г. (ОР ГБЛ, ф. 120, п. 19, л. 86).

сударственных экзаменов. Оно не было принято. Но само по себе предложение о снятии «краеугольного» положения проекта показательное. Несогласие с принципами экзаменационной системы привело в лагерь противников проекта даже К. П. Победоносцева.

Противоречивое отношение к проекту — Победоносцев выступил против него, будучи в то же время одним из вдохновителей реакции, — не было случайным. Он был в оппозиции к ряду контрреформ в конце 80-х — начале 90-х годов, в частности земской.

Позиция самого влиятельного в начале 80-х годов сановника внушила опасение сторонникам проекта. В письме 27 ноября 1883 г. Катков указывал Победоносцеву на необходимость минимума действий. «Неудача этой законодательной меры, — убеждал он Победоносцева, — отзовется не на одном университете, но и на всем нашем государственном деле»²⁶⁰. Ответ Победоносцева знаменателен и обнаруживает связь его мнения с оппозицией проекту в Государственном совете. «В отрицательной части представления никто не противоречит Делянову, — писал Победоносцев, — все готовы вместе с ним отрицать устав 1863 г. ... Но в положительной части нет согласия»²⁶¹. В личных письмах к С. А. Рачинскому, перед которым Победоносцев не имел оснований скрывать истинного положения дел, он высказывался иначе. «Не могу признать, — писал он в конце октября 1883 г., — ни правильною, ни практичною изобретенную ими систему quasi государственных экзаменов, отделенных от университета, и должен с ними разойтись. И почти никто с ними не сходитя, но они упорно стоят на своем»²⁶² (подчеркнуто нами. — Г. Щ.).

Победоносцев видел противоречия будущего закона²⁶³. Он отказался поддерживать Толстого и Делянова, так как новый устав, по его мнению, внесет в университеты «еще большую анархию»²⁶⁴, «станет источником непреодолимых затруднений для правительства»²⁶⁵. Его боязнь подвергать ломке сложившийся строй университетов подкреплялась также сознанием невозможности изменить положение с помощью одних только бюрократических мер²⁶⁶.

²⁶⁰ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, п. 1, стр. 350.

²⁶¹ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 20, л. 184.

²⁶² ОР ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 631 (С. А. Рачинского), № 42.

²⁶³ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 20, л. 184.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 515, л. 19 (письмо Победоносцева Делянову от 14 июля 1884 г.).

²⁶⁶ А. А. Половцов в дневнике 5 мая 1884 г. писал о Победоносцеве, который «плачет на ту тему, что учреждения не имеют важности, а что все зависит от людей, а людей нет» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I (1883—1886), стр. 215). Та же мысль неоднократно высказывалась Победоносцевым в его письмах к С. А. Рачинскому (ОР ГИБ, ф. 631, № 42, 83).

Итак, в Государственном совете основные положения проекта подверглись серьезной критике. Оппозиция проекту университетского устава сложилась из сторонников сохранения буржуазных реформ 60-х годов, в частности реформы 1863 г., а также консерваторов, выступавших против ломки университетского строя. Изменения, внесенные в проект под влиянием оппозиции, были направлены к сохранению внешних форм самостоятельности ученых советов и к ослаблению бюрократизации университетов. Все это свидетельствовало о нежелании большинства в Государственном совете подвергать университетский строй коренной ломке. Как бы ни были значительны частичные изменения проекта в Государственном совете, характер будущего закона зависел не только от них. По ряду основных положений проекта возникли разногласия, отразившие две тенденции в правительственных кругах.

* * *

Текст будущего устава явился своего рода ареной борьбы правительственных группировок в начале 80-х годов. На всех 19-ти заседаниях департаментов защитники проекта остались в меньшинстве. Наиболее острые столкновения вызвала проектируемая система экзаменов. «Предположение это, — писал 29 ноября Половцов, — единогласно отвергается»²⁶⁷. Как следует из журнала департаментов, 18 членов Государственного совета полагали, что отрыв экзаменов от преподавания вызовет «не поднятие уровня университетского образования, а понижение, т. е. непосещение лекций, подготовку к экзаменам только по учебнику и т. д.» Кроме того, в каждом университетском городе потребуется для производства испытаний второй комплект профессоров²⁶⁸.

Вследствие оппозиции Делянов вынужден был отказаться от создания экзаменационных комиссий над университетами при управлении учебного округа. Под влиянием резкой критики государственных экзаменов даже гр. Толстой дрогнул. В дневнике Половцова содержатся весьма любопытные сведения. «Было сообщено мне Шуваловым со слов Толстого, — писал Половцов 24 октября 1883 г., — о его намерении согласиться на уничтожение проекта государственных экзаменов»²⁶⁹. Намерение не стало реальностью. Сторонники проекта упорно держались за его основное, «краеугольное» положение. Однако промелькнувшее в дневнике государственного секретаря свидетельство говорит о колебаниях, вызванных оппозицией. Споры переместились на программы преподавания и на состав экзамена-

ционных комиссий. Предусматривалось установление правительством единообразия экзаменационных требований для всех университетов. Меньшинство стояло за назначение всех членов комиссии министром. Большинство членов соединенных департаментов приняло по предложению А. П. Николаи компромиссное решение, считая, что комиссия должна состоять «под председательством назначенного министром народного просвещения лица, из декана, профессора соответствующего предмета, другого профессора факультета и назначаемых министром лиц, имеющих ученую степень доктора или магистра»²⁷⁰.

13 января 1884 г. Т. И. Филиппов составил «Новое изменение главы об университетских испытаниях», где о комиссии сказано было следующее: «Председатели и члены сих комиссий назначаются ежегодно министром народного просвещения, последние преимущественно из профессоров и других университетских преподавателей»²⁷¹. Статья представляла компромисс между мнениями меньшинства и большинства. «В законе каждая черта имеет значение и силу, — писал по этому поводу Катков с негодованием Делянову, — можно ли играть таким делом как закон, изменяя его определения в угоду баронам Николаи, Исаковым, Перетцам. Вместо того, чтобы восстановить власть государства над университетами, вы вводите в них новую конституцию. Скажите, зачем понадобилось в пункте об экзаменах стеснить правительство условием, чтобы члены экзаменационных комиссий назначались преимущественно из профессоров и преподавателей университетов?»²⁷² Письмо Каткова интересно с точки зрения понимания участниками событий важности борьбы за литературно-юридическое оформление закона. Являясь отголоском этой борьбы, письмо показывает глубину и принципиальность споров вокруг проекта в Государственном совете. В «Дополнительном соображении по вопросу об университетских испытаниях» И. Д. Делянов открыто заявлял, что в новом уставе «не имеется в виду стеснять министра народного просвещения в выборе членов этих комиссий требованием, чтобы они имели непременно высшие ученые степени»²⁷³.

Это было шагом назад по сравнению с первоначальным проектом гр. Толстого и нанесло бы существенный удар университетскому образованию. Экзаменаторы по своему научному уровню оказывались ниже преподавателей, результаты труда которых они должны были контролировать. Вред подобного контроля над преподаванием не вызывает сомнения.

Временное назначение коронных ректоров, деканов и секретарей факультетов, с принятием которого авторы проекта свя-

²⁶⁷ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I (1883—1886) М., 1966, стр. 150.

²⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 513.

²⁶⁹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 134.

²⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 513.

²⁷¹ Там же, л. 450.

²⁷² ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 441, лл. 30—31.

²⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 757.

звали успех преобразования в целом, в департаментах защищали кроме Делянова только Дурново и Филиппов. Большинство предложило отклонить эту меру. Прямое бюрократическое назначение представителей университетских советов, по выражению Николаи, «равнялось бы объявлению российских университетов в положении, близком к усиленной охране»²⁷⁴.

Большинство предлагало следующую редакцию статьи об избрании ректора: «Совет университета избирает двух кандидатов из числа ординарных профессоров и представляет их министру народного просвещения, а если ни один из сих кандидатов не удостоится высочайшего утверждения, то ректор назначается высочайшею властью из ординарных профессоров по представлению самого министра»²⁷⁵. Компромиссная редакция отразила стремление ограничить произвол министра по отношению к главе университетской коллегии.

Ввиду оппозиции сторонники проекта совместно готовились отстоять одно из центральных положений проекта на следующем этапе обсуждения. «Я отправил записку о ректоре и деканах в г-р. Д. А. Толстому,— писал Делянов Победоносцеву 6 января 1884 г.,— прося его прочитать совокупно с Вами и Т. И. Филипповым. Как трудно стало усиливать власть в самодержавной России»²⁷⁶ (подчеркнуто нами.— Г. Щ.).

21 января 1884 г. на заседании департаментов Государственного совета Делянов выступил с запиской, целиком посвященной усилению «самодержавной» власти в университетах. Назначение ректоров, деканов и секретарей факультетов правительственной властью предлагалось уже не временно, а постоянно.

Несомненно влияние Каткова. Ранее в «Докладной записке», направленной царю в 1881 г., он отмечал: «Если ректор должен быть только почетным представителем ученой корпорации, то он может оставаться выборным, если же ему будут предложены какие-либо правительственные функции, как, например, служебная аттестация профессоров, то он должен быть назначаем от правительства»²⁷⁷. «Министр и попечители,— подчеркивал Делянов,— сознают полнейшую свою беспомощность для борьбы с тайным и явным противодействием подчиненных им профессорских коллегий»²⁷⁸. Только коронные ректоры и деканы «парализуют оппозицию факультетских собраний и отдельных их членов» и только тогда «инспектор может быть ему подчинен без всякого опасения за безнаказанное нарушение дисциплинарных правил»²⁷⁹.

²⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 298.

²⁷⁵ Там же, л. 333.

²⁷⁶ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, п. 2, стр. 462.

²⁷⁷ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 46, л. 27; см. также «Былое», 1917, № 4(26), стр. 26—28.

²⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 487.

²⁷⁹ Там же.

По другому, не менее важному положению, затрагивавшему коренные интересы университетов,— о комплектовании профессорских коллегий — Делянову даже не удалось произвести разногласия. В Государственном совете он один защищал право министра назначать профессоров на вакантные кафедры. Все остальные члены Государственного совета предпочли порядок устаза 1863 г., считая, что правительство вполне может удовлетвориться правом утверждения. Большинство считало университет «более правоспособным судьей»²⁸⁰ в оценке достойного кандидата при замещении кафедры. Ссылаясь на редкость случаев в течение 20 лет административного назначения профессоров на вакантные кафедры, большинство указывало, что в результате предлагаемой системы «конкурс ученых на сокращение кафедр заменится частными ходатайствами, интригами и т. д.»²⁸¹.

Несмотря на свою полную изоляцию в Государственном совете, Делянов утверждал «самодержавные» права министра: «назначать профессоров на открывшиеся вакансии во всякое время, собственной властью... такое право непременно должно принадлежать министру народного просвещения как главному начальнику университетов, обязать его во что бы то ни стало при назначении подчиненных ему лиц спрашивать мнения самих же профессорских коллегий, также ему подчиненных, значило бы ставить главного начальника в зависимость от подчиненных ему властей»²⁸². Даже в проекте Толстого право рекомендации на профессорскую должность сохранялось за университетом.

Результатом обсуждения проекта в департаментах и в общем собрании Государственного совета были разногласия по следующим положениям: система экзаменов, назначение ректоров, деканов и секретарей факультетов, порядок замещения вакантных кафедр, программы преподавания²⁸³, распределение преподавания по годам или семестрам²⁸⁴, условия объявления курса не по предмету своей кафедры²⁸⁵, введение почасовой оплаты труда преподавателей (гонорар)²⁸⁶.

Большинство, пытаясь сохранить относительную самостоятельность советов в учебных делах, в выборе ректора и дека-

²⁸⁰ Там же, л. 663.

²⁸¹ Там же, л. 525.

²⁸² Там же, л. 524.

²⁸³ Речь шла о степени контроля за преподаванием. Меньшинство предлагало, чтобы программы после рассмотрения в совете утверждались в министерстве. Большинство считало целесообразным утверждение программ преподавания, составленных профессорами, со стороны факультетов.

²⁸⁴ Вопрос был тесно связан с разногласием об экзаменах.

²⁸⁵ Большинство считало необходимым условием согласия факультета, так как «факультетское собрание — распорядитель преподавания», а меньшинство отвергло это, так как «единственным хозяином и распорядителем в университете может быть только правительственное ведомство» (ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53, л. 676).

²⁸⁶ Это новшество, увеличивавшее плату за обучение для студентов, отстаивало меньшинство.

нов, допускало в то же время отдельные реакционные поправки к уставу 1863 г.²⁸⁷

В варианте, фактически предложенном в Государственном совете, проект имел вид не «коренного» поворота от реформы 1863 г., а скорее компромисса между ее статьями и проектом Толстого. В этом отношении показательным мнением, высказанным Александром III при докладе министра внутренних дел Толстого, «Государь выражал мысль, — записывал Половцов 3 декабря 1883 г. со слов Дурново, — что проектами Головинина и вел. кн. Константина Николаевича в Государственном совете намереваются исправлять лишь частями устав 1863 г., но что он признает необходимым издание нового устава и обещает в этом свою поддержку»²⁸⁸. Это послужило своего рода сигналом. Именно в начале 1884 г. Делянов выступил с рядом реакционных добавлений к первоначальному проекту. Возникли новые разногласия о назначении ректоров и деканов²⁸⁹, о гонораре²⁹⁰.

Предложения Делянова с постоянным назначением представителей профессорских коллегий министром, о назначении «сверху» профессоров на вакантные кафедры, о подборе состава экзаменационных комиссий свидетельствовали о стремлении полностью перечеркнуть реформу 1863 г., возвратив университеты к дореформенному времени, что было проявлением нарастания политической реакции.

«Законодательная» роль Государственного совета этим ограничилась. От верховной власти зависело, в каком варианте

проект станет законом. Ход обсуждения проекта, и особенно обстоятельства, связанные с превращением его в закон, проливают свет на личную роль Александра III. Впоследствии в либерально-буржуазной литературе его участие было извращено. Либерально-буржуазные историки, оплакивая участь русских университетов, изображали виновниками Толстого и Каткова, в результате «происков» и «интриг» которых был принят университетский устав 1884 г. Подобная трактовка событий, предшествовавших утверждению устава, содержится, например, у Б. П. Чичерина: «самые влиятельные противники нового устава, Бунге, барон Николай в это время были в отпуску. К совещанию [в Ропше. — Г. Ш.] были призваны трое из защитников проекта — Толстой, Делянов и всегда послушный им Островский, а противником его явился только одно лицо — обер-прокурор св. Синода. Понятно, как он возражал, и не мудрено, что после совещания государь сказал ему: «Вы видите, что все против вас: как же я могу с вами не согласиться?». Штука была сыграна, государь кругом обманут и новый устав утвержден во всей своей силе»²⁹¹ (подчеркнуто нами. — Г. Ш.).

В действительности при серьезной оппозиции проекту в Государственном совете Александр III откладывал утверждение в течение нескольких месяцев, что свидетельствовало о его колебаниях. Созыв совещания в октябре из представителей меньшинства и большинства Государственного совета²⁹² фактически отсрочил бы введение закона еще на год. Совещание в Ропше под председательством царя и по его выбору состояло из сторонников меньшинства, единственным представителем большинства был Победоносцев²⁹³. Вопрос об утверждении проекта был решен окончательно. Два дня спустя, 15 августа, Александр III официально утвердил мнения меньшинства по всем пунктам разногласий, а 23 августа был подписан указ Сенату о введении в действие устава с начала 1884—1885 учебного года в 6-ти университетах России²⁹⁴.

Неожиданная развязка после компромиссного решения об отсрочке была сюрпризом для многих членов Государственного совета²⁹⁵, в том числе и для председателя вел. кн. Михаила Николаевича.

²⁸⁷ Впоследствии А. П. Николай в письме А. В. Головинину от 19 августа 1884 г. сожалел о том, что «большинство в старания и надежде прийти к соглашению наделало слишком много уступок» (ОР ГБЛ, ф. 169, п. 61 № 43).

²⁸⁸ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II (1883—1886), стр. 152.

²⁸⁹ На первом туре обсуждения Делянов оказался в полной изоляции.

²⁹⁰ При подготовке к заседанию общего собрания сторонники проекта активизировали свою закулисную деятельность. В письме от 11 апреля 1884 г. А. П. Георгиевский призывал Каткова «спасти то, что может быть спасено, а именно: назначение ректоров и деканов с их секретарями от правительства и сохранение гонорара, без чего все пойдет вверх дном и произойдет невыразимая путаница и чепуха. Необходимо, чтобы разногласие было произведено перед внесением дел в общее собрание или же в нем самом и чтобы дело во всей чистоте дошло до высоты престола» (ОР ГБЛ, ф. 120, п. 20, № 221, л. 48). «Хотя, по-видимому, дело обставилось довольно благоприятно, — писал Любимов 4 июня Каткову, — но есть большое опасение, что если государь согласится в некоторых пунктах с меньшинством, в других, а именно об экзаменах, где лишь 13 голосов, согласится с большинством. Все будет спутано. Не уместна ли была бы Ваша записка именно в настоящее время» (ОР ГБЛ, ф. 120, п. 6, л. 31). В июле 1884 г. в письме Александру III о важности новой экзаменационной системы Катков доказывал существование ненарушимой связи между всеми частями проекта. «Лучше было бы отсрочить всю реформу, — писал он, — но не издавать закона недостаточного и бессильного» («Былое», 1917, № 4 (26), стр. 25). Столь же «убедительная» записка о ректорах и деканах была получена царем в начале августа.

²⁹¹ Б. П. Чичерин, Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901, стр. 40.

²⁹² ОР ГБЛ, ф. 169, п. 61, № 42; «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I (1883—1886), стр. 242.

²⁹³ Любопытно, что именно на этом совещании не без влияния царя Победоносцев склонился на сторону меньшинства. «К концу, — писал о совещании Любимов Каткову, — Константин Петрович высказался, что если два министра и бывший и нынешний так решительно ручаются за успех, надлежит, конечно, согласиться» (ОР ГБЛ, ф. 120, п. 6, № 31).

²⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., л. 53, л. 788.

²⁹⁵ См. письмо Головинина Милютину от 1 сентября 1884 г. (ОР ГБЛ, ф. 169, п. 61, № 43).

Утверждение проекта в редакции меньшинства соответствовало расстановке сил в начале 80-х годов. Наступление реакции проявилось при обсуждении проекта в Государственном совете, где наибольшей активностью отличались крайне правые сторонники самодержавия. Отсутствие значительной общественной силы для противодействия реакционному курсу отразилось на обстоятельствах превращения проекта в закон. Созыв Александром III узкого одностороннего совещания уже после рассмотрения проекта в Государственном совете не исчерпывался намерением «показать полное презрение к первому учреждению империи, дать ему некоторого рода публичную пощечину»²⁹⁶. Серьезность оппозиции проекту нельзя было скрыть крикливыми статьями «Московских ведомостей». «Нам кажется неправильным выражение, что государь император согласился с меньшинством, — заявлялось в передовой статье Каткова 29 августа. — Для самодержавного законодателя нет ни большинства, ни меньшинства в каком бы то ни было совете»²⁹⁷.

Переход правительства к реакционному курсу в начале 80-х годов совершался при острых столкновениях группировок в «высших сферах».

Провалилась попытка провести устав в обход Государственного совета. Не прошло в начале 80-х годов законодательство об отдаче студентов за «беспорядки» в солдаты. При обсуждении проекта в Государственном совете наметился принципиально иной подход к преобразованию университетов, нежели у Толстого и Делянова. В материалах Государственного совета мы не находим обвинений университетов в оппозиционности. Нет и следа таких доводов о «несостоятельности университетов», как «превратность мнений нашей так называемой интеллигенции» или определения студентов как «добычи крамольной пропаганды»²⁹⁸ и т. д. Доводя мысль Толстого о «неблагонадежности нынешнего состава профессорских коллегий» до логического конца, в Государственном совете считали, что в таком случае нужно «университеты закрыть», профессорам «уволить от должностей», а «не издавать новый устав»²⁹⁹. В журналах Государственного совета лишь глухо упоминалось о «случаях», свидетельствовавших об «отчуждении ученых собраний от правительства». В ходе обсуждения выдвинулся вопрос об оценке деятельности университетов России в пореформенный период. В заключении департаментов отдавалось должное достижениям университетов в области образования, в росте научных кадров, подчеркивался

такой положительный сдвиг, как «поручение университетского преподавания отечественным ученым»³⁰⁰. В Государственном совете иначе подходили к «коренному», «органическому» преобразованию университетов. Регламентация университетского строя «не разрешала вопроса об излечении наших университетов от присущих им органических недостатков»³⁰¹. Последние заключались в «невысоком общем уровне образованности страны и в отсутствии поэтому в юношестве охоты к учению и научным занятиям, а с другой — в фактической невозможности правильной постановки университетского преподавания, вследствие переполнения университетов учащимися и в то же время недостаточности как научных сил, так и учебно-вспомогательных средств»³⁰².

«Упрочение воспитательного начала в университетском образовании»³⁰³ разделялось всеми без исключения членами Государственного совета. Но даже в вопросе о студентах, умиротворение которых ни у кого не вызывало и малейших возражений, отсутствует резкий акцент на «дворянскую молодежь». Мотивы сословности и кастовости в высшем образовании, характерные для дворянских идеологов и отраженные в проекте Толстого — Делянова, не нашли выражения в материалах Государственного совета. Мелькавшие изредка пожелания о преобладании «имущих» среди студентов сами по себе отражали в искаженной форме буржуазный принцип. Государственный совет единогласно исключил такую архаичную статью, как требование денежного залога от поступающих в университет как свидетельство о состоянии платить за учение.

Наряду с этим очевидно, что высшее «законосовещательное» учреждение Российской империи при обсуждении проблем университетского образования отнюдь не проявило достаточно высокой ответственности и понимания важности решения этих вопросов для страны. Налицо подход к решению государственных задач как к серии административных мер, что не могло не проявиться в процессе реализации принятого закона.

Ход обсуждения проекта университетского устава и превращение его в закон свидетельствуют о том, что поворот к реакции отнюдь не представлял собою плавного процесса, как утверждалось это в буржуазной историографии. В отличие от буржуазных реформ 60-х годов, утверждение закона 1884 г. состоялось вопреки мнению преобладающей части правящих кругов, что было обусловлено реальным соотношением интересов различных слоев господствующего класса.

²⁹⁶ Б. Н. Чичерин. Россия накануне XX столетия, стр. 40.
²⁹⁷ «Московские ведомости», 29 августа 1884 г.
²⁹⁸ «Дополнительные соображения Делянова по вопросу об университетских испытаниях» (ЦГАИ СССР, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., л. 53, лл. 725, 730).
²⁹⁹ Там же, л. 629.

³⁰⁰ Там же, л. 538.
³⁰¹ Там же.
³⁰² Там же, л. 511.
³⁰³ Там же, л. 538.

УНИВЕРСИТЕТЫ В 1880-х — НАЧАЛЕ 1890-х ГОДОВ И УСТАВ 1884 Г.

1

Политика самодержавия в отношении университетов. Структура университетов

Буржуазные реформы 60-х годов начались с отмены крепостного права. «Возвратное» движение 20 лет спустя коснулось прежде всего печати и просвещения. Уже одно это свидетельствовало о «невозможности вернуть опять добрые, старые времена Николая I»¹. Устав 1884 г., открывший эпоху политической реакции, был встречен прессой как «первый органический закон нынешнего царствования»². Реакционные поправки к буржуазным реформам 60-х годов предпринимались до тех пор в виде отдельных дополнений или, как правила о печати 1882 г. в форме временных мер через Комитет министров. Устав был первым опытом пересмотра буржуазных реформ обычным законодательным путем. Не случайно устав вызвал у Каткова знаменитое восклицание: «Итак, господа, встаньте, правительство идет, правительство возвращается!.. Не верите?»³ «Правительство идет, — подхватил голос из революционного лагеря, — это значит идет полиция и чиновник... Правительство должно определять все и везде: в суде, в земстве, даже в печати... Самодержавие переводится на свой реальный язык: *бюрократия*, всемогущая, вездесущая, всезнающая, открыто ставится идеалом... в данных условиях России не до смеха. Перед нею не пропаганда, а заявление шайки, имеющей власть вешать, гноить по тюрьмам,сылать, конфисковать, отнимать отца у семьи, детей у родителей. Это идет действительно батыево полчище «возобновить» свое господство над несчастной страной»⁴.

Дворянско-полицейская политика правительства Александра III была направлена на предотвращение и подавление обще-

ственного недовольства в любой форме. Печать, земства, новые суды подвергались стеснениям. «Реакция восьмидесятых годов, — отмечал Г. В. Плеханов, — оставила от прогрессивных стремлений русской печати одни только более или менее сладкие воспоминания. Радикальные органы погибли, а либеральные моментально переменили тон»⁵.

Насаждение сословности и «патриархальности» выразилось и в укреплении общины путем ограничения семейных разделов. Ориентация правительства Александра III на дворянство была открыто провозглашена в 1885 г. на праздновании 100-летия жалаванной грамоты дворянству. В рескрипте Александр III выразил желание, чтобы «российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования»⁶. Опора на дворянство подчеркивала фальшь игры в «народного царя». Однако и в эпоху реакции внутренняя политика самодержавия не была однозначной. В своей экономической политике правительство Александра III осуществляло и требования буржуазии. Например, наряду с Дворянским банком был открыт и Крестьянский поземельный банк. На какие именно круги дворянства ориентировалось правительство, видно из отношения к другому юбилею.

Характерным для реакции 80-х годов было запрещение праздновать 25-летие отмены крепостного права. «Никаких 25-летних юбилеев не признавать, — указал Александр III, — и празднование их особенным образом запретить»⁷. Запрет распространялся не только на издание брошюр народного чтения и сочинений о крестьянстве, но и на печатание «даже известий, касающихся предстоящего дня 25-летия освобождения крестьян»⁸. Правящие круги опасались политического просвещения народных масс. Половинчатые буржуазные реформы предавались анафеме. «Пока жива Россия, — писал кн. Мещерский в «Гражданине», — нельзя будет произносить ни этих слов 19-го февраля, ни вызывать этого дорогого образа [Александра II. — Г. Ш.] без ощущения стыда и позора, — ибо за 19 февраля идет 1 марта! Следовательно, никогда, пока Россия жива, не может быть речи о празднике в честь 19 февраля»⁹.

Нападки на реформы были не случайны. С середины 80-х годов в правительственных кругах приступили к детальной раз-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. 24. М.—Л., 1927, стр. 162.

² «Московские ведомости», 29 августа 1884 г.

³ Там же.

⁴ «Вестник „Народной воли“», № 4, 1885, стр. 189—190.

⁵ Г. В. Плеханов. Внутреннее обозрение. — «Социал-демократ», 1890, кн. 2, стр. 62.

⁶ «Правительственный вестник», 21 апреля 1885 г.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамент полиции), 3 делопр., 1885 г., д. 609, л. 2.

⁸ Там же, л. 6.

⁹ «Гражданин», 22 февраля 1886 г.

работке проектов контрреформ земской, судебной и др. «Власть русских самодержцев, — указывалось в докладе Толстого Александру III от 18 декабря 1886 г., — и есть то основание нашего государства, к которому должны быть подведены и с которым должны быть связаны все органы управления... Самодержавная власть обладает зидительной силой, творческим духом, только те учреждения отличались устойчивостью и жизненностью, чрез посредство коих эта власть могла свободно и правильно воздействовать на народную жизнь»¹⁰. Земства и пореформенные суды вносили, по мнению Толстого, «расстройство» в государственную жизнь. Те же претензии высказывались в отношении университетского строя.

Разработка и осуществление контрреформ 80-х годов сопровождалась активным насаждением реакционной идеологии в просвещении и печати. Даже 1000-летие славянских просветителей Кирилла и Мефодия в апреле 1886 г. вылилось в торжество официальной народности и православия. Правительство превратило юбилей славянской культуры в чествование самодержавия, украшенного славянофильской «самобытностью». Другой стороной этой политики было преследование передовой общественной мысли. Например, по закону 5 января 1884 г. в публичных библиотеках и общественных читальнях запрещалось выдавать «опасные» книги. В их разряд попали произведения революционных демократов Добролюбова, Михайлова и Писарева. Реакция стремилась вытравить из памяти народа имена Герцена и Чернышевского. Ряд художественных произведений Достоевского, Золя, Лескова, Златовратского и др. был изъят из народного чтения. Не только исторические сочинения, например «История Великой французской революции» Луи Блана, но и научные исследования отстранялись от читателей. Опасения вызывало распространение марксистских произведений и работ по буржуазной политической экономии. К. Маркс, Прудон, Милль, Ласаль, Спенсер и Смит были под одинаковым запретом. И в 70-е годы изучение марксистских работ, как указывалось в письме Исполнительного комитета в Лондоне К. Марксу, считалось «признаком политической неблагонадежности»¹¹. Однако только в период реакции 80-х годов началось систематическое изгнание из библиотек, читален, университетских аудиторий имен величайших мыслителей. Профессорам запрещалось упоминать имя Маркса в лекциях даже в плане критическом. «Не удовлетворившись обеспечением университетов, — указывалось в листовке 1884 г. киевских студентов, — российский деспот со своей продажной сворой открыто ругается над самой наукой, изгоняя из всех библиотек, как развращающий элемент...

Милля... Маркса. Он со своей сворой задушил лучшие органы общественной мысли и самих мыслителей морит в тундрах и рудниках»¹².

Запрет произведений социалистической мысли отчасти объясняет, почему первые русские социал-демократические организации прилагали огромные усилия к их переводу и распространению. Стремление самодержавия сковать общественную мысль приводило к противоположным результатам. В библиотеках не выдавали книг Адама Смита, а в самые отдаленные уголки России проникали изданные революционерами марксистские произведения.

* * *

В плане общей идеологической реакции уставу 1884 г. отводилась важная роль. В уставе университеты как всегда именовались «императорскими». Причем подчеркивалось, что «это не должно быть простым титулом, но выражением идеи о государственном значении учреждения и о долге верноподданства»¹³. Стремлению насадить в университетах «верноподданнические» идеи были подчинены все положения устава. Под влиянием устава проходило развитие университетов в конце XIX — начале XX в. Впоследствии по его образцу было перестроено управление в Варшавском, Дерптском и в открытом в 1888 г. Томском университетах. «Подтягивание» высшей школы выразилось в распространении устава на ветеринарные институты, на Петровскую академию в Москве и др. К середине 80-х годов университеты были «реформированы». «Несомненные признаки значительного общественного отрезвления, — указывал после посещения университетов министр народного просвещения Делянов в докладе Александру III 14 ноября 1888 г., — путь, намеченный В. и в-вом в незабвенном манифесте 29 апреля 1881 г., становится действительностью»¹⁴.

В отличие от контрреформ конца 80-х — начала 90-х годов, последствия которых были частично парализованы социально-экономическими процессами в начале 90-х годов, осуществление университетского устава протекало в обстановке нарастания реакции.

Действительно ли университеты были возвращены к дореформенному строю, как это утверждается в большинстве буржуазных работ и некоторыми историками-марксистами, например М. Н. Покровским?

Даже в разгар реакции самодержавие не решилось реализовать все реакционные проекты. Университеты не были сокращены. Закон об отдаче студентов в солдаты за «беспорядки»

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 241, д. 51, лл. 13—14.

¹¹ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 427—428.

¹² Ф. Щерба. Отношение к Марксу киевского студенчества в 1884 г. — «Историк-марксист», 1941, кн. 6 (94).

¹³ ЦГИА СССР, ф. 846 (А. И. Георгиевского), оп. 1, д. 35, л. 9.

¹⁴ Там же, ф. 733, оп. 150, д. 384, л. 71.

не прошел. Партии крайних сторонников самодержавия не удалось превратить университеты России в оплоты привилегированного дворянства. Государственные экзамены, составлявшие «краеугольный камень преобразования», были заменены университетскими испытаниями, производившимися не при учебном округе, а в университете.

* * *

В уставе 1884 г. с наибольшей последовательностью были проведены реакционные принципы в вопросах управления. Остатки автономии университетов были уничтожены. Ученые советы и факультеты в вопросах управления были настолько скованы, что не могли своей властью перенести лекции с одного часа на другой. Сильно возросла роль попечителя. Он имел право созывать совет, правление, факультет и присутствовать на заседаниях (§ 7), назначать декана факультета (§ 24), «наблюдать» за преподаванием приват-доцентов (§ 111).

Замещение вакантных кафедр происходило или по утверждению министром избранника университета, или «по собственному усмотрению». Соединение, разделение и открытие новых кафедр, решавшиеся прежде факультетом с утверждения совета, по уставу 1884 г. утверждались министром. С уничтожением университетского суда инспекция соединила в своих руках судебную и административную власть над студентами. Студенты были поставлены в еще большую зависимость от администрации, чем при уставе 1863 г. Меры 1879 г. вошли в устав 1884 г. в качестве постоянных норм. Выговор, исключение из университета, арест и карцер — все это обрушивалось на студента при нарушении устава. Однако, если сравнить устав 1884 г. с проектами преобразования, выдвигавшимися в начале 80-х годов, то следует признать, что устав не удовлетворил полностью требования крайних реакционеров в университетском вопросе. И они не замедлили воспользоваться благоприятной для них обстановкой нарастающей реакции. Но прежде чем рассмотреть попытки административным путем провести меры, отвергнутые большинством Государственного совета, мы кратко остановимся на общем строе университетов.

В литературе до настоящего времени отсутствует полное представление о структуре университетов последней четверти XIX в., хотя некоторые общие сведения содержатся как в учебных курсах, так и в конкретных исследованиях по истории отдельных университетов. Анализ устава 1884 г., к которому мы перейдем, в силу этого приобретает определенный интерес.

Устав существенно изменил соотношение между различными институтами в университете, с одной стороны, и распределение обязанностей университетских инстанций и бюрократической власти (попечителя учебного округа, министра), с другой сто-

роны. Университетский совет, состоявший из всех профессоров университета, а в 80-е годы в большей степени факультет составляли реальную основу деятельности преподавателей и были объектом воздействия на них самодержавного правительства.

В каждом университете, как и прежде, было в основном четыре факультета.

Устав регламентировал объем преподавания на каждом факультете. На историко-филологическом факультете (при 12 ординарных и 5 экстраординарных профессорах) существовали кафедры философии; классической филологии; сравнительного языковедения и санскритского языка; русского языка и русской литературы; славянской филологии; географии и этнографии; всеобщей истории; русской истории; истории западноевропейских литератур; истории церкви; теории и истории искусств (всего одиннадцать кафедр).

Юридический факультет (11 ординарных и 4 экстраординарных профессора) располагал 12 кафедрами: римского права; гражданского права и гражданского судопроизводства; торгового права и торгового судопроизводства; истории русского права; государственного, международного, полицейского, финансового и церковного права; политической экономии и статистики; энциклопедии права и истории философии права.

Как уже отмечалось, отсутствовали кафедры истории важнейших иностранных законодательств, древних и новых, истории славянских законодательств, государственного права иностранных государств, преподавание на которых велось с 60-х годов. Преподавание востоковедения на факультете восточных языков Петербургского университета было поставлено достаточно широко и охватывало наряду с общей историей Востока санскритскую, арабскую, персидскую, турецко-татарскую, китайскую и маньчжурскую, монгольскую и калмыцкую, еврейскую, сирийскую и халдейскую, армянскую и грузинскую словесность. На факультете было 9 штатных преподавателей, из них 6 ординарных и 3 экстраординарных.

На физико-математическом факультете, где преподавали 12 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, полагались следующие кафедры: чистая математика, механика теоретическая и практическая, астрономия и геодезия, физика и физическая география, химия, минералогия и геология, ботаника, зоология, сравнительная анатомия и физиология, технология и техническая химия, агрономия.

На медицинском факультете предусматривалось 14 ординарных и 9 экстраординарных профессоров на 23 кафедрах.

Сначала из-за упразднения штатной доцентуры количество штатных преподавателей в университетах на время несколько снизилось. В уставе оговаривалось, что число профессоров может увеличиваться по мере надобности и наличия денежных средств, но последние были явно недостаточными.

Факультет состоял из декана и всех профессоров, преподававших на факультете, а также приват-доцентов, лекторов, лиц, обслуживавших учебно-вспомогательные учреждения при факультете (кабинеты, лаборатории, музеи и т. д.). Студенты, по уставу 1884 г., как «отдельные слушатели» оказывались вне университетской системы управления, подчиняясь инспекции.

Каждый факультет имел свое факультетское собрание¹⁵. Оно состояло из профессоров факультета под председательством декана. Младшие преподаватели: приват-доценты, лекторы — в него не входили. Но иногда на собрания приглашались лекторы для производства испытаний, а также временные штатные преподаватели в случае обсуждения вопросов, связанных непосредственно с их преподаванием (с совещательным голосом). Факультетские собрания решали большинство текущих учебных и научных дел: рассмотрение сочинений к изданию, выдача студентам выпускных свидетельств, медалей и почетных отзывов, рассмотрение отчетов преподавателей, назначение ежегодных заданий для написания студенческих сочинений, производство испытаний на ученые степени, полукурсовых испытаний, обязательных только для медицинского факультета, так как устав 1884 г. отменил их для учащихся других факультетов, состязательных — для получения стипендий и пособий, поверочных испытаний, необходимых для зачета полугодий и для допущения к практическим занятиям.

В решении всех учебных дел факультетские собрания обязаны были руководствоваться инструкциями и правилами, составленными в министерстве. Отные стипендии, не связанные с обязательством службы и тем самым весьма привлекательные для студентов, назначались по правилам, утвержденным министром (ст. 132).

Кроме дел, решавшихся окончательно, из факультета в совет передавалось значительное число учебных вопросов, а также ходатайства о назначении студентам стипендий и пособий. Совет по существу превращался в передаточную инстанцию по учебным делам между факультетом и попечителем. Назначение ректора попечителем еще более подчеркивало подчиненное положение университетских коллегий в конце XIX в. Даже составление учебных планов и распределение лекций и семинаров по неделям и часам, как отмечалось выше, факультет не мог решить своей властью¹⁶. Решения профессоров постоянно контролировались. Коллегия в 1884 г. лишилась самостоятельности в вопросах организации преподавания. Глава факультета, декан, не избирался профессорами как прежде, а назначался попечителем и утверждался министром (ст. 24). Секретарь факультета в

свою очередь назначался деканом по представлению ректора и утверждался попечителем (ст. 22).

Функции советов в 80—90 гг. были весьма ограниченными. Самостоятельное решение принадлежало совету лишь при утверждении ученых степеней от имени университета, при определении общего числа медалей, присуждаемых студентам, и т. д. Годовой торжественный акт совет мог назначить только с согласия попечителя. А избрание почетных членов университета, соединение и разделение кафедр, учреждение ученых обществ и другие жизненно важные для университетской корпорации дела поступали на утверждение министра народного просвещения (ст. 30). Все журналы заседаний советов просматривались попечителем.

Все это существенно меняло статут профессоров.

Стремление к бюрократической регламентации находилось в противоречии с ростом международного авторитета русских ученых, внесших своими открытиями существенный вклад в эпоху «пробуждения естествознания». Открытия Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева, П. Н. Лебедева и других не только вывели русскую науку на передовые рубежи, но и сделали ее неотъемлемой частью мировой науки.

В связях с зарубежными центрами университетам, естественно, принадлежала ведущая роль. Именно с последней четверти XIX в. университеты наиболее интенсивно осуществляли обмен литературой с заграничными научными центрами, реализуя свое право беспощадного провоза научной литературы без вмешательства цензуры. Например, одно лишь Общество испытателей природы при Московском университете в 1887 г. обменивалось трудами и поддерживало деловую связь с 97 обществами в России и 512 научными учреждениями 17 европейских стран¹⁷. Росту популярности русской науки содействовали курсы, прочитанные М. М. Ковалевским в Стокгольме, Оксфорде, Брюсселе и Чикаго, кружковая лекция К. А. Тимирязева в Лондоне, экспериментальные работы П. Н. Лебедева в Берлине и Страсбурге¹⁸, блестящие выступления русских ученых на многочисленных международных конгрессах.

Интенсивная деятельность русских ученых при научной направленности имела определенный общественный резонанс¹⁹. Университетские корпорации последней четверти XIX в. не стали замкнутыми кастовыми учреждениями.

¹⁵ «Отчет о состоянии императорского Московского университета за 1887 год». М., 1888, стр. 145.

¹⁶ «История Московского университета», т. I, стр. 277.

¹⁷ Мы имеем в виду широкую просветительную деятельность университетских преподавателей в организации выставок, экспедиций, публичных лекций и т. д.

¹⁵ ПСЗ-III, т. 4. СПб., 1884 г., № 2404.

¹⁶ Там же.

Проведение в жизнь устава 1884 г.
Влияние его на характер и организацию
преподавания в университетах

Не только организация, но и характер преподавания регулировались экзаменационными требованиями²⁰. Новая экзаменационная система вводилась через 4 года²¹ после принятия устава 1884 г., но она сумела заметно воздействовать на постановку преподавания с первых же дней. Экзаменационные требования выделяли «основные» предметы: чистая математика, анатомия, римское право и классическая филология, что наносило ущерб специализации при подготовке специалистов²².

Правительство стремилось использовать влияние на университетское преподавание для насаждения официальной идеологии в университетах. В этом отношении показательным, что единственным курсом, за который студенты не платили гонорара, было богословие. «Если серьезный естествоиспытатель не тратит своего времени на бесплодные умствования о происхождении материи, — указывалось в экзаменационных требованиях для юристов, — то и в юридической науке не приходится отыскивать начало своего начала, и притом перед слушателями, которые стеклись для приобретения знания»²³. Система, игнорировавшая требования специализации, построенная на регулировании правилами и инструкциями согласно с «видами правительства», неблагоприятно отражалась на преподавании. В записках преподавателей, направлявшихся в министерство народного просвещения, указывалось на необходимость открытия новых кафедр, изменения постановки преподавания (по кафедре детских болезней в Харьковском университете, на кафедре зоологии Новороссийского университета и т. д.)²⁴. Но большинство предложений наталкивалось на отказ. В университетах исторически сложились первые научные центры, очагами научных исследований служили лаборатории, обсерватории, ботанические сады, музеи и т. п. Так как основное первоначальное назначение университетов было учебное, то, естественно, научные исследования были личным делом ученых, долгое время предпринимались по инициативе отдельных профессоров. Однако к концу XIX в. такая кустарная организация уже не

²⁰ Они были составлены в министерстве в августе 1885 г. по комиссиям историко-филологической, юридической, физико-математической и медицинской.

²¹ По этому поводу возражал Катков (см. ЦГАОР СССР, ф. 556 (И. Д. Делянова), д. 441, л. 21—22).

²² «О порядке оставления молодых людей при университетах и командирования за границу для приготовления к профессорскому званию» («Циркуляр по управлению Киевским учебным округом», Киев, 1884, № 8).

²³ «Циркуляр С.-Петербургского учебного округа», 1885, № 11.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 384, лл. 28—54.

могла удовлетворять потребностей развивавшейся бурными темпами науки. Из личного дела отдельных талантов она с неизбежностью превращалась в дело огромной общественной и государственной значимости, требовавшее широкой и продуманной организации.

Правительство неприязненно относилось к попыткам объединения и сотрудничества ученых, вызванным самой природой научного исследования, и тормозило создание и оформление новых научных обществ. «Ассоциация русских естествоиспытателей и врачей», например, создавалась в течение полувека: в 1869 г. прозвучал впервые призыв о ее создании и лишь в 1910 г. была, наконец, получена официальная санкция. При этом следует учитывать, что научные общества как форма организации научной деятельности к концу XIX в. становились недостаточно эффективными. Специализация науки требовала все больших затрат на институты и лаборатории. На очередь вставал вопрос об освобождении хотя бы крупных ученых от преподавательской работы.

Предложения, исходившие от профессорских корпораций или отдельных ученых о создании новых научных обществ, тщательно «просеивались» в бюрократических канцеляриях. Определенная тенденция, косвенно свидетельствовавшая о враждебности развитию естествознания через научные общества, прослеживается в 80—90-е годы. Из научных обществ, получивших право на существование в конце 80-х — начале 90-х годов, явное преобладание было за обществами и кружками историко-филологического профиля. Достаточно перечислить их: Кружок любителей истории и археологии Крыма (4 мая 1883 г.), Московское пумизматическое общество (4 марта 1888 г.), Историко-филологическое общество при Новороссийском университете (21 декабря 1888 г.), Историческое общество при С.-Петербургском университете (18 октября 1889 г.), Неофилологическое общество при С.-Петербургском университете (28 октября 1889 г.), Новгородское общество любителей древности (12 ноября 1893 г.), Филологическое общество при Нежинском историко-филологическом институте (12 марта 1894 г.) и другие.

Интенсивную деятельность проявило в 80-е годы Русское историческое общество (29 апреля 1866 г.), которое пользовалось особым вниманием. Александр III лично присутствовал на его заседаниях. Члены дома Романовых покровительствовали историческим обществам, призванным историей прошлого поднять престиж правящей династии. Мы не касаемся здесь огромных заслуг исторических обществ по выявлению и публикации массы новых исторических документов, в исследовании прошлого.

Показательно, что непосредственно в университетах наибольшему стеснению подверглось преподавание на гуманитарных факультетах. Понижение теоретического уровня гуманитарного

образования сказалось в отношении к курсу философии. В 1849 г. кафедры философии в университетах были закрыты. При Александре III министерство народного просвещения изучение философии, например, на историко-филологических факультетах предоставило «собственной любознательности учащихся»²⁵. При уставе 1884 г. были исключены кафедры истории иностранных законодательств древних и новых и истории славянских законодательств. В эпоху «утверждения и охранения самодержавной власти от всяких ее посползновений» ознакомление студентов с конституциями европейских государств было признано «неуместным». Энциклопедия и философия права, общее государственное право попали в разряд «необязательных» предметов. Основным курсом для юристов стало римское право²⁶. Узость постановки юридического образования, сосредоточение преподавания на римском, церковном и торговом праве вызвали возражения крупных юристов Янжула, Романовича-Славянского и ряда других²⁷.

Принцип неограниченного самодержавия должен был определять содержание профессорских лекций. «Монарх дает России законы, — указывалось в экзаменационных требованиях юридической комиссии, — а в договорных отношениях состоит только к чужеземным властям. От него исходит всякая власть как в порядке управления, так и суда»²⁸. Насажение в университетском преподавании идеи самодержавия, православия и народности перекачалось с политическим курсом правительства Александра III.

Наибольший ущерб был нанесен историко-филологическому образованию в университетах. Устав 1884 г. отменил деление историко-филологических факультетов на три отделения: историческое, славяно-русское и классическое. Министерство, ссылаясь на недостаток учителей древних языков для гимназий, установило основными предметами для студентов в течение 4 лет древние языки, древнюю историю и мифологию. Выпускник факультета мог успешно окончить университет, не прослушав таких «необязательных» курсов, как история России, русский язык и литература, славянское языкознание. Историко-филологическое образование явно теряло свой общеобразовательный характер. Успех перестройки преподавания на историко-филологических факультетах означал бы окончательное утверждение классицизма в системе просвещения.

Займствование его из Германии было не случайным. Мнение о спасительности гуманистического образования против «гру-

бого материализма»²⁹ подкреплялось ссылкой на тенденциозный характер русской литературы.

Разложение «старого порядка» в России зашло слишком далеко, чтобы не противоречить принципу художественной правды русской классической литературы.

Оппозиционность русского критического реализма XIX в. отразилась в цензурных перипетиях многих выдающихся произведений отечественной литературы, в запретах их изданий для народного чтения, выдачи в читальнях, доступных демократическому читателю, и т. д. Русские писатели, по мнению директора департамента народного просвещения А. И. Георгиевского, «преследовали лишь одну цель — обличать и карать недостатки и пороки русского человека и современного им русского общественного и государственного строя. При такой социально-политической окраске всей русской литературы лекции учителей русского языка оказываются не только пустою и вздорною, но вместе с тем и вредною болтовнею»³⁰. Итак, ограничение преподавания русской литературы и отечественной истории было рассчитано на подавление в среде студенчества критики «общественного и государственного строя». В конечном счете самодержавие пыталось принизить роль университетов, из стен которых выходили учителя — просветители подрастающего поколения.

В печати перестройка преподавания на историко-филологических факультетах подвергалась критике. Осуждалось превращение университетского курса в повторение гимназического испытания на аттестат зрелости³¹. В профессорских кругах эта критика находила сочувственный отклик. Даже преподаватели «классики» выступали против преувеличения роли древних языков и истории³². В записке ректора С.-Петербургского университета Владиславлева осуждалась новая система³³. Декан историко-филологического факультета И. В. Помяловский признавал, что учебный план нанес «тяжкий удар правильному филологическому образованию в наших университетах» и представляет собой «насилование всей науки и ученых убеждений»³⁴. Они предлагали начинать специализацию с 5-го семестра по 4 отделениям: классической филологии, словесности, историческому и романо-германскому. В. О. Ключевский пола-

²⁵ А. Гезен. Мнения иностранных ученых о пересмотре университетского устава 1863 г. СПб., 1875.

²⁶ А. И. Георгиевский. О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., б/д, стр. 4.

²⁷ См. статьи К. К. Арсеньева («Русь», 1885, № 11; «Вестник Европы», 1887, № 10).

²⁸ См.: П. Никитин. Возражение на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., 1888.

²⁹ М. И. Владиславлев. В ответ на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., б. д.

³⁰ И. В. Помяловский. То же название. СПб., 1889, стр. 45.

²² «Циркуляр С.-Петербургского учебного округа», 1885, № 11.

²³ В 1886 г. при Берлинском университете были учреждены временные курсы римского права для подготовки русских профессоров. Они просуществовали до 1896 г.

²⁴ ЦГА СССР, ф. 733, оп. 149, л. 845, лл. 9, 214—217.

²⁵ «Циркуляр С.-Петербургского учебного округа», 1885, № 11.

гал, что факультеты будут вынуждены в своем преподавании отклоняться от учебного плана, в противном случае «факультет не будет давать цельного научного историко-филологического образования»³⁵. Перестройка историко-филологических факультетов имела следствием отлив студентов. В С.-Петербургском университете на этом факультете в 1884 г. было 263 студента, что составляло 11,5% общего числа студентов университета; в 1885 г.— 252 (11%), в 1886 г.— 224 (8,8%); в 1887 г.— 184 (8,9%)³⁶. На историко-филологический факультет Харьковского университета в 1885 г. поступило 26 студентов, в 1886 г.— 18, в 1887 г.— 10, в 1888 г.— 7³⁷. Нарушение нормального хода обучения в университетах вызвало сокращение числа специалистов с гуманитарным образованием.

Угроза дезорганизации учебной работы историко-филологических факультетов, отлив студентов, недовольство профессоров³⁸, выразившееся также и в открытой полемике, принудили министерство в 1889 г. восстановить прежний порядок преподавания. Изменение характера исторического образования было одним из главных доводов при пересмотре реформы 1863 г. Попытка правительства направить преподавание в русло подготовки учителей древних языков для гимназий потерпела провал, ударивший по системе классицизма в целом. Неудача перестройки преподавания на историко-филологических факультетах свидетельствовала о несостоятельности попыток «руководить» наукой, о бессилии самодержавия подчинить университетское преподавание узким утилитарным целям.

Несостоятельность бюрократического контроля за преподаванием

Новая экзаменационная система с целью отстранения советов и факультетов от контроля за занятиями студентов предполагала отмену курсовых экзаменов, замененных зачетами. Зачет, одно из положительных новшеств устава, в действительности был сведен к бюрократической формальности. Правила³⁹ предлагали профессору учитывать прежде всего прилежание и даже «доверчивую откровенность в ответах на вопросы по предметам преподавания»⁴⁰. Такие формы контроля были в свое вре-

мя отвергнуты в Государственном совете. Мелочная регламентация взаимоотношений профессоров и студентов открывала дверь формализму, шаблонному трудолюбию, лицемерию. Даже внутри министерских комиссий возражали против «сильнейшей регламентации со статьями, пунктами, подпунктами»⁴¹.

В либеральной печати регламентация, вводимая в университеты, подвергалась критике⁴². Зачет полугодий в таком виде просуществовал недолго. С 1889 г. были восстановлены обязательные полукурсовые испытания на всех факультетах⁴³. По единогласному мнению всех университетских советов, новая экзаменационная система оказалась «неудовлетворительной». Университеты к концу XIX в. требовали замены их «экзаменами в том виде, как они существовали при действии устава 1863 г.»⁴⁴.

Система гонорара, или почасовая оплата лекций⁴⁵, имевшая целью улучшить материальное положение научной интеллигенции, на практике вызвала всеобщее недовольство. Причиной было установление «сверху» обязательных курсов, отсутствие свободы преподавания и слушания. Более того, система гонорара явилась своего рода тормозом в дальнейшем развитии преподавания. Интересы расширения его объема, рост числа лекций приходили в столкновение с материальными возможностями студентов, так как влекли за собою увеличение гонорара. Трудно оценить вред этой системы в организации новых курсов, в расширении объема преподавания. Не была достигнута и практическая цель. При отсутствии свободы слушания студентов гонорар внос неравномерно в оплату труда преподававших обязательные и необязательные курсы, на многолюдных факультетах и на отделениях с узкой специализацией. «Профессора восточного факультета [восточных языков в С.-Петербургском университете.— Г. Ш.],— писал профессор Д. И. Багадей,— получили в среднем в 121 раз менее юристов! Разве это не извращение идеи гонорара»⁴⁶. На протяжении 80-х годов университеты высказывались за отмену гонорара и обязательных курсов⁴⁷. Профессора физико-математического факуль-

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 846 (А. И. Георгиевского), д. 16, л. 33.

³⁶ «Вестник Европы», 1888, № 11, стр. 470.

³⁷ «Краткий исторический очерк истории Харьковского университета», стр. 305.

³⁸ «Свод замечаний касательно предлагаемых изменений учебного плана и проектируемых правил о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях по историко-филологическому факультету» (ЦГИА СССР, ф. 846, д. 17, лл. 50—99).

³⁹ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1885, № 10.

⁴⁰ «Правила о зачете полугодий студентам императорских российских университетов», 23 августа 1885 г. (там же, 1885, № 10).

⁴¹ Письмо Любимова Каткову 26 октября 1884 г. (ОР ГБЛ, ф. 120, п. 6, № 31).

⁴² К. К. Арсеньев. Регламентация студенческих занятий и профессорских лекций.— «Вестник Европы», 1885, № 10.

⁴³ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1889, № 11.

⁴⁴ «Доклад комиссии, назначенной советом С.-Петербургского университета... об изменениях в уставе и правилах университетов». СПб., 1901, стр. 34, 37, 38.

⁴⁵ Студент, кроме суммы в пользу университета, вносил гонорар преподавателю — 1 руб. (у медиков 75 коп.) за недельный час.

⁴⁶ Д. И. Багадей. Экономическое положение русских университетов. СПб., 1914, стр. 30.

⁴⁷ «Мнение совета Московского университета относительно изменения действующей ныне системы гонорара» (ЦГИА СССР, ф. 846, д. 5).

тета С.-Петербургского университета предложили отменить его из-за «обременительности» для студентов⁴⁵. В начале XX в. университеты высказались за полную отмену гонорара⁴⁹.

«Свобода преподавания», декларативно объявленная в уставе 1884 г., сводилась к возможности для преподавателя объявить параллельный курс. На практике было мало случаев, когда приват-доцент объявлял курс в противовес курсу профессора. Идея «конкуренции» между преподавателями осталась несущественной, что объяснялось прежде всего относительной немногочисленностью ученых в университетах, а также установлением сверху обязательных курсов.

Приват-доцентура, введенная уставом 1863 г. и достигшая значительного развития в первые пореформенные десятилетия, на протяжении 80—90-х годов претерпела изменения. Прежде всего приват-доцентура расширилась вследствие упразднения штатной доцентуры. Преподавание молодых ученых контролировалось для «охранения слушателей от несогласного с достоинством науки преподавания»⁵⁰.

Университеты неоднократно указывали на необходимость развития приват-доцентуры. «Приват-доцентура при университетах,— указывал в 1888 г. Столетов,— может быть поставлена правильно и благотворно для науки только тогда, когда предоставление права чтения лекций и оценка деятельности приват-доцентов будут возложены всецело на факультеты»⁵¹. Получение звания приват-доцента «вопреки согласию факультета» вызывало протест со стороны историко-филологического факультета С.-Петербургского университета⁵². Значительный ущерб развитию приват-доцентуры нанесло установление обязательных предметов и ограничение спецкурсов согласно экзаменационным требованиям. Это вызывало тревогу в профессорской среде⁵³. «Ни одно из предположений устава относительно приват-доцента не оправдалось»⁵⁴.— указывалось в записке приват-доцента Московского университета И. А. Линиченко в 1889 г. «Положение приват-доцентов в наших университетах». Отсутствие свободы преподавания при обязательных курсах и бюрократическом контроле тормозило рост молодых научных сил.

Одним из основных требований, выдвинутых университетами к началу XX в., было восстановление научной степени кан-

дидата и должности штатного доцента⁵⁵. Университетские советы высказывались также в пользу контроля факультетов, а не попечителя за деятельностью приват-доцентов⁵⁶.

Однако приват-доцентура и в 80—90-е годы сыграла заметную положительную роль в формировании нового поколения ученых. «Приблизительно половина преподавателей Харьковского университета за рассматриваемый период [1884—1905 г.— Г. Щ.],— писал Бузескул,— питомцы этого же университета; большая часть их вышла из стипендиатов для приготовления к профессорскому званию [аспирантов.— Г. Щ.] и почти все они прошли через приват-доцентуру»⁵⁷. Для обеспечения преподавания в университетах в полном объеме при недостатке штатных преподавателей и незамещенности ряда кафедр министерство принуждено было фактически восстанавливать штатную доцентуру. «Большинство приват-доцентов в Харьковском университете,— писал В. П. Бузескул,— на всех факультетах, кроме медицинского, фактически заменяли профессоров и читали обязательные курсы по поручению министра, с вознаграждением, равным жалованью прежних штатных доцентов— 1200 руб. в год»⁵⁸.

Экономическое положение университетов в 80-х годах оставалось очень тяжелым.

Недостаточность материальных средств на содержание университетов, на улучшение учебно-вспомогательных учреждений и расширение преподавания была столь очевидной, что в Государственном совете штаты 1884 г. были признаны временными. Однако и в дальнейшем положение не изменилось. Штатные суммы по уставу 1884 г. (2 268 790) были увеличены по сравнению с уставом 1863 г. (2 123 691) всего на 145 099 руб.

По отдельным университетам штатные суммы распределялись следующим образом: С.-Петербургский— 311 050 руб., Московский— 409 570 руб., Казанский— 342 820 руб., Харьковский— 327 190 руб., Киевский— 332 070 руб., Новороссийский— 218 150 руб. Однако расходование этой незначительной суммы отразило процесс бюрократизации университетов. Более чем вдвое увеличивались затраты на содержание инспекции: по штатам устава 1863 г. отпускалось 44 860 руб., с 1884 г.— 93 940 руб. Попытка улучшить материальное положение преподавателей с помощью гонорара (ст. 129, 130) на практике не увенчалась успехом. Была увеличена пенсия профессорам за счет исчисления ее с полного оклада (с учетом не только жалованья, но и столовых и квартирных сумм). На вознаграждение приват-доцентов назначалось всего 60 000 руб.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, л. 386, лл. 43—44. Гонорар составлял в среднем 50 руб. в год для студента.

⁴⁹ См., например, «Доклад комиссии, назначенной советом императорского С.-Петербургского университета...», стр. 10—12.

⁵⁰ «Объяснительная записка...» (ЦГИА СССР, ф. 846, л. 35, л. 9).

⁵¹ ГИАЛО, ф. 14 Петроградский университет, л. 8980, св. 280, л. 10.

⁵² Там же, л. 5.

⁵³ См. там же; «Русь», 1885, № 11.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, л. 384, л. 65.

⁵⁵ «Доклад комиссии, назначенной советом С.-Петербургского университета...», стр. 21.

⁵⁶ Там же, стр. 22.

⁵⁷ «Краткий очерк истории Харьковского университета...», стр. 277.

⁵⁸ Там же, стр. 274.

Незначительность средств на развитие университетов становится еще более очевидной при сопоставлении расходной части государственного бюджета на 1884 г. В то время, как по Министерству народного просвещения отпускалось 19 686 693 руб., Военному министерству — 196 148 003 руб., т. е. в 10 раз больше. Содержание императорского двора обходилось почти в 5 раз дороже, чем 6 университетов. «Нашим ученым приходится завидовать средствам, какие предоставляются их иностранным собратьям»⁵⁹, — вынужден был признать Делянов в докладе Александру III 13 ноября 1888 г. На крайне стесненное положение учебно-вспомогательных учреждений указывал Н. А. Любимов⁶⁰.

На учебно-вспомогательные учреждения 6 университетов по расчету министерства требовалась сумма в 2 907 729 руб. Вопрос специально рассматривался в Государственном совете. 7 июня 1890 г. по высочайше утвержденному мнению Государственного совета на эти цели было ассигновано полтора миллиона рублей с распределением этой суммы на 6 лет⁶¹.

Взывая к монарху об отпуске средств на учебно-вспомогательные учреждения, Делянов в мотивировках оставался верен заветам Каткова: «Важно не привлечение к высшему образованию большего числа лиц, а поставление избранного и способного меньшинства в условия, благоприятные для широкого развития талантов... Умственное вооружение нации так же требует средств и пожертвований, как и вооружение материальное, и так же, как это последнее, вызывается требованиями государственной пользы»⁶².

Поток записок профессоров, адресованных в министерство, рисует условия, в которых протекала научная деятельность русских ученых в университетах. Например, на курсе по физиологии на физико-математическом факультете С.-Петербургского университета по заявлению профессора И. М. Сеченова записалось в 4 раза больше студентов, чем позволяли помещение и средства лаборатории, не хватало препаратов и приборов для практических занятий⁶³.

Отсутствие постоянного помещения не позволяло «странствующему профессору» К. А. Тимирязеву развернуть перед студентами демонстрацию блестящих экспериментов. «Ничего не остается для приборов, новых минералов и для систематического

пополнения основной минералогической коллекции»⁶⁴, — указывал В. В. Докучаев. Просьбы профессора Фаминина об оборудовании ботанического кабинета⁶⁵, приват-доцента Киевского университета И. Тронцкого об открытии амбулатории для лечения детских болезней и множество других оставались, как правило, без ответа. В каждом ответе проявляется враждебность, равнодушие, непонимание тяжеловесного государственного аппарата. «Благодаря недостаточным штатам 1884 г., — указывал профессор Багaley, — русские университеты не могли в должной мере развить ни своей преподавательской, ни своей ученой деятельности, им всегда приходилось сталкиваться с недостатком средств на самые необходимые, неотложные нужды»⁶⁶. Все это тормозило специализацию и расширение объема преподавания, а также препятствовало развитию новых отраслей науки.

В последней четверти XIX в. бурный прогресс науки и техники в России разительно контрастировал с отставанием в сфере руководства ею со стороны государства. Близорукость политики царского правительства по отношению к университетам, не исключавшей показного покровительства в «духе времени», усугублялась тем, что она совпала с переломным этапом развития науки в мире, и в России в том числе.

Развитие естествознания на рубеже XIX и XX вв. привело к открытиям, которые коренным образом изменили не только прежние представления о природе, но и повлияли на характер науки, ее структуру, функции, общественную роль.

К концу XIX в. Россия занимала одно из первых мест по теоретической разработке многих отраслей естествознания благодаря работам Д. И. Менделеева, П. Н. Лебедева, А. Г. Столетова и др. Но развитие науки тормозилось отжившей системой ее организации. Сеть научных учреждений, сложившаяся в основном в первой половине XIX в., их внутреннее устройство и взаимоотношения к концу столетия уже не удовлетворяли потребностей науки.

В университетах не всегда находили место новые дисциплины. Число университетских кафедр не соответствовало потребностям дифференциации науки. Недоставало материальных средств на самые необходимые учебно-вспомогательные учреждения, на научные цели.

Деятельность русских ученых в сферах образования и научного исследования в 80—90-е годы, как мы отмечали, не пользовалась поддержкой государства. «История последних десятилетий, со второй половины XIX века, выяснила значение научной техники в государственной жизни, — писал позднее

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 384, л. 82.

⁶⁰ Там же, оп. 226, д. 41, лл. 1—6.

⁶¹ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, стр. 624.

⁶² С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 624.

⁶³ ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, д. 7260, св. 167, л. 8. См. также письма Сеченова Н. В. Стасовой, 1889—1890 гг. (ОР ГПБ, ф. В. В. Стасова, 738, № 256, лл. 8—25).

⁶⁴ ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, д. 7260, св. 167, л. 14.

⁶⁵ Там же, л. 10.

⁶⁶ Д. И. Багaley. Указ. соч., стр. 9—10.

В. И. Вернадский, — по странному образом в государственной политике привыкли считаться с научной техникой, как с внешним, привходящим фактором, не зависящим в своем раскрытии от государственной деятельности»⁶⁷.

В новых условиях игнорирование жизненных интересов отечественной науки, тяжелое экономическое положение университетов порождали объективную возможность конфликтов и трений между корпорациями ученых, с одной стороны, и бюрократической властью, — с другой.

3

Положение профессоров в 80—90-е годы XIX в. Проявления оппозиционных настроений в коллегиях профессоров

Враждебная науке и интеллигенции политика царизма не могла не оказать влияния на сознание современников. «Угрожающее состояние отечественного просвещения, — читаем в «Записке о нуждах просвещения» 342 ученых, — не позволяет нам оставаться безучастными и вынуждает нас заявить наше глубокое убеждение, что академическая свобода не совместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование»⁶⁸.

Какие же сдвиги должны были произойти в профессорской среде, чтобы такая открыто выраженная оппозиция сменила относительно робкие в политическом отношении выступления прогрессивно настроенных профессоров последней четверти XIX в.?

Безусловно, основную роль в таком превращении сыграл революционный подъем в стране накануне первой русской революции.

Не последнюю роль в этом сложном процессе нарастания оппозиционности различных групп русской интеллигенции сыграли взаимоотношения научной интеллигенции с самодержавием, в частности университетских корпораций с бюрократически-чиновничьим аппаратом. Профессора университетов еще в XVIII в. благодаря существованию «Табели о рангах» занимали двойственное положение в иерархии Российского государства. Пра-

вительство рассматривало их прежде всего как чиновников на государственной службе с соответствующими каждому чину правами и обязанностями, окладами и т. д.⁶⁹ На состояние и состав преподавательских корпораций с момента их возникновения некоторое влияние оказывали права и преимущества по службе, льготы по воинской повинности и т. д. Но было бы ошибкой считать эти факторы определяющими в более позднее время развития капитализма.

При усложнении государственных функций в XIX в., особенно в пореформенную эпоху, самодержавному правительству было совершенно невозможно обойтись без интеллигенции, без высококвалифицированных специалистов, которых в России было сравнительно немного.

Развитие капиталистических отношений в стране, а также острая нужда в специалистах, в развитии образования привели в конечном счете к изменению общественной роли интеллигенции. Повысилась роль интеллигенции в целом. Что же касается профессоров, то хотя университетские советы и не получили автономии по уставу 1863 г., но они, как указывалось выше, чрезвычайно дорожили теми немногими правами, которые обеспечивали некоторую их самостоятельность в решении университетских дел. Однако самодержавие, не совместимое с независимостью убеждений, с гордостью настоящего знания, не смогло «ужиться» даже с крайне урезанной автономией университетских советов.

Устав 1884 г. изменил статут профессорской коллегии в сторону усиления влияния бюрократической власти. При открывшейся вакансии (ст. 100) от усмотрения министра зависело предоставить корпорации избрание кандидата или назначить любое лицо, имевшее степень доктора наук (как указывалось, реакционное меньшинство в Государственном совете пыталось даже от этого «ограничения» освободить действия министра). То же наблюдалось и с «перемещениями» по службе. Повышение экстраординарного профессора в ordinарные производилось министром по представлению попечителя (ст. 98). После 25-летней преподавательской работы дальнейшая деятельность профессора зависела полностью от усмотрения министра⁷⁰.

Обязательная процедура выборов сохранялась при присуждении ученой степени; но при этом правила испытаний на ученую степень утверждались министром.

Итак, преподавательский состав по уставу стал целиком определяться правительственной властью. В действительности дело обстоит сложнее.

⁶⁷ В. И. Вернадский. Очерки и речи, т. II. Пг., 1922, стр. 33.

⁶⁸ «Записка о нуждах просвещения». М., 1905, стр. 3. Записку предполагали огласить 12 января 1905 г. на банкете в честь 150-летия Московского университета. Банкет был отменен. Записка была опубликована в ряде газет. Ее подписали многие выдающиеся ученые — К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, И. П. Павлов, А. С. Фаминцын, А. А. Шахматов и другие. Впоследствии число подписей возросло до 1800.

⁶⁹ См.: С. В. Роздественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, стр. 420.

⁷⁰ По истечении 30-летней службы в учебном ведомстве профессор не включался в штаты.

Хотя избрание университетских профессоров решалось баллотированием (ст. 38), кандидат министра мог «провалиться» лишь при полном единодушии профессорской коллегии, как это было, например, при неутверждении П. П. Цитовича в 1884 г. в Невроосийском университете или юриста Л. Е. Владимирова в 1895 г. в Московском университете⁷¹. Разногласия, разъединившие профессоров, объясняют крайнюю редкость подобных случаев на практике.

На пути к «веселию» правительства в университетах встала вполне реальная и весомая преграда — прежде всего нехватка высокообразованных специалистов, порождавшая долгое время хроническую незамещенность кафедр.

Недостаточность образованных специалистов в стране объясняет, почему ни одно сколько-нибудь важное начинание правительства в хозяйственной, кодификационной, культурной областях не обходилось без профессоров. Они принимали самое активное участие на подготовительных этапах, выступая в заседаниях и работе не только ученых, но и государственных, административных комиссий. Сведения, содержащиеся в отчетах университетов и по Министерству народного просвещения, дают представление об этой деятельности. Ограничимся лишь некоторыми фактами за 1891 год. В этом году В. В. Докучаев принимал участие в комиссии по высшему сельскохозяйственному образованию в России и в особой комиссии Министерства государственных имуществ. Итогом работы комиссии была выработка проекта Почвенного института. Преподаватель Н. А. Кремлев участвовал в трудах редакционной комиссии по составлению гражданского уложения. Преподаватели А. А. Иностранцев и М. И. Коновалов вложили определенный вклад в деятельность комиссии при медицинском совете Министерства внутренних дел, созданной с целью пересмотра XIII тома свода законов.

Профессор А. И. Воейков работал в качестве члена совета и председателя метеорологической комиссии Российского географического общества⁷².

Подобные примеры можно умножить. Причем профессора не просто принимали участие в заседаниях комиссии, но их деятельность была весомым вкладом в работу всех этих институтов.

Деятельность профессоров в университетах внешне протекала в строго бюрократических рамках. Торжественные университетские акты, заседания ученого совета начинались с сообщений о правительственных поощрениях и наградах профессорам. Отчеты университетов и министерства буквально пестрят тако-

⁷¹ В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 191.

⁷² «Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1891 г.», стр. 60, 61 (далее — «Извлечение из всеподданнейшего отчета...»).

го рода сведениями, как, например, о пожаловании М. И. Владиславлеву ордена Анны I степени, о переводе в тайные советники профессоров А. Д. Градовского, Ф. В. Овсянникова, К. П. Патканова и в действительные статские советники профессоров Н. М. Коркунова, В. А. Лебедева, И. П. Минаева и других⁷³. Положение профессоров в качестве чиновников в университетах было закреплено в уставе 1884 г. и постоянно подчеркивалось на всех официальных церемониях. Это в свою очередь не могло не раскалывать профессорскую среду, развивая в ней карьеризм. Насаждение среди них обычных для полицейского государства взглядов на отношение университетов к государству не осталось бесследным. Бюрократические традиции сказывались даже в момент наивысшего революционного подъема в стране, когда во главе университетов фактически стали профессора. Их борьба со студенческими организациями привела в ряде случаев к закрытию университетов.

Определенный рост преподавательских кадров в пореформенную эпоху отмечали исследователи истории отдельных университетов⁷⁴.

Численность преподавателей на основе штатов высших учебных заведений и биографических словарей профессоров рассмотрена в работе В. Р. Лейкиной-Свирской⁷⁵. Но штаты долгое время не были доукомплектованы, а биографические словари по различным университетам представляют данные, не сопоставимые по времени. Автор стремилась установить общую численность научных кадров за длительный период времени.

Нас интересует динамика роста преподавательских кадров в период осуществления реакционной ломки университетского строя.

Как видно из табл. 5, в университетах наблюдался постоянный рост научных кадров, который тем не менее отставал от числа кафедр, предусмотренных штатами. В шести университетах по штату 1884 г. числилось 54 вакансии.

К концу 80-х годов произошла перегруппировка преподавателей по разрядам вследствие упразднения штатной доцентуры и расширения института приват-доцентов (к 1 января 1894 г. их число по 6 университетам достигло 321)⁷⁶. За счет приват-доцентов происходил и приток сверхштатных преподавателей. В отчетах университетов и Министерства народного просвещения

⁷³ Там же, стр. 61.

⁷⁴ См. «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования», стр. 195, 206; «Харьковский университет им. А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955, стр. 75; «Одесский университет за 75 лет (1865—1940)». Одесса, 1940, стр. 7; М. К. Корбут. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804—1929), т. II. Казань, 1930, стр. 150.

⁷⁵ В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 179, 181.

⁷⁶ «Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III». СПб., 1901, стр. 145.

Таблица 5

Количество штатных и сверхштатных преподавателей

Университет	Год *	Число преподавателей		
		Штатных	Сверхштатных	Всего
Петербургский	1881	74	23	97
	1885	71	32	103
	1894	52	103	155
	1904	59	131	190
Московский	1881	82	21	103
	1885	90	15	105
	1894	79	156	235
	1904	71	264	335
Казанский	1881	66	17	83
	1885	72	14	86
	1894	77	53	130
	1904	59	70	129
Харьковский	1881	75	6	81
	1885	69	9	78
	1894	70	66	136
	1904	75	85	160
Новороссийский	1881	41	8	49
	1885	36	14	50
	1894	51	28	79
	1904	71	47	118
Киевский	1881	64	13	77
	1885	63	19	82
	1894	78	51	129
	1904	75	76	151
Томский	1894	28	1	29
	1904	35	10	45
Дерптский	1881	63	7	70
	1885	57	4	61
	1894	60	8	68
	1904	64	23	87
Варшавский	1881	66	9	75
	1885	61	9	70
	1894	50	25	75
	1904	55	18	73
В 8 университетах	1881	531	104	635
В 9 университетах	1894	545	491	1036
В 9 университетах	1904	564	527	1091

* Мы берем за исходные данные 1881, 1885, 1894 и 1904 гг., которые позволяют показать динамику роста преподавательских кадров. В отчетах министерства и по отдельным университетам имеются данные и за промежуточные годы, но они, показывая постепенный рост числа преподавателей, не вносят в общую картину существенно нового.

лишь в самом конце XIX в. прекращаются жалобы на недостаток преподавательских кадров при незаемченности кафедр. Русская наука благодаря усилиям ученых сумела преодолеть все барьеры на пути к росту специалистов и быстрой подготовкой научной смены через приват-доцентуру обеспечила к началу XX века полнокровное учебное функционирование университетов. Очевидный прогресс университетов на научном и учебном поприщах был достигнут вопреки реакционным тенденциям в политике самодержавия.

Сторонники консервации дворянского сословия, как уже отмечалось, выступали против его дальнейшего роста за счет образованных представителей других сословий. Высшее образование облегчало получение чина, который открывал путь к дворянскому сословию.

Независимо от требований реакционного дворянства, вдохновлявшегося интересами сословного престижа, часть профессоров, например Д. И. Менделеев, также требовала «покончить с выдачей прав на чины»⁷⁷.

Ряд попыток пересмотра прав по образованию предпринимался во второй половине XIX в. Рассматривался этот вопрос и правительством Александра III. Однако оно не решилось на крутой поворот в своем традиционном курсе, который определялся дальнейшей бюрократизацией государственного аппарата и растущей в связи с этим потребностью в чиновниках. По решению Государственного совета в связи с принятием университетского устава в августе 1884 г. права и преимущества окончивших университетский курс оставались в силе. Государственный совет подтвердил право доктора наук на чин VIII, а магистра — IX класса, получившего диплом I степени — X класса, а II — XII класса «впредь до разрешения общего вопроса о служебных правах по образованию» (он так и не был разрешен)⁷⁸.

В этом решении отразилась буржуазная по своему объективному содержанию тенденция в правительственной политике, лишь приглушенная в разгар реакции 80-х годов. Эта сторона устава 1884 г. имела значительные реальные последствия. Сохранение прав и преимуществ по образованию содействовало дальнейшему притоку в корпорацию ученых разночинцев, что отразилось на составе корпуса преподавателей⁷⁹. Анализ послужных списков штатных преподавателей за 1904 г., 20 лет спустя после принятия устава 1884 г. (несмотря на еще большую условность данных по сословиям), позволяет судить об основных тенденциях изменения социального состава университетских преподавателей. Из 545 послужных списков преподава-

⁷⁷ Д. И. Менделеев. Собр. соч., т. 23. М.—Л., 1952, стр. 141.

⁷⁸ ПСЗ-III, т. 4, № 2404.

⁷⁹ Имеются в виду штатные преподаватели.

телей в 14 нет сведений о сословном происхождении, так что мы исходим из данных о 531 преподавателе:

Сословие	Число	Процент
Из дворян	209	39,3
Из потомственных почетных граждан *	15	[2,8
Из духовного звания	111	20,9
Из чиновников и обер-офицеров	91	17,1
Из купцов	28	5,2
Из мещан	42	7,9
Из крестьян	12	2,2
Прочих	24**	4,5

* Кроме личных дворян в эту рубрику включались и представители купечества.

** Из них семью 21 иностранца.

Образованные представители либеральной и демократической буржуазии, т. е. разночинцы, составили 173 человека (32,5%). 284 преподавателя (53,3%), т. е. свыше половины всего состава, не принадлежали к дворянскому сословию (группу потомственных почетных граждан, т. к. мы не знаем точно соотношения внутри нее представителей личного дворянства и купечества, в данных подсчетах не учитывали).

Все это дает представление о социальном составе и классовом характере университетской интеллигенции конца XIX в., подтверждая ленинскую характеристику: «...Русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной»⁸⁰.

Сословное происхождение и материальное положение профессоров (более подробно по отдельным университетам мы рассмотрим ниже), не могут дать исчерпывающего объяснения политической позиции университетских корпораций в каждом случае. Их оппозиционность определялась не только преобладанием в их составе буржуазной интеллигенции, но также политическим гнетом самодержавия.

Противопоставление бюрократии профессорским коллегиям легло в основу устава 1884 г., но на практике правительство, уничтожив внешнюю форму самостоятельности советов, не сразу приступило к смене ректоров и деканов, возглавлявших, по мнению Д. Толстого, «оппозицию» в университетах. В 1884 г. почти все прежние выборные ректоры оставались на своих местах⁸¹. Лишь ректор Харьковского университета Г. М. Цехановецкий был заменен И. П. Щелковым. В 1885 г. при негласном следствии по поводу лекций Цехановецкого ему было поставлено в упрек изложение в курсе политэкономии теории К. Маркса.

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 441—442.

⁸¹ Доклад Делянова Александру III 14 сентября 1884 г. «О назначении ректоров императорских российских университетов», ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, л. 823, лл. 59—64.

Даже критического разбора учения К. Маркса оказалось достаточно для обвинения Цехановецкого в «неблагонадежности». «Если такому горестному заподозриванию подвергся последний выборный ректор из достойнейших престарелых профессоров, — писал В. П. Бузескул, — то тут сказалась участь всего университета, профессуры и науки в смысле открывшегося бесконечного простора для их стеснения и осуждения»⁸².

После 1 марта 1887 г. ректором Петербургского университета был назначен правительством М. И. Владиславлев, предложивший незадолго до этого крутые меры по «оздоровлению» университета и изменению состава студенчества⁸³. Коронный ректор, назначенный без участия университета, был крайне непопулярен. «Между назначенным правительством ректором Петербургского университета Владиславлевым и профессором, — писал В. В. Берви в своих воспоминаниях, — шла нескончаемая война»⁸⁴.

Состав деканов, избранных прежде университетскими коллегиями, при введении нового устава не изменился. Оставление выборных ректоров и деканов вызывалось отчасти и опасением протеста и демонстраций, как было, например, с утверждением декана медицинского факультета Московского университета Н. В. Склифосовского. Во время празднования в Киеве 50-летнего юбилея университета св. Владимира Склифосовский выступил на официальном обеде с осуждением устава 1884 г. Делянов отказался его утвердить⁸⁵. «Неутверждение Склифосовского, — с тревогой писал попечитель Московского учебного округа Капнист Делянову 15 сентября 1884 г., — страшный удар для меня и для университета... будет скандалом не только на весь университет, но и на всю Москву»⁸⁶. Это соображение было принято во внимание, и в ответной телеграмме Делянов сообщал: «Склифосовский будет утвержден. О бестактном тосте сообщу»⁸⁷.

Усиление «правительственного влияния» в университетах было одной из основных задач устава. В действительности бюрократический контроль за преподаванием в университетах, подчинение советов и факультетов министру и попечителю привели к противоположным результатам. «Устав 1884 г., — отмечал Капнист, — имевший прежде всего в виду усиление власти в университетах, лишил ее в сущности прочной опоры и повел в конце концов к полной дезорганизации университетов»⁸⁸.

⁸² «Краткий очерк истории Харьковского университета...», стр. 242.

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 677, д. 588, лл. 1—9.

⁸⁴ Н. Флеровский [В. В. Берви]. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III [London], 1897, стр. 452—453.

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 831, л. 4.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 556, д. 160, л. 2.

⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 823, л. 58.

⁸⁸ П. Капнист. Университетские вопросы. СПб., 1904, стр. 30.

Положение в университетах в 80-е годы свидетельствовало о непрочности при самодержавии свобод, которые либералы считали вечным завоеванием реформ 60-х годов. С особой силой это сказало в преследовании передовых ученых⁸⁹.

В преследовании известных, прогрессивно настроенных профессоров проявилась определенная враждебность самодержавия передовой науке. Научная мысль рассматривалась как источник смут в университетах. Травля профессоров, открыто одобрявшая реакционной прессой, началась с переходом правительства к реакционному курсу в 1882 г., еще до введения устава.

В середине 1882 г. профессора Новороссийского университета И. И. Мечников, А. С. Посников и В. В. Преображенский вынуждены были уйти в отставку из-за нетерпимой обстановки, создавшейся вокруг них. Преследования передовых профессоров были инспирированы «сверху». Об этом свидетельствует письмо попечителя Одесского учебного округа Лавровского Делянову о «благополучном» увольнении выдающегося русского ученого И. И. Мечникова. «В течение 2-летнего моего попечительства в Одессе,— указывалось в письме от 7 июня 1882 г.,— во главе, хотя часто и искусно прикрытой, всех волнений среди студентов, равно и всех столкновений, бурных сцен, раздоров и непорядков в советских заседаниях [в заседаниях ученого совета.— Г. Щ.] являлся г. Мечников»⁹⁰. Мечников вынужден был покинуть Россию. Посников вернулся к преподаванию лишь через 17 лет.

Устав 1884 г., лишивший ученый совет влияния и наделивший огромной властью попечителя и министра, узаконил отстранение ученых бюрократическим путем. Многие крупные ученые покинули университеты⁹¹. «Освободительная реформа Каткова,— с горечью отмечалось в «Общем деле»,— действительно освободила Россию от науки»⁹². Как правило, среди удаленных от преподавания профессоров были не только ученые передового направления, но и консервативно настроенные сторонники университетской автономии. «В младшем, сравнительно, поколении профессоров,— указывал Делянов в докладе Александру III в 1888 г.,— можно встретить более готовности пойти навстречу желаниям правительства, чем в поколении их предшественников, привыкших к порядкам прежнего времени»⁹³.

Репрессиям подверглись прежде всего профессора, наиболее активно участвовавшие в конституционном движении. За «вред-

ное направление мыслей» был уволен профессор Московского университета, впоследствии председатель первой Государственной думы, С. А. Муромцев. Профессор кафедры римского права, он возглавлял Московское юридическое общество и был редактором его органа «Юридический вестник», принимая участие, как и другие профессора, в земском движении. От профессорской деятельности Муромцев оказался отстраненным до 1898 г. Ему была поставлена в вину принадлежность к кружку московских конституционалистов. В совете Московского университета было выражено сожаление по поводу потери столь крупного юриста. Однако оно осталось без последствий.

В 1887 г. за конституционные идеи поплатился профессор Московского университета М. М. Ковалевский. Преподавание государственного права западноевропейских государств само по себе противоречило ортодоксальным теориям самодержавия. В статье «Самодержавие по-ученому»⁹⁴ были приведены студенческие конспекты лекций Ковалевского, в которых содержалась критика принципов неограниченного самодержавия. Доносы инспектора Брызгалова, происки Шебеко привели к увольнению Ковалевского. 6 июня 1887 г. ученый, которого К. Маркс называл одним «из моих „научных“ друзей»⁹⁵ по занятиям в Британском музее, вынужден был покинуть Россию. Мотивировка увольнения Ковалевского показывает, что репрессии в отношении профессоров при введении устава 1884 г. перерастают рамки обычного преследования свободы слова.

Удаление Ковалевского из университета было необходимо, по словам Делянова, «ввиду политического вреда, могущего произойти от преподавания этого профессора и его упорства в своем развращающем умы юношества направлении»⁹⁶. Изоляция от студенческой аудитории в первую очередь крупных юристов была не случайной в эпоху утверждения и охранения самодержавной власти от всяких на нее поползновений⁹⁷.

Попечитель В. М. Флоринский сумел создать в Томском университете нетерпимую обстановку для профессоров, в которых он «хотел видеть не ученых, двигающих науку, а обучателей». «Нелады» попечителя с такими видными профессорами, как Н. А. Гезехус, А. С. Догель, С. И. Коржинский, Э. Г. Салищев, С. И. Залесский, привели к тому, что некоторые из них вынуждены были уйти из университета⁹⁸.

⁸⁹ См.: С. Сватиков. Опальная профессура 80-х годов.— «Голос минувшего», 1917, № 2.

⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 17, л. 1.

⁹¹ См.: С. Сватиков. Опальная профессура 80-х годов, стр. 5—78; Г. Г. Менькович. Университетский устав 1884 г. и либеральная профессура 70—80-х гг. XIX в.— «Научные труды Краснодарского пед. ин-та. 103, 1969.

⁹² «Общее дело», № 90, октябрь 1886.

⁹³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 384, л. 80.

⁹⁴ «Русское дело», 6 декабря 1886 г.

⁹⁵ Письмо К. Маркса Н. Ф. Даниельсону 19 сентября 1879 г. («К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», М., 1967, стр. 397).

⁹⁶ Черновик письма Делянова вел. кн. Владимиру Александровичу (ЦГАОР СССР, ф. 556, д. 327, л. 1).

⁹⁷ См. Манифест 29 апреля 1881. ПСЗ-III, т. 1, № 118.

⁹⁸ А. И. Дмитриев-Мамонов. К истории первого Сибирского университета.— «Всемирный вестник», 1905, № 10; П. А. Зайченко. Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева за 75 лет, ч. 1. Томск, 1960, стр. 54—55.

Травля А. Г. Столетова в начале 90-х годов ускорила его кончину. Защита демократического студенчества во время волнений 1890 г. послужила поводом для отставки выдающегося русского ученого Д. И. Менделеева. Все это не могло не убеждать даже относительно консервативную часть интеллигенции во враждебности самодержавия любому проблеску независимости, незащищенности от бюрократического вмешательства даже чисто научной деятельности. «Даже чисто ученая и преподавательская деятельность не гарантирована от административного воздействия, — указывалось в записке 342 ученых в 1905 г., — на страницы истории высших учебных заведений до последнего времени приходится заносить случаи, когда профессора и преподаватели — и среди них нередко выдающиеся научные силы — усмотрением временных представителей власти вынуждаются оставить свою деятельность по соображениям, ничего общего с наукою не имеющим»⁹⁹.

Отстранение советов от влияния на университетское управление неблагоприятно отразилось на составе университетских коллегий. Например, положение об утверждении профессора в должности после 25-летней службы в 60—70-х годах университетские советы направляли против таких профессоров, как Н. А. Любимов и П. П. Цитович. При уставе 1884 г. министр пытался избавиться от «беспокойного элемента» в профессорской среде. Так, в 1898 г. было отказано в утверждении К. А. Тимирязеву, который был уволен «за выслугу лет». К. А. Тимирязев и до увольнения подвергался постоянным притеснениям. Так, в 1889 г. он получил выговор от министерства за неявку на лекцию 17 октября 1889 г., в день панихиды по Н. Г. Чернышевскому¹⁰⁰.

Зависимость приват-доцентов от бюрократического произвола проявилась, например, в прекращении преподавательской деятельности приват-доцента С.-Петербургского университета В. И. Семевского. «Мы, студенты С.-Петербургского университета, — указывалось в адресе, подписанном 309 студентами, — глубоко чувствуя утрату, понесенную в Вашем лице университетом и Вашими слушателями вследствие воцарения духа нового устава, берем на себя инициативу, ввиду молчания общества и прессы, выразить Вам наше глубокое и искреннее сочувствие, как честному русскому историку крестьян, для которого народное благо было самым заветным идеалом»¹⁰¹. В адресе выражено сочувствие общественным кругам «жертвам» университетского устава 1884 г., осуждение политики правительства.

Усиление влияния бюрократии при замещении вакантных кафедр, определение министром сверхштатных профессоров имели

следствием замену баллотировки ходатайствами. Иначе и не могло быть, так как бюрократия вообще находится под влиянием «происков и искательства». Сложилась обстановка, когда, как указывал Н. Х. Бунге в известной записке, «благорасположение чинов департамента, личная рекомендация имеют более веса, чем ученые труды»¹⁰². Например, совет Киевского университета предложил на должность профессора кафедры врачебной диагностики Леша. Однако министр назначил Афанасьева, что вызвало недовольство в университете. Ректор и некоторые профессора заявили о нежелании иметь в коллегии Афанасьева, который был известен им как «ловкий интриган»¹⁰³. О наличии закулисных влияний при замещении вакантных кафедр свидетельствует черновик письма министра народного просвещения Делянова от 29 ноября 1884 г. с обращением «Ваше императорское высочество» по поводу утверждения Афанасьева¹⁰⁴.

При осуществлении устава были так велики злоупотребления и бюрократический произвол, что Делянов признал в ноябре 1884 г., что при введении в жизнь устава «слухам, сплетням, инсинуациям нет конца»¹⁰⁵. Устав 1884 г. упразднял штатную доцентуру. Доценты по усмотрению министра народного просвещения переводились в экстраординарные профессора, назначались на вакантные кафедры или оставались «за штатом» в качестве приват-доцентов. В секретном циркуляре от 1 сентября 1884 г. указывалось, что при наличии нескольких доцентов одной специальности преподавание на кафедре следует поручить «надежнейшему»¹⁰⁶.

Переписка Делянова с Катковым отразила заботы о назначениях «благонадежных» преподавателей¹⁰⁷, о просьбах и ходатайствах, например, о назначении сверхштатным профессором Кузьмина по просьбе кн. Я. А. Долгорукова¹⁰⁸ и т. д.

В подборе преподавательских кадров, в распределении доцентов, увольнениях и назначениях профессоров правительство руководствовалось прежде всего политическими соображениями. «Упадок университетской науки в истекшие 5—7 лет, — констатировал Н. Х. Бунге в своей записке, — поразителен. Новые назначения не выдвинули доселе ни одной крупной научной силы»¹⁰⁹. Выяснением взглядов преподавателей занималось

¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, л. 5493, л. 142 об. Записка, содержащая политический обзор за 1881—1894 гг., была найдена в бумагах Н. Х. Бунге после его кончины.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 194, д. 52, л. 435.

¹⁰⁴ Там же, л. 480.

¹⁰⁵ ОР ГБЛ, ф. 120 (Каткова), п. 2, № 40а, л. 26.

¹⁰⁶ «О введении в действие нового устава 1884—1894» (ЦГИА СССР, ф. 846 (Георгиевского), д. 35, лл. 36—38).

¹⁰⁷ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 2, № 40а.

¹⁰⁸ Там же, л. 25.

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, л. 5493, л. 142 об.

⁹⁹ «Записка о нуждах просвещения». М., 1905, стр. 2.

¹⁰⁰ «История Московского университета», т. 1. М., 1955, стр. 357.

¹⁰¹ С. Г. Сватиков. Увольнение Семевского и петербургское студенчество — «Голос минувшего», 1916, № 12, стр. 233.

Министерство народного просвещения в тесном контакте с Департаментом полиции. Характерна переписка по поводу назначения доцента А. В. Клоссовского¹¹⁰ экстраординарным профессором Новороссийского университета. В ответ на запрос Плеве «о личности и политической благонадежности бывшего до 1880 г. приват-доцентом Киевского университета Клоссовского»¹¹¹ киевское жандармское управление сообщило, что он личность «весьма неблагонадежная в политическом отношении»¹¹² как украинофил и член совета «Громады». После длительной переписки между министерствами внутренних дел и народного просвещения Клоссовский был, наконец, утвержден. Мотивы его утверждения весьма характерны. «Подозрение Клоссовского в украинофильстве,— писал Делянов товарищу министра внутренних дел П. В. Оржевскому,— при настоящих условиях его служебной деятельности вдали от малороссийских утопистов, едва ли может сохранять свое значение и вызывать какие-либо опасения, тем более, что и самая специальность Клоссовского [физическая география.— Г. Щ.] не может, по характеру своему, дать повода к распространению украинофильских идей среди университетской молодежи»¹¹³. Последние слова объясняют, почему преподавательский состав гуманитарных факультетов претерпел наибольшие изменения. «Благонадежность» медиков и физиков волновала правительство гораздо меньше. Среди медиков Петербургского университета, например, работал бывший участник «хождения в народ» Н. Е. Введенский, который после трех лет тюрьмы по окончании университетского курса был принят в сеченовскую физиологическую лабораторию. В 1884 г. Н. Е. Введенский успешно защитил магистерскую диссертацию¹¹⁴.

Бесспорные успехи естественных наук в стране автор «Современной России» цинично объяснял и тем обстоятельством, что в математике, географии, геодезии и других областях знаний «трудно зафилософствоваться». В них «по крайней мере, мечтания не идут далее Восточной Сибири, с одной стороны, и небесных сфер, с другой»¹¹⁵.

Разрыв исторически сложившихся в русских университетах комплексов естественных и гуманитарных наук (при ведущей роли последних) не мог не сказаться отрицательно на просветительской роли университетов.

«Правительственное направление» было основным достоинством ученого в 80-е годы. Пренебрежение к научным заслугам

превратилось в своего рода систему. Известна резолюция Делянова по поводу увольнения М. М. Ковалевского о том, что «лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»¹¹⁶. В свете этой системы становится понятным утверждение профессором Киевского университета П. П. Цитовича¹¹⁷, который вследствие протеста широких общественных кругов вынужден был уйти из университета в конце 70-х годов. Апологет самодержавия, автор пасквиля на передовое русское общество стал в 80-е годы проповедником реакции с университетской кафедры.

Понижение научного уровня преподавания гуманитарных наук в университетах ощущалось прежде всего студенчеством, и оно активно протестовало. «Позор совершается у нас на глазах,— отмечалось в листовке студентов Харьковского университета,— университет обратился в какую-то биржу, где роль высоко стоящих акций играет тупоумие и поллость, а наука стала пирогом, к которому почти каждый из профессоров старается по мере возможности пристроить своего близкого человека, так что в скором времени у нас в университете вместо науки воцарится семейная идиллия»¹¹⁸.

Волнения студентов в Харьковском университете были вызваны назначением Буцинского экстраординарным профессором русской истории¹¹⁹. Только с принятием устава 1884 г. ходатайство Буцинского было удовлетворено в министерстве. Как утверждалось в студенческой листовке, «за отсутствием таланта наука берется штурмом с университетской полицией во главе»¹²⁰.

Однако на первых же двух лекциях студенты встретили новопришедшего профессора свистом — «единственной возможной формой протеста против наполнения университета бездарностями»¹²¹. «Министерство наполняет средние и высшие учебные заведения,— указывалось в листовке,— такими субъектами, как г. Буцинский, который постарается сделать науку такой, какая необходима начальству»¹²². На листовке против строк о призыве не посещать лекции Делянов написал: «И хорошо

¹¹⁶ С. Сватиков. Опальная профессура 80-х годов.— «Голос мнущего», 1917, № 2, стр. 42.

¹¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 733, оп. 194, л. 52, л. 401.

¹¹⁸ Там же, оп. 149, л. 825, л. 411.

¹¹⁹ См.: «По поводу волнений студентов Харьковского университета во время чтения лекции проф. Буцинского» (ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., 1885 г., л. 162).

¹²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 733, оп. 149, л. 825, л. 412.

¹²¹ «Свод заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции с 18 по 25 февраля 1885» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 168, 1885 г., л. 8, л. 67).

¹²² ЦГАОР СССР, ф. 733, оп. 149, л. 825, л. 412.

¹¹⁰ Впоследствии известный метеоролог, член-корр. Академии наук СССР.

¹¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 109 (Департамент полиции), 3 делопр., 1884 г., л. 320, л. 4.

¹¹² Там же, л. 5.

¹¹³ Там же, лл. 8—9.

¹¹⁴ «История Ленинградского университета. Очерки». Л., 1969, стр. 111.

¹¹⁵ «Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни», изд. 3, т. II. СПб., 1891, стр. 286.

сделают, а экзаменовать их будет Буцинский и дурно ответившим поставит «неудовлетворительно»¹²³.

Недоброжелательное отношение к прогрессивно настроенным русским ученым, подбор преподавателей с учетом только их политических взглядов вызвали бесспорное понижение уровня преподавания в университетах¹²⁴.

«Правительственная власть,— торжественно указывал Делянов в докладе Александру III¹²⁵,— ныне не отсутствует в университетах»¹²⁶.

Однако изгнание из университетов передовых профессоров, тенденциозный подбор преподавательского состава не установили в университетах «спокойствия и мира» по идеалу Каткова. Факты удаления от преподавания свидетельствовали как раз о провале попыток самодержавия превратить профессоров в послушных чиновников. На протяжении 80-х годов мы не наблюдаем сплоченных выступлений университетских советов, какие были характерны для периода второй революционной ситуации. Однако оппозиция в среде либеральной профессуры не исчезла, изменились только формы ее проявления. Университеты по-прежнему служили ареной выражения широкого общественного недовольства политикой самодержавия.

Борьба профессорских коллегий за независимость от бюрократической опеки не соответствовала отстаиванию рутинной кастовости университетских корпораций. Средневековые университеты с их привилегиями и цеховой замкнутостью канули в прошлое. Развитие буржуазных отношений наполняло новым содержанием старые формы. Оппозиционность профессоров гармонизировала с общим характером буржуазной эпохи.

Знаменательно, что голос общественного протеста против замалчивания реформ 60-х годов прозвучал именно в университете. В разгар реакции, когда правительство запретило даже упоминать о юбилее отмены крепостного права, профессор кафедры истории русского права Харьковского университета И. И. Дитятин «прочел студентам лекцию о значении 19 февраля в самом либеральном духе»¹²⁷. Дитятин был уволен из Харьковского университета.

¹²³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 825, л. 412.

¹²⁴ Следует учитывать и не всегда зафиксированные в документах запреты со стороны администрации чтения того или иного курса. Например, приват-доценту Казанского университета Н. А. Фирсову было запрещено читать курс по истории Поволжья (см.: М. К. Корбут. Указ. соч., т. II, стр. 142—143).

¹²⁵ Осенью 1888 г. министр народного просвещения лично посетил ряд университетов.

¹²⁶ Доклад Делянова 13 ноября 1888 г. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 384, л. 79).

¹²⁷ «Свод заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции с 17 по 24 февраля 1886 г.» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 168, 1886 г., д. 10а, лл. 107, 136).

В период волнений 1887 г. студенчество неоднократно обращалось к обществу, либеральной профессуре с призывами поддержать их протест против реакции¹²⁸.

Либеральные профессора в целом осуждали активные выступления студентов¹²⁹. Когда в разгар волнений 1887 г. студенты Казанского университета обратились к ним с просьбой поддержать студенческие требования к правительству, то ответом были лишь увещания в духе «науки для науки». «В этом храме чистой науки нет места беспорядкам, подобным настоящему,— заявил студентам декан медицинского факультета Щербаков.— Вы пришли сюда учиться и только учиться. В течение университетской жизни Вас должны поэтому занимать только чисто научные интересы, решать же интересы общественные Вы не призваны, да и не можете»¹³⁰. Однако профессора Московского университета поддержали одно из требований студентов: увольнение инспектора Брызгалова. «Я сочувствую студентам и их невольному негодованию по поводу бестактности и бесчестности их ближайшего начальника,— писал профессор Московского университета Н. Я. Грот Делянову,— студента Синяиского, конечно, следует наказать продолжительным, хотя бы 2-месячным арестом, а г. Брызгалова тотчас уволить. Если он останется..., то мы сами, профессора, можем очутиться в положении безвыходном, в положении, в котором для честного человека нет выбора между службою и отставкою»¹³¹. Депутация 9 профессоров Московского университета во главе с Гротом убеждала московского ген.-губ. В. А. Долгорукова в возможности прекратить «беспорядки», пока Брызгалов состоит инспектором. Несмотря на признание «заслуг» Брызгалова и возражения попечителя Московского учебного округа против его отставки, правительство из опасения развития волнений пожертвовало своим верным слугой. «Это была роковая ошибка,— сетовал Георгиевский,— которая решила участь не только Брызгалова, но, можно сказать, и самой инспекции. Она привела в уныние и деморализовала всю инспекцию»¹³². В отставке Брызгалова бесспорную положительную роль сыграла позиция либеральных профессоров.

¹²⁸ Листовка студентов С.-Петербургского университета «Русские граждане» от 1 декабря 1887 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1741 (Коллекция нелегальных изданий), № 27470; см. также: «К русскому обществу» с подписью «юг, январь 1888 г.»— там же, № 27474; «К профессорам» студентов Казанского университета от 2 декабря 1887 г.— там же, № 21790).

¹²⁹ Ввиду явно «неблагополучного» положения в университетах пресса нарушила молчание. На страницах «Русских ведомостей» и «Новостей» высказывались предложения о сенаторской ревизии университетов. Даже в газете «Гражданин» отмечалось «бездушное» отношение к молодежи, допускалась возможность отставки Делянова.

¹³⁰ А. И. Георгиевский. Указ. соч., стр. 212.

¹³¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 272, лл. 34—35; А. И. Георгиевский. Указ. соч., стр. 186.

¹³² А. И. Георгиевский. Указ. соч., стр. 186.

Одним из значительных оппозиционных выступлений в университетах в 80-е годы явилась лекция профессора Петербургского университета О. Ф. Миллера по поводу смерти Каткова. Катков был весьма непопулярен в демократических кругах, особенно в университетах. Выражением неприязни к нему служит тот факт, что в Московском университете не отслужили даже панихиды по Каткову, который был его почетным членом.

В противовес мнению официальной России и высокой оценке, которую дал Александр III деятельности Каткова, Миллер открыто осудил вождя реакции 80-х гг. Отказавшись изложить Делянову содержание своей лекции, Миллер опубликовал ее в печати. Стремления Каткова возвратить Россию к эпохе Николая I, созвучные политической реакции 80-х гг., по мнению Миллера, могли «только подрывать политическую мощь России, лишая ее голос в международных делах всякой силы и всякого веса и, таким образом, действовать в руку нашим врагам»¹³³. Обвинения в адрес реакции послужили поводом для удаления Миллера из университета. Сыграло роль также и то обстоятельство, что в 1882—1887 гг. профессор был председателем «Студенческого научно-литературного общества при С.-Петербургском университете», члены которого состояли в «Террористической фракции «Народной воли»».

Группа либерально настроенных профессоров Казанского университета в 1892 г. отмежевалась от «архиераславного и великодержавного» тона университетского адреса Казанской духовной академии по поводу ее 50-летия. И хотя большинством адрес все-таки был принят, протест не остался бесследным¹³⁴.

Как ни редки оппозиционные выступления профессоров в эти годы, они свидетельствовали о невозможности для правительства Александра III добиться с помощью университетского устава 1884 г. даже внешнего «затишья» в университетах.

Подавление свободы преподавания, преследования за убеждения, прямые доносы в условиях нарастания реакции в свою очередь питали оппозиционность в среде профессоров, втягивая в круг недовольных и до тех пор лояльно настроенные консервативные слои профессуры. Профессорская оппозиция усилилась к началу XX в.

Вернемся к цитированной нами «Записке о нуждах просвещения», где от имени 342 ученых высказывалось глубокое убеждение, что академическая свобода «несовместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование»¹³⁵. Таким стал

язык представителей относительно консервативной группы русской интеллигенции накануне бури. Несомненно первостепенная роль атмосферы всенародного революционного взрыва в таком превращении. Мы стремились проследить постепенные «количественные» изменения, которые временно вызвали отчужденность профессоров в отношении самодержавия, а также исследовать «механику», которая приводила в столкновение с правительством один из весомых слоев русской интеллигенции. Не вызывает сомнений, что ставка правительства на консервативность и кастовость профессоров-чиновников с помощью устава 1884 г., как явствует из приведенных фактов, оказалась битой.

Рассмотрим состав преподавателей на 1904 год, накануне первой русской революции, двадцать лет спустя после принятия устава 1884 г. В семи университетах в 1904 г. состояло 545 преподавателей¹³⁶, на 155 человек больше, чем в 1875 г.¹³⁷ Увеличение объясняется ростом научных кадров, а также созданием нового, Томского университета (1888 г.). Благодаря лучшей сохранности документации начала XX в. мы располагаем почти всеми формулярными списками (за исключением некоторых лиц, поступивших на службу в 1904 г. или находившихся в это время в заграничной командировке, о которых нам удалось обнаружить лишь часть интересующих нас сведений). Из 545 послужных списков в 19 нет данных по образованию, так что мы исходим из материалов о 526 лицах. Только пятеро (все они преподавали иностранные языки) имели среднее гимназическое образование (0,9%).

Большинство профессоров получили университетское образование:

Университет	Численность	Процент
Московский	123	23
С.-Петербургский	91	17,3
Киевский	55	14,5
Харьковский	54	12,6
Казанский	53	10,7
Новороссийский	31	5,8
Юрьевский	19	3,6
Томский	4	0,7
Варшавский	1	0,19

В семи университетах было 14 лиц (2,6%), имевших дипломы иностранных университетов (из них 3 — Страсбургского уни-

¹³³ О. Ф. Миллер. Славянофилы и Катков.— «Русский курьер», 1887, № 267.

¹³⁴ М. К. Корбут. Указ. соч., т. II, стр. 143.

¹³⁵ «Записка о нуждах просвещения», стр. 3.

¹³⁶ «Список лиц, служащих по Министерству народного просвещения, на 1904 год». СПб., 1904.

¹³⁷ «Список лиц, служащих по Министерству народного просвещения, на 1875 год». СПб., 1875.

верситета, 2 — Пражского, 1 — Гейдельбергского и др.). Русский филологический институт, созданный при Лейпцигском университете, не сыграл в полном объеме той роли, которая отводилась ему в планах насаждения классицизма¹³⁸. С.-Петербургский историко-филологический институт дал университетам четырех питомцев (0,7%).

Медико-хирургическую академию окончили 27 человек (5,1%), Военно-медицинскую академию — 18 (3,4%), Михайловскую артиллерийскую академию — 1 (0,19%)¹³⁹, Горный институт — 1 (0,19%), Рижское политехническое училище — 1 (0,19%). Значительно меньше среди преподавателей университетов было лиц, окончивших закрытые учебные заведения: лицей цесаревича Николая (Катковский) — 1 человек (0,19%)¹⁴⁰, Демидовский юридический лицей — 1 (0,19%), Ришельевский лицей — 1 (0,19%), Лазаревский институт восточных языков — 1 (0,19%). В университетах преподавали богословие и церковное право 18 выпускников духовных академий (3,4%).

Выпускники российских университетов (431, или 83,6%) по-прежнему преобладали в составе профессорского корпуса. Университеты в последней четверти XIX в. сыграли ведущую роль в росте отечественных ученых.

К концу века стала явственней тенденция укомплектования преподавательского состава университета его же собственными учениками. В большинстве университетов (за исключением Томского, где из 43 преподавателей только 3 были его выпускниками¹⁴¹) этот процесс нашел отражение: в Новороссийском соответственно — из 73 — 17 (23%); в Харьковском — из 95 — 41 (43%); в Киевском — из 86 — 36 (40%); в Казанском — из 69 — 36 (52%). Особенно явственно это проявлялось в столичных университетах: в С.-Петербургском из 77 преподавателей 50 (65%) окончили столичный университет; в Московском из 102 преподавателей 74 (72%) получили образование в его стенах¹⁴².

Возрастной состав преподавателей семи университетов России отражен в 534 послужных списках (в 11 нет сведений о возрасте) и распределялся следующим образом:

	Численность	Процент
До 35 лет	32	6
35—40 »	62	11,5
40—45 »	82	15,3
45—50 »	114	21,3
50—60 »	154	28,9
60—70 »	68	12,7
70—80 »	12	2,2
Свыше 80 лет	1	0,18

Итак, наибольшее число составляли преподаватели в возрасте от 40 до 60 лет (350, или 65%), и количественно преобладала возрастная группа от 50 до 60 лет — 154 (28,9%). Таким образом, рост числа преподавателей сопровождался заметным повышением среднего возраста (по сравнению с 1875 г.). Некоторой рутинности способствовало отсутствие новых вакансий — вакансии к концу XIX в. были фактически заполнены. Из 321 лица, послужные списки которых сохранились на 1875 г., 79, или 24,6%, продолжали свою деятельность в университетах в 1904 году. Мы далеки от однозначной оценки подобного явления в области науки, где эрудиция, знания приобретаются десятилетиями. В университетах с огромной творческой отдачей работали Н. Е. Жуковский (57 лет), Н. А. Умов (58 лет), И. В. Цветаев (59 лет), Д. Н. Анучин (61 год), В. С. Иконников, В. О. Ключевский (63 года) и ряд других ученых.

О национальном составе преподавателей, как уже отмечалось, мы можем судить по вероисповеданию. Из 545 послужных списков в 13 нет данных о вероисповедании, так что мы имеем данные о 532 преподавателях. Преобладали среди них русские. Православные составляли 440 чел. (82%). Выделить среди них украинцев, белорусов, православных евреев по фамилиям не представляется возможным. Лиц немецкой национальности, преимущественно выходцев из Прибалтики, было 54 (11%). К лютеранам относились, в частности, преподаватели Московского университета: историк В. И. Герье и астроном П. К. Штернберг (для социал-демократа, «красного звездочета» вероисповедание было по реальной значимости формальным). Применительно к большинству профессоров конца XIX — начала XX в. данные о вероисповедании наиболее существенны при определении национальной принадлежности. Католиков всего было 31, из них 28 — поляки (5,2%). Три преподавателя французского языка были французами по национальности (0,5%).

Представителей армяно-григорианской церкви было четверо (0,7%) (в их числе профессор Казанского университета кн. П. М. Аргутинский-Долгоруков — пример, лишний раз показывающий невозможность определения национальности только

¹³⁸ Только один его выпускник (0,19%) достиг профессорского звания — А. И. Сонин, преподававший в Киевском университете классическую филологию.

¹³⁹ Профессор химии В. Ф. Лугинин.

¹⁴⁰ Профессор классической филологии Я. А. Денисов (сын крестьянина).

¹⁴¹ Для Томского университета, открытого в 1888 г., это вполне естественно. Известно, что подготовка преподавательских кадров требует значительного времени.

¹⁴² Среди них были: П. К. Штернберг, Д. Н. Анучин, Н. Е. Жуковский, В. О. Ключевский, М. К. Любавский, С. Н. Трубецкой, Р. Г. Виппер, Н. А. Умов, М. А. Мензбир, П. И. Новгородцев, И. Х. Озеров — люди различной творческой биографии и политической ориентации, вклад которых в разные отрасли науки получил признание современников.

по фамилии). Англиканского течения протестантизма придерживались трое (0,5%)¹⁴³.

О социальном составе корпуса профессоров дает представление материал об их сословном происхождении, содержащийся в послужных списках. Для времени на рубеже XIX—XX эти данные еще более условны, ибо под напором капитализма сословные перегородки стирались, резко выступало классовое деление общества. Дворянство продолжало расслаиваться, часть его, не сумевшая приспособиться к новым капиталистическим способам ведения хозяйства, разорялась. Как мы уже отмечали, к концу XIX — началу XX в. в среде университетских преподавателей в целом наблюдался рост разночинских элементов.

Рассмотрим соотношение представителей различных сословных групп по каждому из семи университетов в отдельных. Наиболее разночинским по своему составу как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении был Томский университет. В Сибири, как известно, не существовало поместного дворянства, и в университете было 12 дворян, или одна четвертая часть преподавательской корпорации. Среди них (отметим это, забегая вперед) не было ни одного дворянина, который владел бы земельной собственностью. Представители дворянства, удельный вес которого в целом по всем университетам к концу XIX — началу XX в. сократился, сохраняли прежнее соотношение лишь в Новороссийском университете — 35 (48%) и в столичном университете — 35 (45,4%), затем следовали: Московский — 41 (40,1%), Киевский — 35 (40,7%), Казанский — 23 (33,3%), Харьковский — 29 (30,5%).

Стабильным и довольно высоким был процент выходцев из духовного звания: в Томском университете — 15 (35%), Казанском — 17 (24,6%), Киевском — 19 (22%), Новороссийском — 16 (22%), Харьковском — 19 (20%), Петербургском — 12 (15,5%), Московском — 13 (12,7%). Чиновный С.-Петербург уступал по соотношению в университетской корпорации детей чиновников и обер-офицеров — 12 (15,5%) Московскому университету — 18 (17,6%), Харьковскому — 23 (24,2%) и Казанскому — 13 (19%). Далее следовали Томский университет — 7 (16%), Киевский — 12 (14%) и Новороссийский — 6 (8,2%).

Меньшим по всем университетам был удельный вес представителей городских слоев. Детей купцов было: в Томском университете — 4 (9,3%), Петербургском — 6 (7,8%), Харьковском — 5 (5,2%), Киевском — 4 (4,6%), Казанском — 3 (4,3%), Новороссийском — 3 (4,1%), Московском — 3 (2,9%). Выходцев из мещан было: в Московском университете 13 (12,7%), в Казанском — 7 (10,1%), Петербургском — 7 (9%), Киевском — 7 (8,1%), Харьковском — 6 (6,3%), Томском — 1 (2,5%) и в Новороссийском — 1 (1,3%).

Трудность научной карьеры, требовавшей определенной материальной обеспеченности и свободного времени, объясняет малочисленность представителей крестьянства в университетской интеллигенции в абсолютном и относительном выражении. Их вообще не было среди преподавателей Петербургского и Казанского университетов. В Томском университете было 4 преподавателя из крестьян (9,3%), в Киевском — 4 (4,6%), Харьковском — 2 (2,1%), Новороссийском — 1 (1,3%), Московском — 1 (0,9%). В свою очередь это лишним раз подчеркивает классовое лицо высших слоев интеллигенции в конце XIX — начале XX в.

Сыном солдата был профессор детских болезней Киевского университета св. Владимира В. Е. Чернов, сыном прапорщика — библиотекарь этого же университета И. М. Каманин (он же занимался Центральным архивом¹⁴⁴).

Из крестьян были профессор теории и истории искусств Харьковского университета Г. К. Редин и профессор судебной медицины Московского университета П. А. Минаков.

Среди профессоров Томского университета крестьянскими сыновьями были: декан юридического факультета, профессор гражданского права И. А. Базанов, профессор римского права И. Г. Табашников и медики А. П. Коркунов и Н. А. Александров.

Из купеческого сословия происходили: физик П. Н. Лебедев, языковед А. И. Томсон, профессор истории русского права Киевского университета св. Владимира М. Н. Ясинский, профессор статистики Петербургского университета И. И. Кауфман, одновременно состоявший членом Совета Особого отдела Государственного дворянского банка, юрист М. Я. Пергамент, окончивший в 1890 г. Новороссийский университет и оставленный при университете с 1891 г.¹⁴⁵

Из мещан происходили: профессор Харьковского университета историк Д. И. Багалея, профессор Московского университета К. А. Андреев (директор Александровского коммерческого училища), П. И. Новгородцев, окончивший Московский университет в 1888 г. и долгое время преподававший в качестве приват-доцента, профессор финансового права И. Х. Озеров. Сыном фабриканта был профессор фармакологии Киевского университета св. Владимира Ю. П. Лауденбах¹⁴⁶.

Из духовного звания были профессора Московского университета М. К. Любавский, академик В. О. Ключевский, И. В. Цветаев — директор Румянцевского музея; Харьковского — профессор финансового права П. П. Мигулин, профессор-невропатолог Я. А. Анфимов; Новороссийского — профессор технической хи-

¹⁴³ Преподавателя английского языка англичанин Р. Р. Герд, гражданин США А. Г. Смит и профессор статистики И. И. Кауфман.

¹⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 123, д. 138, лл. 353—356.

¹⁴⁵ Там же, оп. 150, д. 953, л. 56; оп. 123, д. 138, лл. 188—190.

¹⁴⁶ Там же, л. 30.

ми: В. М. Петрнев, географ И. Л. Яворский, профессор русского языка и литературы В. Н. Мочульский; Киевского — профессора М. Ф. Владимирский-Буданов, медик И. А. Сикорский, профессор хирургии Томского университета А. А. Введенский.

Из дворянского сословия происходили профессора Московского университета: В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, Н. Е. Жуковский, С. Н. Трубецкой, В. Ф. Лугинин, директор Лазаревского института восточных языков В. Ф. Миллер; профессора Харьковского университета — В. П. Бузескул, Н. Ф. Сумцов, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Н. А. Гредескул; профессора Киевского университета св. Владимира — А. Н. Северцев, И. В. Лучицкий, В. С. Иконников, В. В. Антонович, М. В. Доннар-Запольский; профессора Томского университета — ректор М. Г. Курлов, Н. Ф. Кащенко и другие ученые.

Все преподаватели-дворяне Томского университета (12 человек) не имели вообще недвижимой собственности. Из преподавателей-дворян Харьковского университета у двух были родовые имения, у одного профессора было имение у родителей, у одного преподавателя родовое имение принадлежало жене. Таким образом земельная собственность была у четырех из всех 29 дворян (13,8%). Кроме того, три преподавателя имели дачи; семи — принадлежали дома; у жен двух профессоров были дома.

В Московском университете 30 преподавателей-дворян из 41 (73%) не имели недвижимой собственности. У трех имелись лишь дома, 10 человек владели имениями (из них трое кроме того были домовладельцами, и у жены одного профессора также было родовое имение). Итак, земельная собственность была лишь у четвертой части преподавателей-дворян этого университета (24%).

В Новороссийском университете из 35 преподавателей-дворян 6 (17%) располагали имениями (из них у одного имелись еще два каменных дома), 3 преподавателя были домовладельцами и жене одного профессора также принадлежал дом.

В Петербургском университете из 35 дворян лишь 5 были земельными собственниками (14%); причем у одного из них имение было заложено. Двое были домовладельцами (из них у одного преподавателя дом принадлежал жене).

Из 23 преподавателей-дворян Казанского университета лишь четверо (17%) обладали земельной собственностью; у одного из них был дом, у другого дом принадлежал жене.

Из 35 профессоров-дворян Киевского университета только семь (20%) имели земельную собственность (из них 1 был еще и домовладельцем), шести преподавателям принадлежали дома, а из домовладельцев двое имели еще и дачи. Состав преподавателей был по существу разночинским во всех университетах, даже в тех, где в абсолютных цифрах число дворян было значительным.

Рассмотрим соотношение представителей поместного и служилого дворянства в корпусе штатных преподавателей в целом на основе данных об имущественном положении всех профессоров-дворян. В семи университетах их было 210 человек. Сведения о родовой или приобретенной недвижимой собственности преподавателя, его жены, родителей содержатся в послужных списках 206 дворян¹⁴⁷. У двадцати преподавателей¹⁴⁸ собственность заключалась только во владении домом. У четырех профессоров дома принадлежали женам. У пяти профессоров (2,6%) имелись дачи. Родовая земельная собственность имела у 32 преподавателей-дворян (из них у трех имения были заложены). У четырех преподавателей родовой собственностью владели родители, у одного профессора родовая собственность была у жены. Приобретенная земельная собственность была у четырех человек. Земельной собственностью различных видов обладали 38 (7% всех преподавателей)¹⁴⁹.

Рассмотрим размер всех видов земельных владений (в дес.):

от 50 до 100 дес.	— 2 человека
от 100 до 300 »	— 11 »
от 300 до 500 »	— 5 »
от 500 до 1000 »	— 9*
от 1000 до 5000 »	— 4**
без указания размера дес. . .	— 7***

* Из них два заложено.

** Из них одно заложено.

*** Не отмечен размер имения В. И. Вернадского в Тамбовской губ.

Таким образом, крупных помещиков, владевших более чем 1000 дес., среди профессоров было всего пятеро. Характерно снижение удельного веса представителей поместного дворянства в среде университетских профессоров-дворян за двадцать лет с 25 до 18%. Тенденция вытеснения представителей поместного дворянства разночинцами составила одну из особенностей формирования русской интеллигенции в последней четверти XIX в., переплавлявшей представителей различных сословий

¹⁴⁷ Сведения не всегда точны. Например, удалось выяснить не отмеченный в послужном списке 1904 г. факт: профессор университета св. Владимира в Киеве В. Г. Демченко имел в совместном с другими наследниками владении родовое имение в Полтавской губ. (размер не указан) (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 121, л. 760, л. 948).

¹⁴⁸ Это составляет 9,6% всех преподавателей-дворян.

¹⁴⁹ Некоторые профессора были одновременно владельцами разных видов недвижимой собственности. Так, например, С. А. Муромцев имел два родовых имения во Владимирской губернии (12,5 дес. земли в Муромском уезде и 13 дес. в Гороховецком) и два приобретенных имения в Тульской губернии (880 дес. земли в Новосельском уезде и 200 дес. в Крапивенском). Кроме того, он был также владельцем двух домов в Москве на Арбате (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 121, л. 288, лл. 138—142).

капиталистической России. К университетской профессорской интеллигенции — одному из слоев буржуазной интеллигенции — можно отнести ленинскую оценку. Отмечая усиливавшееся к концу XIX в. расхождение двух исторических тенденций в общественно-политическом движении России — революционной демократии и либерализма, — В. И. Ленин констатировал: «Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедовавшей удовлетворение „культурной“ работой и чуравшейся революционно-го подполья»¹⁵⁰.

Среди буржуазной интеллигенции задолго до революции 1905—1907 гг. распространялись оппозиционные настроения и отношении самодержавия. Не последняя роль в этом беспорядке принадлежала уставу 1884 г., составившему одну из черных страниц самодержавного гнета над университетами.

Констатация реакционности политики царизма в области высшего образования, определение ее истоков, находившихся в плоскости борьбы с передовыми идеями и оппозицией профессоров, не исчерпывают проблемы. Мало сказать о бесплодности попыток вернуть университеты к дореформенной опеке. Важно другое. Подобная политика предпринималась в качественно других условиях и могла иметь для страны отрицательные последствия, которые и проявились в катастрофической форме во время первой мировой войны¹⁵¹.

Степня самостоятельность профессорских коллегий в организационном и учебном отношении, правительство с пренебрежением отнеслось к коренным нуждам очагов высшего образования и научного развития. Без значительных ассигнований со стороны государства научные центры не могли развернуть и полную мощь свою исследовательскую деятельность в новых условиях «эры естествознания» и научного прогресса.

4

Социальный состав и положение университетских студентов в 1880—1890-х годах. Студенческое движение

Участие студенчества в общественно-политическом движении 80-х годов приобрело особое значение. 1884—1890 гг. В. И. Ленин охарактеризовал как эпоху движения «разночинца»: «смещение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения при выдающейся роли учащихся и интеллигентов — вот классовая сущность тогдашних партий и тогдашнего движения»¹⁵². В студенческом движении 80-х годов отразились

¹⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 176.

¹⁵¹ См.: М. Е. Бастракова. Организационные тенденции русской науки в начале XX в. — «Организация научной деятельности». М., 1968, стр. 150—186.

¹⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 398. В книге В. Р. Лейкиной-Свирской приведены данные о числе студентов-революционеров, количество ко-

печения общероссийского масштаба. В эпоху «безыдейности и безыдеальности»¹⁵³, когда правительство укрепляло свои позиции, среди глубокого молчания общества студенчество активно боролось против реакции.

Студенчество, как мы уже отмечали, было относительно немногочисленной социальной группой в России последней четверти XIX в. (табл. 6). Однако влияние его на общественную

Таблица 6

Количество студентов и вольнослушателей по факультетам в девяти университетах (1884—1895)*

Года	Историко-филологический	Физико-математический	Юридический	Медицинский	Богословский	Восточных языков	Итого студентов	Вольнослушателей	Всего
1884	4039	2627	3105	4782	238	57	11 848	567	12 415
1885	1193	2584	3593	4459	200	76	12 105	834	12 939
1886	1224	2611	3977	4759	245	79	12 862	726	13 588
1887	1151	2728	4389	4944	224	87	13 520	393	13 913
1888	1058	2489	4231	4674	232	82	12 766	285	13 051
1889	885	2377	4047	4705	228	79	12 321	332	12 653
1890	729	2430	4068	4607	247	80	12 161	361	12 522
1891	662	2420	4173	4854	260	88	12 457	659	13 116
1892	634	2449	4464	4751	276	96	12 640	407	13 047
1893	643	2493	4774	4999	237	99	13 245	406	13 645
1894	691	2760	5047	5305	229	85	14 117	399	14 516
1895	694	2838	5103	5027	225	89	13 976	779	14 755
Итого	12 549	35 354	55 845	66 707	3138	1082	174 675	7205	181 880

* Таблица составлена на основании университетских отчетов за указанные годы. См. также «Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования Александра III». Приложения.

жизнь выходило далеко за рамки удельного веса в обществе. А роль студенческого движения в 1880-х — начале 1890-х годов в условиях политической реакции не может быть определена только мерками статистики.

Данные за десятилетие с 1884 г. по 1895 г. четко показывают динамику роста учащихся в университетах¹⁵⁴. Обращает на себя внимание обстоятельство, что количественный рост сту-

дентов хотя и снизилось по сравнению с 70-ми годами, тем не менее и в 1884—1890 гг. составляло 25,4% всех привлеченных к политическому образованию (см.: В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 317—318).

¹⁵³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 45.

¹⁵⁴ О числе студентов университетов (данные за 1880, 1885, 1890, 1895 годы) см.: В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 56, 58—59.

денчества не прекратился с введением устава 1884 г. Так, в шести университетах к 1 января 1886 г. училось 10 168 студентов. Через год число их увеличилось на 587 и достигло 10 755. Особенно острый рост наблюдался в столичных университетах: в Петербургском — на 245, в Московском — на 191¹⁶⁵. Лишь чрезвычайные ограничительные меры, принятые правительством в 1887 году, временно уменьшили число учащихся в университетах. Снизившись в 1888—1890 гг. (см. табл. 6), число студентов и вольнослушателей во всех университетах к 1894 году превзошло уровень 1887 года и продолжало расти.

Однако следует учитывать, что темпы этого роста значительно отставали от общей европейской нормы и далеко не удовлетворяли потребности в числе интеллигенции, спрос на труд которой увеличился в пореформенной России.

На первом месте по численности были медики и юристы, оставая далеко позади себя студентов гуманитарной специализации. Общая тенденция к изменению численности студентов по различным специальностям видна и из материалов по отдельным университетам, приведенных в табл. 7.

В 80—90-е годы сохранялся характерный разрыв между числом учащихся и количеством получивших выпускные свидетельства. Последние требовались только при поступлении на государственную службу. На протяжении определенного времени в университетах существовала двойная система экзаменов.

С введением в действие устава 1884 г. студенты получали выпускные свидетельства. По окончании университетского курса желающие подвергались экзаменам в испытательных комиссиях и получали дипломы I и II степени. В Варшавском и Дерптском университетах студенты экзаменовались не в комиссиях, а в факультетах, как и прежде, при уставе 1863 г., получая степень кандидата или звание действительного студента. Окончившие курс при действии устава 1863 г., но не сдавшие испытаний в прежние годы, экзаменовались также на степень кандидата и звание действительного студента.

Соотношение между выпускными свидетельствами образцов 1863 г. и 1884 г. менялось очень медленно. Действие новой экзаменационной системы вступало в силу через 4 года после введения устава 1884 г. Обратимся к данным выпусков 1888 и 1889 годов.

Выпуск 1888 года в 6 университетах (без медицинского факультета) состоял из 793 кандидатов, по историко-филологическому 130, по физико-математическому 270, по юридическому 383, по факультету восточных языков С.-Петербургского университета 10. Степень лекаря в четырех университетах — Московском, Харьковском, Казанском и Киевском — получил 524 чел.

¹⁶⁵ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1886 г.», стр. 26.

Таблица 7

Число студентов в университетах по факультетам и разрядам в 1881 г. и 1894 г.*

Университет	Год	Историко-филологический	Юридический	Физико-математический		Медицинский	Восточных языков	Всего студентов	Число вольнослушателей	Всего
				математика	естествознание					
Петербургский	1881	230	776	423	556	—	42	2 027	128	2 155
	1894	187	1462	494	536	—	89	2 768	36	2 804
Московский	1881	190	451	254	138	1397	—	2 430	74	2 504
	1894	266	1530	346	480	1284	—	3 906	212	4 118
Казанский	1881	66	107	67	35	501	—	776	50	826
	1894	32	186	42	71	420	—	751	34	785
Харьковский	1881	70	110	58	76	507	—	821	116	937
	1894	43	330	76	56	770	—	1 275	35	1 310
Киевский	1881	134	173	114	65	781	—	1 264	70	1 334
	1894	53	942	120	212	986	—	2 313	104	2 417
Новороссийский	1881	53	141	64	116	—	—	374	48	422
	1894	46	248	92	117	—	—	503	14	517
Томский	1894	—	—	—	—	397	—	397	14	411
Варшавский	1881	42	289	117	46	509	—	1 003	29	1 032
	1894	27	310	40	61	454	—	892	103	995
Юрьевский **	1881	160	208	37	51	551	—	1 164	—	1 164
	1894	40	95	20	75	716	—	1 171	227	1 398
Во всех университетах	1881	945	2255	1131	1083	4246	42	9 859	515	10 374
	1894	694	5103	1230	1608	5027	89	13 976	779	14 755

* См. там же, Приложения, стр. 12—13.

** В Юрьевском университете в 1881 и в 1894 гг. учились на богословском факультете соответственно 157 и 225 студентов. Дерптский университет с 1893 г. стал именоваться Юрьевским.

В Дерптском университете со степенью кандидата окончил 61 лицо (по историко-филологическому 13, по физико-математическому 10, по юридическому 31, по богословскому 7). Степень лекаря получили 76 человек.

В Варшавском университете степень кандидата получили 30 лиц (по историко-филологическому 4, по физико-математическому 9, по юридическому 17). Со степенью лекаря окончили 68 человек.

Степени действительного студента были удостоены в 6 университетах 663 чел. (по историко-филологическому 77, по физи-

ко-математическому 137, по юридическому 443, по факультету восточных языков в С.-Петербургском университете 6). В Дерптском университете степень действительного студента получили 53 (20 — по богословскому факультету, 11 — по историко-филологическому, 5 — по физико-математическому, 17 — по юридическому).

В Варшавском университете со степенью действительного студента выпущено 83 (по историко-филологическому 13, по физико-математическому 9, по юридическому 61)¹⁵⁶.

Выпуск 1889 г. в 6 университетах составил 442 человека со степенью кандидата (по историко-филологическому 65, по физико-математическому 173, по юридическому 195, по факультету восточных языков 9) и 349 человек со степенью действительного студента (по историко-филологическому 21, по физико-математическому 95, по юридическому 227, по факультету восточных языков 6). Степень лекаря получили 624 лица.

В Дерптском университете число кандидатов достигло 78 (по богословскому 13, по историко-филологическому 24, по физико-математическому 14, по юридическому 27), со степенью действительного студента — 71 (по богословскому 21, по историко-филологическому 14, по физико-математическому 14, по юридическому 22).

В Варшавском университете выпущено со степенью кандидата 34 и действительного студента 95 (соответственно по историко-филологическому — 3 и 7, по физико-математическому — 9 и 9, по юридическому — 22 и 79)¹⁵⁷.

И только в начале 90-х годов среди университетских выпускников появились студенты с дипломами, введенными уставом 1884 г.

Например, в 1892 г. в 6 университетах получили: степень кандидата 121 студент, звание действительного студента — 179 человек и лекаря — 68. Все это на основании устава 1863 г. Для сравнения приведем данные табл. 8 о студентах, получивших дипломы по правилам устава 1884 г.

Данные таблицы свидетельствуют о крайней медлительности в осуществлении новых порядков в университетах.

* * *

Студенческое движение 80-х годов было направлено против университетского устава 1884 г. Положения устава 1884 г. были конкретизированы и дополнены в «Правилах о приеме в студенты университета», «Правилах о плате за слушание лекций» и в «Правилах для студентов во время прохождения кур-

Таблица 8*

Количество дипломов I и II степеней, полученных студентами пяти факультетов в 1892 г.

Университет	Историко-филологический	Физико-математический	Юридический	Медицинский	Восточных языков	Всего
С.-Петербургский	27	101	171	—	18	317
Московский	30	101	226	207	—	564
Казанский	6	22	48	60	—	136
Харьковский	8	28	58	77	—	171
Киевский	15	27	136	124	—	302
Новороссийский	14	31	44	—	—	89
Всего	100	310	683	468	—	1579

* Таблица составлена на основании отчетов университетов за 1892 г.

са»¹⁵⁸, еще более усиливших регламентацию и административный нажим. Ежедневно и ежечасно каждый студент ощущал полную зависимость от инспекции, контролировавшей посещение лекций, распределение стипендий и пособий. «Благонадежность» стала определяющим моментом в положении студента. Одним из условий приема в студенты и вольнослушатели являлось «свидетельство о благонадежности со стороны их начальства». Желая поступить в университет доктор был представить свидетельство о безукоризненном поведении от местной полиции («Правила о приеме», § 3). Для усиления полицейского надзора студент обязывался ежегодно возобновлять свидетельство на жительство (§ 7). Условием освобождения от платы за обучение было участие в студенческих волнениях. Более того, участие в «беспорядках» навсегда закрывало для студента возможность научной деятельности в будущем. Студент, заявивший чем-то свою «политическую неблагонадежность», в дальнейшем не мог служить в Министерстве народного просвещения, не имел права на профессорскую стипендию и заграничную командировку. (Чтобы представить себе, что это означало в действительности, достаточно, например, вспомнить, что К. А. Тимирязев, принимавший участие в студенческих волнениях в 60-е годы, 20 лет спустя не смог бы стать профессором.) Это означало отстранение массы талантливой молодежи от научной деятельности. Внешней дисциплине уделялось в 80-е годы огромное внима-

¹⁵⁶ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1888—1889 гг.» Приложения, стр. 88—89.

¹⁵⁷ Там же, стр. 90—91.

¹⁵⁸ «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП). СПб., 1885, июль, стр. 240.

ние. На положение студентов, внешний порядок в университетах влияли и другие экстраординарные меры. 23 марта 1885 г. по положению Комитета министров в университетах (Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском, Киевском, Новороссийском) вводилось обязательное ношение формы для студентов, что не признавал обязательным устав 1884 г.

Общая форменная одежда была введена по «высочайшему» повелению 10 марта 1894 г. и для студентов Юрьевского университета с целью уничтожить внешние знаки принадлежности студентов к различным корпорациям, что в конечном счете способствовало «введению» Юрьевского университета в общий строй университетов России и стирало его специфические, национальные особенности. С 1885 г. студенты обязывались отдавать честь лицам императорской фамилии и университетскому начальству¹⁵⁹. Студенты на экзаменах обязаны были отвечать стоя, «тем более, что такой порядок производства экзаменов существует в военных академиях для офицеров»¹⁶⁰. Регламентация поведения студентов вызывала постоянные конфликты с инспекцией. Многие меры устава 1884 г. были направлены на усиление внешней дисциплины. «Правила для студентов» запрещали «выражение одобрения или неодобрения преподавателей ни под каким предлогом и ни в каком виде» (§ 10). Регламент вторгался в сферу внутренних отношений, естественно возникавших между профессором и его слушателями. Притеснениям подвергалась и личная жизнь студентов. Им запрещалось «вступать в брак во все время пребывания в университете» (§ 17 «Правил для студентов»). Поездка по делам или на каникулы была обставлена бюрократическими формальностями — студент обязан был иметь отпускное свидетельство от инспекции (в противном случае он терял право на зачет полугодия — § 19) и предъявлять его полиции по пути следования и на месте.

Экзаменационные правила определяли объем знаний, который должен получить каждый студент, окончивший университетский курс. Студент в своих занятиях должен был руководствоваться одним из планов, составленных факультетом (ст. 70). Новшеством в учебном процессе была отмена переводных с курса на курс экзаменов. Но наряду с этим допущение к экзаменам в комиссиях обставлялось рядом условий: зачет всех полугодий, посещение определенного правилами числа лекций, сдача поверочных испытаний, участие в практических занятиях и т. п. Занятия стипендиатов находились под особым контролем (ст. 128), стипендии и пособия выдавались лишь после состязательных испытаний (ст. 82). В 80-е годы в занятиях студентов явный акцент был сделан на практические занятия,

участие в которых считалось не менее важным, чем прослушивание лекций, что было положительным явлением.

Одной из основных задач университетского устава было изменение социального состава студенчества. «Правила о приеме» затрудняли доступ в университеты лицам «податного состояния». Они были обязаны представить увольнительные свидетельства от обществ, к которым они были приписаны. Всеюма существенное препятствие для осуществления всеобщего образования, провозглашенного в пореформенной России, если учесть, что общества, дав увольнительное свидетельство, принимали на себя обязательства выплачивать подати и налоги за выбывших. На вытеснение демократического студенчества было рассчитано повышение платы за обучение. В 60—70-е годы студенты провинциальных университетов — 20 рублей. По уставу 1884 г. плата в год равнялась 60 руб. Студенты вносили в год 10 руб. в пользу университета и 50 руб. в виде гонорара преподавателям (1 руб. за час). В ответ на участие студентов в покушении 1 марта 1887 г. Комитет министров постановил повысить плату за обучение до 100 руб.¹⁶¹ Кроме этой суммы, студенты должны были внести по 20 руб. в испытательные комиссии для сдачи экзаменов и получения выпускных свидетельств.

Чтобы определить роль студенческих взносов, достаточно рассмотреть смету специальных сумм. Напомним, что они предназначались на учебно-вспомогательные учреждения, для печатания сочинений, на научные командировки, пособия и т. д. Вот, например, смета прихода и расхода специальных сумм С.-Петербургского университета за 1894 г. Приход состоял из сбора со студентов — 96 800 руб. и процентов с бумаг, составлявших всего 3 827 руб. Общая сумма равнялась 100 627 руб. Только небольшая ее часть — 2 650 руб. возвращалась непосредственно студентам в виде пособий¹⁶².

Получение стипендий и пособий, назначаемых правительством, обуславливалось особыми состязательными испытаниями, отзывом факультета об успешности научных занятий. Весомый голос при распределении стипендий принадлежал инспекции.

Кроме государственных стипендий, существовали общественные фонды из частных пожертвований на стипендии. Рост частной благотворительности был показательным для последней четверти XIX в., когда потребность в образованных людях неизмеримо возросла и покровительство отечественному образованию стало модой.

Студенты, естественно, предпочитали обращаться за стипендией или единовременным пособием к обществам, которые не

¹⁵⁹ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1885, № 2.

¹⁶⁰ Циркуляр министра 23 мая 1887 г. (ЦГИА СССР, ф. 846, д. 35, л. 101).

¹⁶¹ «Положение Комитета министров 26 июня 1887 г.» (ПСЗ-III, т. 7, № 4619).

¹⁶² «Протоколы заседаний совета С.-Петербургского университета за 1894 г.» Приложение, стр. 24—27.

обставляли свою помощь никакими условиями, не требовали ре- ляции инспектора о благонадежности.

Студент освобождался от платы за обучение после представ- ления свидетельства о бедности и одобрительного отзыва ин- спектора об его поведении¹⁶³. В каждом университете число освобожденных от платы ограничивалось 15% общего числа сту- дентов. Этой нормы министерство в целом придерживалось. Так, во 2-м семестре 1890 г. из 12 457 университетских студен- тов бесплатно обучались 1845, или 14,8%; в 1891 г. соотношение было 12 640 к 2088, или 16,5%. В 1892, 1893 и 1894 гг. процент бесплатно обучавшихся составлял соответственно — 16,4, 15,6 и 18,7%¹⁶⁴. Посмотрим, как распределялись бесплатно обучавшие- ся студенты по университетам, например, в 1885 и в 1890—1892 годах (таблицы 9, 10, 11).

Таблица 9*

Число студентов, допущенных к лекциям в университетах бесплатно и за половинную плату в 1885 г.

Университет	Общее число студентов	Слушавшие бесплатно		Освобожден- ные наполовину от платы
		число	%	
С.-Петербургский				
в первой половине года		412	18	34
во второй половине »	2280	386	17	29
Московский				
в первой половине »				
во второй половине »	2991	1527	51	55
Харьковский				
в первой половине »		325	21,6	—
во второй половине »	1500	336	22,4	—
Казанский				
в первой половине »				
во второй половине »	977	407	41,6	—
Киевский				
	1844	317	17,2	73
Новороссийский				
	576	174	30,2	—
Дерптский				
	1584	182	11,4	—
Варшавский				
	1110	77	7	32
Всего	12 862	6827	26,6	223

* Таблица составлена на основании отчета министра народного просвещения за 1885 г.

¹⁶³ «Правила о назначении студентам университетов стипендий и пособий и об освобождении их от платы». Б. м., б. д., стр. 3.

¹⁶⁴ «Обзор деятельности Министерства народного просвещения...» Приложения, стр. 11.

Таблица 10*

Число студентов, допущенных к лекциям бесплатно в 1890 г.

Университет	Общее число студентов	Слушавшие бесплатно	
		число	%
С.-Петербургский			
и первой половине года	1759	432	24,5
во второй » »	1781	313	17,5
Московский			
в первой » »	3471	532	15,3
во второй » »	3473	503	14,5
Казанский			
в первой » »	697	103	14,8
во второй » »	714	104	14,6
Харьковский			
в первой » »	999	150	15
во второй » »	1003	138	13,7
Киевский			
в первой » »	1908	267	14
во второй » »	1982	305	15,4
Новороссийский			
в первой » »	428	Нет сведений	
во второй » »	427	109	25,5
Дерптский			
в первой » »	1638	290	17,7
во второй » »	1694	221	13
Варшавский			
в первой » »	1071	109	10,1
во второй » »	1121	111	9,9
Томский			
в первой » »	190	29	15
во второй » »	262	41	15,6
Всего	12 161	1912	15,7
	12 457	1845	14,8

* Таблица составлена на основании отчета министра народного просвещения за 1890 г.

Все официальные документы, пресса и мемуары единодушно свидетельствуют, что число нуждавшихся студентов превос- ходило общее количество освобожденных от платы за обучение и стипендиатов.

Таблица 11*

Число студентов, допущенных к лекциям бесплатно в 1892 г. (в первом семестре)

Университет	Общее число студентов	Слушавшие бесплатно	
		число	%
С.-Петербургский	2009	389	19,3
Московский	3356	651	19,4
Казанский	737	116	15,8
Харьковский	977	145	14,8
Киевский	2057	303	14,7
Новороссийский	433	133	30,71
Томский	289	45	15,5
Юрьевский	1615	212	13,16
Варшавский	1081	110	10,17
Итого	12554	2104	16,76

* Таблица составлена на основании отчета министра народного просвещения за 1892 г.

Преимущественно демократический состав студенчества оставался реальным фактом университетской жизни.

Единственным источником при рассмотрении социального состава студентов остаются данные по сословиям. Они неточны: в одной рубрике дворяне и чиновники различных рангов (причем крупные и мелкие помещики и безземельные служащие дворяне не различаются), не раскрыто, кто входит в состав разночинцев. Официальная статистика не учитывает основного фактора пореформенной действительности — размывание сословий, растущую неоднородность дворянства. Студенчество отличалось пестротой и отражало социальную неоднородность складывавшегося капиталистического общества, демонстрируя неуклонное падение сословных перегородок. Характерной фигурой среди студенчества оставался «разночинец», термин, наполнявшийся буржуазным содержанием. «Разночинец, — отмечал в начале XX в. С. Елпатьевский, — это дворянин, ушедший из своего дворянства, поповский сын, не пожелавший надеть стихаря¹⁶⁵ и рясы; купец, бросивший свой прилавок; мужик, ушедший от сохи и приобщившийся к образованию: генеральский сын, чиновничий сын»¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Длинная с широкими рукавами одежда для богослужения у дьяконов и дьячков.

¹⁶⁶ С. Елпатьевский. По поводу разговоров о русской интеллигенции. — «Русское богатство», 1905, № 3, стр. 70.

Таблица 12

Состав студентов университетов к 1 января 1885 г.*

Университет	Общее число студентов	Дворянство		Духовенство		Прочие сословия	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петербургский	2282	1338	58,64	183	8,02	761	33,34
Московский	2874	1283	44,64	247	8,6	1344	46,76
Харьковский	1227	511	41,65	101	8,23	615	50,12
Казанский	925	406	43,93	151	16,25	368	39,82
Новороссийский	573	222	38,9	69	12	282	49,1
Всего	7881	3760	47,5	751	9,9	3370	42,6

* По Киевскому университету данные о составе студентов по сословиям отсутствуют. Студентов к 1 января 1885 г. было 1562. К 1 января 1886 г. студенты распределялись (по графам таблицы) следующим образом: 1825, 946 (61,5%), 180 (10%), 699 (38,5%).

Несмотря на искаженность данных по сословиям и их еще большую условность в 80-е годы, по сравнению с предыдущими десятилетиями, годовые отчеты по университетам позволяют проследить основные тенденции в изменении социального состава студентов (см. таблицы 12, 13).

За 10 лет почти вдвое увеличился удельный вес представителей разночинских кругов. Несмотря на правительственную политику общий удельный вес дворянства повысился незначительно — с 43,1% до 47,5%. Еще более наглядно сдвиги по сословному признаку прослеживаются в каждом университете. В Московском и Новороссийском университетах дворянство составило меньшинство и в абсолютных цифрах. Причем и представители дворянства в изучаемое время были далеко не однородной прослойкой. В отчетах отмечалось преобладание в университетах необеспеченного студенчества¹⁶⁷. За три года действия устава социальный состав студенчества в целом не изменился.

Бессилие правительственных мер и прежде всего устава 1884 г. в изменении социального состава студенчества, отражавшего в конечном счете сдвиги в социально-экономическом развитии страны, становилось очевидным. В записке, обнаруженной нами в личном архиве Александра III и датированной мартом 1887 г., констатировалась недостаточность устава 1884 г.: он «не коснулся коренного изменения состава учащихся, который и остается прежним»¹⁶⁸. Предложения автора¹⁶⁹ сводились к пре-

¹⁶⁷ ЖМНП, 1886, май, стр. 54.

¹⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 677, д. 588, л. 13.

¹⁶⁹ Автором был М. С. Волконский, как установлено Н. В. Зейфман.

Таблица 13

Состав студентов университетов к 1 января 1888 г.*

Университет	Общее число студентов	Дворянство		Духовенство		Прочие сословия	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петербургский	2053	1183	57,62	141	6,87	729	35,51
Московский	3257	1484	45,6	294	9	1479	45,4
Харьковский	1330	517	38,9	92	6,9	721	54,2
Казанский	837	366	43,7	92	11	379	45,3
Киевский	2024	1001	49,5	272	13,4	751	37,1
Новороссийский	540	252	46,67	45	8,33	243	45
Всего	10 041	4803	47,84	936	9,32	4302	42,84

* Таблица составлена на основании университетских отчетов за 1887 г.

крашению приема в средние и высшие учебные заведения детей «крестьянина, казака, рядового, лакея, дворника, прачки»¹⁷⁰, что и было осуществлено в печально знаменитом циркуляре «О кухаркиных детях» 18 июня 1887 г.

Записка имела программный характер. В ней констатировалось вообще неблагоприятное «положение, в коем находятся высшие и средние учебные заведения относительно состава учащихся и условий их воспитания»¹⁷¹. В документе воплотились охранительство и сословные притязания дворянства в области образования. Автор нападает на принцип сословного образования, ссылаясь на данные, согласно которым среди привлеченных по политическим процессам «главный контингент составляют дети лиц податных и других низших сословий, а также евреи»¹⁷².

Записка была, по-видимому, создана после события 1 марта 1887 г., которое вызвало взрыв сословно-кастовых чувств в верхах и послужило поводом для новых репрессий против учащейся молодежи. Реакционные круги вновь обратились к привычному «корню зла» — к системе образования (ведь по их мнению, никаких основательных причин революционного движения в России не существовало). Уже 4 марта К. П. Победоносцев в письме к царю вопрошал: «Отчего у нас так много обезумевших юношей?» Причина кроется в принципе сословного образования: «Мы ввели у себя ложную совсем несвойственную

нашему быту, — отвечал он на поставленный вопрос, — систему образования, которая, отрывая каждого от родной среды, увлекает его в среду фантазии, мечтаний и несоответственных претензий...»¹⁷³ Некоторые корреспонденты Победоносцева подхватили старую идею об «очистке» высшей школы от «сомнительных элементов»¹⁷⁴.

Победоносцеву вторил В. П. Мещерский: «Да послужит это дважды проклятое число 1-е марта для нашей русской школы днем глубокого раздумья, покаяния и решимости с большим сердечным участием и с меньшим страхом либералов взглянуть на наше учебное дело». Вопрос — «как сделать, чтобы самый малый процент молодежи тянулся в гимназии и в университеты в погоне за нищетою и извращением духовного мира»¹⁷⁵ — он предлагал решить путем экстренных мер вроде закрытия С.-Петербургского университета или прекращения в 1887 г. приема в 150 гимназиях и некоторых реальных училищах, оставив по одной гимназии на 2 губернии, а на оставшиеся средства учредить профессиональные и ремесленные школы. В свою очередь это доведет число студентов университетов до 500—800 человек¹⁷⁶. Реставраторские настроения в «верхах», доходившие до прямых обвинений в адрес Министерства народного просвещения, заставили последнее вновь обратиться к сословным ограничениям в высшей и средней школах.

Одной из существенных мер по регулированию социального состава учащихся средней, а в конечном счете и высшей школы было постановление о прекращении приема в подготовительные классы гимназий с 1887/88 учебного года¹⁷⁷. Число гимназистов уменьшилось по сравнению с предыдущим учебным годом с 8860 до 2730 человек, т. е. в 3,2 раза¹⁷⁸. Из-за отсутствия или крайней малочисленности учеников подготовительные классы при 24 гимназиях и 12 прогимназиях были закрыты¹⁷⁹.

В 1886—1887 году 51,1% всех вновь принятых гимназистов поступили в подготовительные классы. Спад в числе поданных прошений о приеме 21 243 в 1886 г.¹⁸⁰ до 10 929 в 1887 г.¹⁸¹ объясняется повышением платы за обучение, а также моральным воздействием циркуляра о «кухаркиных детях». Закрытие подготовительных классов отселило детей «недостаточных» родителей.

¹⁷³ «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. II, М., 1926, стр. 139.¹⁷⁴ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом II, стр. 748.¹⁷⁵ «Гражданин», 8 марта 1887, № 20, стр. 15—16.¹⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. 677, д. 114, л. 71 об.¹⁷⁷ «Сборник постановлений по МНП», т. 10, № 401, 402.¹⁷⁸ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1886 г.» СПб., 1891, стр. 69; то же за 1887 г. СПб., 1892, стр. 85—86.¹⁷⁹ «Сборник постановлений по МНП», т. 10, № 600, стр. 1235.¹⁸⁰ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1886 г.» Приложения, стр. 88.¹⁸¹ Там же, за 1887 г. Приложения, стр. 102.¹⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 677, л. 588, л. II.¹⁷¹ Там же, л. 10.¹⁷² Там же, л. 13.

В социальном положении родителей правительство Александра III видело залог благонадежности учеников. Наиболее резко это выразилось в циркуляре 18 июня 1887 г.

Никогда еще со времени отмены крепостного права правительство не позволяло себе более откровенного вызова принципам сословности образования, провозглашенным в эпоху реформ. Циркуляр о «кухаркиных детях» послужил своего рода «апофеозом» охранительной политики самодержавия, «прославившим» его политику среди самых аполитичных обывательских слоев¹⁸².

Об агитационном значении этого ретроградного документа «Социал-демократ» писал из-за границы: «Министр ловко орудует в пользу низвержения русского абсолютизма; он искусно сеет недовольство и смуту во всех слоях общества, не исключая и дворян, предназначенных для спасения трона. Он подталкивает на резкие протесты самых мирных студентов, озлобляет отцов и матерей, возмущает профессоров, чиновников, кабатчиков, лавочников, кучеров, кухарок... Вот что значит ловкий агитатор! Самый коварный подрыватель основ, поверьте, никогда не добьется такого успеха! Но само собою разумеется, что было бы крайне несправедливо взваливать на плечи Его Высокопревосходительства все трудности агитационной работы. Наши революционеры придут на помощь»¹⁸³.

Настроения в «верхах» после 1 марта 1887 г. смыкались с определенной консервативной реакцией в профессорских кругах. Отражением ее послужила записка профессора Владислава¹⁸⁴, в которой автор традиционно охранительную политику самодержавия подкреплял предложениями о жестких сословных ограничениях. Записка получила одобрение Александра III, и Владиславлев был вскоре назначен ректором С.-Петербургского университета. В соответствии с предложениями Владиславлева об «улучшении» социального состава студенчества 472 студента были удалены из С.-Петербургского университета. Однако и после чистки представители «низших сословий» составили треть всего студенчества С.-Петербургского университета. В результате репрессий, обрушившихся на университеты в конце

1887 г., были уволены наиболее активные и демократически настроенные студенты¹⁸⁵.

Удельный вес дворянства повысился по сравнению с 1888 г. в Петербургском университете с 57,62 до 61,6%, в Новороссийском — с 46,67 до 49,1%, почти не изменившись в Казанском и Киевском университетах (табл. 14). Таков был итог репрессий

Таблица 14

Состав студентов университетов к 1 января 1889 г.*

Университет	Общее число студентов	Дворянство		Духовенство		Прочие сословия	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петербургский	1661	1024	61,6	109	6,7	528	31,7
Казанский	785	342	43,56	91	11,6	352	44,84
Киевский	2028	1027	50,6	270	13,4	731	36
Новороссийский	517	254	49,1	44	8,5	219	42,4
Всего	4991	2647	51,21	514	10,06	1830	38,72

* Таблица составлена на основании университетских отчетов за 1888 г. В отчетах по Московскому и Харьковскому университетам данные о составе студентов по сословиям отсутствуют.

1887 г., характеризовавший классовую политику самодержавия в отношении университетов.

Однако основная тенденция в изменении социального состава студентов в университетах на протяжении более 30 лет (с 1855 г. по 1889 г.) оставалась в силе. Так, в Петербургском университете доля представителей низших сословий возросла с 17,5% в 1878 г. до 31,7% в 1889 г. Еще резче эта тенденция обнаружилась в Казанском (с 24 до 44,84%) и в Новороссийском (с 16 до 42,4%) университетах.

К попыткам изменить социальный состав учащихся призывало и введение в учебных заведениях процентной нормы для евреев. В представлении Делянова в Комитет министров от 8 июня¹⁸⁶⁻¹⁸⁷ содержались два пункта: 1) допустить прием в средние учебные заведения только евреев из высших сословий,

¹⁸² Опубликование циркуляра подорвало престиж самодержавия. См.: П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970, стр. 351—353. Правых, естественно, возмущала лишь «бестактность» министра. «Какая нужда была публиковать об этом циркуляре,— обращался В. П. Мещерский к Александру III,— да еще вставлять туда знаменитые и весьма неполитичные фразы о кухарках и т. д.?», когда можно было вызвать в столицу попечителей и передать им инструкции устно и секретно: «Тогда бы меры могли приниматься, но никто об инструкциях не знал бы, кухарки не были бы оскорблены, газеты не подняли бы против правительства похода, и общественное мнение не было бы затронуто в своих демократических инстинктах» (см. ЦГАОР СССР, ф. 677, д. 116, л. 39—40).

¹⁸³ [Ю. А. Ефрон]. Министр-демагог.— «Социал-демократ», вып. 1. Женевы, 1888, стр. 123.

¹⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 677, д. 588.

¹⁸⁵ Вопреки инсинуациям реакционной прессы, рассчитанным на легковверных обывателей, об участниках студенческого движения как просто не желающих «серьезно заниматься», профессор С. Н. Трубецкой впоследствии утверждал, что «профессора могут засвидетельствовать, что нередко наиболее способные и занимающиеся студенты принимали самое деятельное участие в беспорядках и что всего менее повинна в них та часть «золотой молодежи», которая всего менее посещает лекции» (С. Н. Трубецкой. Сочинения, т. I, стр. 410—411).

¹⁸⁶⁻¹⁸⁷ «Сборник постановлений по МНП», т. 10, № 434, стр. 882.

не ниже купцов I гильдии. Это сократило бы число еврейских учащихся за счет демократических элементов, что подчеркивает еще раз социальную подкладку незаконных ограничений по национальному признаку; 2) ввести процентные нормы¹⁸⁸. Но Комитет министров возразил против зачисления купцов II гильдии в низшие сословия, отметив, что отстранение от гимназий евреев из низших сословий уже оставило бы в них вместо 10,7% — 3,2% их. Однако принять это сословное ограничение законодательным порядком Комитет министров не решился, переложив это на министра народного просвещения, который по Положению Комитета министров от 5 декабря 1886 г. получил право принимать частные меры по сокращению числа учащихся-евреев в средних и высших учебных заведениях. Циркуляром Делянова от 10 июля 1887 г. была введена процентная норма для евреев в учебных заведениях (10% — в черте оседлости, 5% — вне этой черты, 3% — в столицах)¹⁸⁹. Причем в циркуляре от 10 июля 1887 г. Делянов подчеркнул, что учебное начальство должно при отсеве в гимназиях руководствоваться требованиями циркуляра от 18 июня 1887 г.¹⁹⁰

Ограничение приема евреев в высшие учебные заведения готовилось задолго до студенческих волнений 1887 г. В 1886 г. студенты шести университетов распределялись по вероисповеданию следующим образом: православных было около 74%, католиков (преимущественно поляки) — 9%, лютеран (главным образом прибалтийские немцы) — 3% и евреев — 14%. Комментируя эти цифры, Делянов подчеркивал: «Значительный процент евреев останавливает на себе внимание. Еврей усиленно стремятся в университеты с целью приобретения гражданской полноправности»¹⁹¹. Еврейская молодежь, подвергавшаяся социальному и национальному гнету, с достижением высшего образования вырывалась из черты оседлости, пополняя собой ряды городской интеллигенции. Установление процентной нормы ставило преграду этому процессу. Однако тяга молодежи к образованию, обусловленная внутренними потребностями общества, была столь велика, что ни сословные, ни национальные ограничения полностью не достигали цели¹⁹².

¹⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 1263, л. 4599 за 1887 г., журнал № 444, стр. 432—450.

¹⁸⁹ Там же, ф. 733, оп. 194, л. 843, л. 103—103 об. Циркуляр № 10313.

¹⁹⁰ Там же, л. 103 об.

¹⁹¹ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1886 г.», стр. 31.

¹⁹² Классовую направленность национальных ограничений можно видеть на характерном примере из военного образования. Для получения офицерского чина требовалось сдать соответствующий экзамен. Барон Гинзбург ходатайствовал о производстве его в корнеты. Александр III не мог отказать сыну известного банкира, однако это переполнило чашу его терпения: «Эстандарт-юнкера барона Гинзбурга, — скрепя сердце написал монарх, — согласно представлению начальства произвести в корнеты, а затем не допускать более вольноопределяющихся из евреев к держанию экзамена на офицерский чин ни в военных, ни в юнкерских училищах, ни в особых

Источником для рассмотрения национального состава студентов служат сведения о распределении их по вероисповеданиям. Они содержатся как в отчетах по отдельным университетам, так и в отчетах министра народного просвещения. В целом эти материалы дают возможность судить о национальном составе студенчества, хотя не все группы по вероисповеданиям с точностью совпадали с национальной принадлежностью.

Рассмотрим состав студентов по вероисповеданиям за 1888—1889 гг., т. е. непосредственно после введения процентной нормы для евреев, и за 1894 г.

Таблица 15

Распределение студентов университетов по вероисповеданию в 1888—1889 гг.*

Университет	Православное		Римско-католическое		Лютеранское		Иудейское	
	1888 г.	1889 г.	1888 г.	1889 г.	1888 г.	1889 г.	1888 г.	1889 г.
С.-Петербургский	1151	1228	169	172	172	199	138	125
Московский	2540	Нет сведений	187	Нет сведений	6	Нет сведений	276	Нет сведений
Харьковский	707	648	79	63	29	5	282	217
Казанский	651	585	33	33	14	12	75	62
Киевский	1360	1188	385	349	37	34	296	326
Новороссийский	323	281	56	36	9	5	108	80
Томский	63	163	2	4	1	3	6	19
Дерптский	95	93	106	99	1179	1140	250	301
Варшавский	229	216	754	655	40	42	121	157
Итого	7119	4402	1771	1411	1487	1415	1552	1287

* См. «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1888—1889 гг.», стр. 92—93.

Как следует из таблиц 15 и 16, студенты православного вероисповедания преобладали во всех университетах, кроме Дерптского (в котором свыше 60% учащихся были лютеранского вероисповедания) и Варшавского (где больше половины студентов были католиками). Поляков больше всего было в университетах Варшавском и Киевском. Прибалтийские немцы учились преимущественно в Дерптском и в двух столичных университетах. Студенты-мусульмане концентрировались в С.-Петербургском университете, где был факультет восточных языков, и в Казан-

комиссиях» (см. ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 68/671, 4 отд., 1 стол, д. 998, л. 20). Самодержец не мог обострять отношений с банкирами. Иначе обстояло дело с демократическими элементами различных национальностей, подвергавшимися притеснениям (См. П. А. Зайончковский. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973, стр. 202).

ском университете, расположенном в округе, где значительную часть составляло татарское население. Среди студентов православного вероисповедания официальные документы не различали русских, украинцев, белорусов и принявших христианство евреев. Число студентов иудейского вероисповедания, сократившись в двух столичных университетах (с 138 чел. в 1888 г. до 71 — в 1894 г. в С.-Петербургском; с 276 чел. в 1888 г. до 155 в 1894 г. в Московском), возросло в Харьковском (с 282 в 1888 г. до 338 в 1894 г.) и особенно в Киевском (с 296 в 1888 г.

Таблица 16

Распределение студентов университетов по вероисповеданию в 1894 г.*

Университет	Православное	Римско-католическое	Лютеранское	Иудейское	Магометанское
С.-Петербургский	2092	292	230	71	9
Московский	3263	225	136	155	10
Харьковский	803	61	25	338	3
Казанский	604	27	12	95	7
Киевский	1257	412	43	582	1
Новороссийский	338	42	11	97	3
Томский	352	10	—	34	1
Дерптский	88	66	709	291	—
Варшавский	177	489	32	190	—
Итого	8974	1624	1198	1853	34

* Таблица составлена на основании отчетов университетов за 1894 г. (у 293 студентов вероисповедание не указано).

до 582 в 1894 г.) и почти не изменилось в Новороссийском, Дерптском и Варшавском университетах.

Правительственные меры по национальным ограничениям в значительной мере оказались несостоятельными. В университетах сохранялся более высокий процент евреев-студентов, чем это предписывалось законом. Он был довольно высоким и с точки зрения доли еврейского населения, которое по переписи 1897 г. составляло 5,2 млн. чел.

Наряду с действием объективных факторов некоторую роль сыграла и позиция профессуры, большей части которой антисемитизм был глубоко чужд. Известно частое заступничество за студентов К. А. Тимирязева, Д. И. Менделеева, С. Н. Трубецкого и многих других. Даже профессор весьма консервативных политических взглядов И. Х. Озеров был, по его же собственным словам, «яростным противником ограничения прав евреев» и добивался приема их в высшие учебные заведения сверх пор-

мы¹⁹³. В университетских кругах правительству не удалось разжечь шовинистические настроения.

Состав студентов, отражавший в конечном счете социальную структуру, оставался преимущественно буржуазным и мелкобуржуазным. При рассмотрении студенческого движения мы исходим из утвердившегося в литературе взгляда на связь характера этого движения с преобладанием демократических элементов в русском студенчестве.

* * *

В своем исследовании общественно-политической роли университетов 80-х — 90-х годов XIX в. мы, естественно, не претендуем на то, чтобы осветить все стороны истории студенческого движения — большую самостоятельную и еще недостаточно изученную тему.

Студенчество в этот период представляло собой далеко не однородную массу¹⁹⁴. Для русского общества последней четверти XIX в., по определению В. И. Ленина, были характерны политическое бесправие и подавленность масс населения полицейским деспотизмом, что в свою очередь затемняло классовое происхождение политических групп¹⁹⁵. Студенчество, являвшееся как бы слепком общества, также было еще далеко от четкого политического размежевания. Однако и тогда в студенческой среде можно было выделить реакционеров (так называемых «белоподкладочников»), равнодушную к политике массу, академистов, либералов и радикалов.

Студенческое движение 80-х — 90-х годов не было однозначным явлением. Оно объединяло различные по своему характеру направления — радикальные и умеренные, были в их среде и консервативные группировки. Довольно многочисленной в пестром конгломерате направлений была группа сторонников легального прогресса на почве самодержавия, отстаивавшая академические интересы. Подобно «культурникам», имевшимся во всех слоях русского общества, она всегда являлась, по определению В. И. Ленина, «широким основанием» либерализма в России¹⁹⁶. В изучаемое время, как и в другие эпохи, в движении в моменты оживления и обострения борьбы преобладали радикалы, а во время спада на поверхности движения оказывались, как всегда, умеренные элементы.

¹⁹³ ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 541 (И. Х. Озерова), № 4, л. 30.

¹⁹⁴ Применительно к началу XX в. В. И. Ленин выделял в русском студенчестве шесть политических групп: «реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы» (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343).

¹⁹⁵ См. там же, стр. 343—345.

¹⁹⁶ Там же, стр. 344.

В данной работе, естественно, остаются вне поля зрения политически инертные группы студенчества, мирные «культурники» и др. Недостаток в России образованных кадров обусловил своеобразную роль «культурнической» деятельности студентов. Пренебрежительно именуемые в официальных документах «недоучившиеся студенты» одновременно с учением в университетах были (в основном с целью заработка) домашними учителями, мелкими репортерами в газетах, корректорами, переводчиками и др. Иногда их деятельность находила даже «признание» и в отчетах. Министр вынужден был упоминать о таких фактах, как, например, «о полных самоотвержения и энергии трудах, с коими студенты медицинских факультетов высших семестров вели борьбу с холерной эпидемией, начиная с появления ее в Баку и вплоть до окончания ее в ноябре месяце. Даже в отдаленной Сибири прекращению эпидемии много способствовали энергичные и самоотверженные труды студентов Томского университета»¹⁹⁷.

Нашей задачей является исследование прежде всего активных форм протеста студенчества против политической реакции.

В литературе нашло отражение революционное движение студенчества в 80-х — начале 90-х годов по отдельным университетам¹⁹⁸. Мы лишь вкратце охарактеризуем состояние революционного крыла русского студенчества.

В 1884—1890 гг. в условиях наступления самодержавия и глубокой подавленности общества студенчество продолжало бороться против реакции.

В революционных кругах студенчества царил «эпоха мысли и разума». В кружках, землячествах, на студенческих сходках не только готовились антиправительственные демонстрации, но в унисон с мировой революционной мыслью напряженно работала русская общественная мысль в поисках новых путей борьбы с самодержавием. Позднее известный публицист Н. В. Шелгунов, ветеран революционно-демократического движения, приветствовал молодое поколение, преодолевшее политический индифферентизм. «Теперь в Петербурге, — писал Шелгунов в 1889 г. в журнале „Русская мысль“, — очень распространяется самообразование и спокойное, серьезное научное изучение общественных вопросов. Поворот в мыслях петербургской молодежи, на которую и влияние восьмидесятников, и влияние графа Толстого [Льва Николаевича. — Г. Щ.] уже утратило свою силу, и молодежь начинает думать самостоятельно, не прицепляясь ни к чьему хвосту, составляет очень крупное

и отрадное явление в теперешней умственной жизни Петербурга»¹⁹⁹.

Народовольческий террор, наглядный исторический урок царевубийства 1 марта 1881 г., не приведшего к свержению самодержавия, наступление политической реакции, — все это не прошло бесследно для передовой русской интеллигенции, для ее наиболее чуткой и активной части — студенчества.

В студенческих кружках, как и во всем авангарде русского революционного движения, происходили мучительные поиски правильной революционной теории, осмысливание опыта революционной борьбы. «Пуль общественной жизни в лучшей части студенчества, — указывалось в листовке «К русскому обществу» 13 декабря 1887 г., — бьется и теперь так же сильно, как во время Добролюбова и Нечаева, Желябова, Франголи и Гривевицкого. Последние события в высших учебных заведениях оправдывают наши слова»²⁰⁰. Вера в возрождение «Народной воли», разделявшаяся Ф. Энгельсом, сохранялась в части русского общества и в революционном студенчестве. Покушение на царевубийство, так называемое «второе 1 марта» 1887 г., когда три студента Петербургского университета были арестованы на Невском проспекте с разрывными снарядами, было совершено представителями «Террористической фракции «Народной воли»». Большинство группы Александра Ульянова составляли студенты столичного университета. Следствие по делу и процесс окончились быстро, так велики были потрясение и страх в «верхах». Уже 8 мая последовала казнь пяти революционеров в Шлиссельбургской крепости²⁰¹, всколыхнувшая русское студенчество. Вслед за верноподданническим адресом Александру III от С.-Петербургского университета²⁰² 7 марта 1887 г. «Союз объединенного С.-Петербургского студенчества» заявил в листовке от имени студентов, что передовое студенчество не только не осуждает, но преклоняется перед группой Александра Ульянова²⁰³. Однако наряду с сохранением притягательной силы идей «Народной воли» в студенческих кружках, и прежде знакомых с марксистской литературой, марксизм находил все больше верных последователей.

¹⁹⁹ Н. В. Шелгунов. Отрадное явление. — «Очерки русской жизни». СПб., 1895, стр. 1098.

²⁰⁰ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., д. 741, л. 17.

²⁰¹ См.: «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» М.—Л., 1927; см. также: А. С. Поляков. Второе 1-е марта. М., 1919.

²⁰² «Правительственный вестник», 7 марта 1887 г.

²⁰³ «Красная летопись». Л., 1924, № 2 (11), стр. 200—201; см. также: «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» М.—Л., 1927, стр. 363—365. Листовка была написана студентами М. Сосновским и Е. Яковенко и гектографирована Н. Евстифеевым (см.: Е. И. Яковенко. О втором 1-е марта. — «Каторга и ссылка», 1927, кн. 32, стр. 7—42; С. Н. Валк. «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. — «Красный архив», 1927, т. 2 (21), стр. 226—231).

¹⁹⁷ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1892 г.» СПб., 1897, стр. 61.

¹⁹⁸ М. К. Корбут. Указ. соч., т. II; «История Московского университета», т. I. М., 1955; см.: П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958; Р. Г. Жуйкова. Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета. — «Очерки истории Ленинградского университета», т. II. Л., 1968.

Распространение марксистских работ в России усилилось с образованием в 1883 г. группы «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым. «Весь контингент наших тайных обществ,— писала В. Засулич Ф. Энгельсу в конце апреля 1885 г.,— состоит в настоящий момент из совсем зеленых студентов... Кредо „Народной воли“ уже не удовлетворяет этих студентов, за исключением нескольких небольших групп правых. У большинства все поставлено под сомнение, не исключая всемогущества динамита, захвата власти и даже самой сельской общины»²⁰⁴. Марксистская литература, издававшаяся группой «Освобождение труда» и переправлявшаяся в Россию, попадала на благодатную почву. «Гораздо раньше, чем наши брошюры проникли в Россию,— признавала В. Засулич в том же письме,— это идейное колебание уже давало себя чувствовать очень сильно»²⁰⁵.

В С.-Петербургском университете почти одновременно с группой «Освобождение труда» возникла социал-демократическая группа Д. Благоева. На почве московских студенческих организаций образовалось марксистское «Общество переводчиков и издателей» (1883—1884 гг.). Его возглавлял студент физико-математического факультета В. Распопин, один из руководителей «Общественного союза» землячеств московских студентов. Деятельность общества состояла в переводе на русский язык произведений социалистической мысли, в том числе марксистской литературы. Среди первых марксистских кружков в России был кружок Н. Е. Федосеева в Казани²⁰⁶.

Роль университетов в общественно-политическом движении России, процесс переосмысления опыта революционной борьбы в условиях эволюции народничества, большая восприимчивость студенческой молодежи к передовым идеям объясняют, почему марксизм в России нашел также прибежище в университетах.

Возникновение последователей марксизма в среде студенческой молодежи России, к переходу которой на позиции пролетариата призывал Г. В. Плеханов²⁰⁷, имело немаловажное значение для будущей социалистической революции.

В обращении к Международному конгрессу студентов-социалистов Ф. Энгельс 19 декабря 1893 г. писал: «Пусть ваши усилия приведут к развитию среди студентов сознания того, что именно из их рядов должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах

со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции.

Буржуазным революциям прошлого от университетов требовались только адвокаты, как лучшее сырье, из которого формировались их политические деятели; для освобождения рабочего класса понадобятся, кроме того, врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания»²⁰⁸.

Следует учитывать специфику усвоения марксизма русским студенчеством. Даже применительно к более позднему времени, к 1894—1901 годам, В. И. Ленин в работе «Что делать?» отмечал своеобразие увлечения марксизмом в студенческих кружках: «Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: „что делать?“, как к призыву идти в поход на врага»²⁰⁹.

Тяготение учащейся молодежи к марксистским идеям само по себе служило симптомом кризиса самодержавного строя и прежде всего его идеологии. Официальная идеология самодержавия оказалась бессильной помешать распространению передовых идей в среде молодого поколения. Насажение ее вызвало лишь разрыв между уровнем преподавания и запросами студентов. Вследствие этого в 80—90-е годы мировоззрение подавляющей части демократического студенчества в большей степени, чем прежде, формировалось вне и вопреки влиянию официальной науки, все более отдалявшейся от реальных требований жизни. Стремление демократического студенчества к идеалам социализма способствовало сближению студенческого и рабочего движения в практической революционной борьбе. Позднее это выразилось в характерном заимствовании и использовании русскими студентами стачки, пролетарской формы борьбы, в период, когда студенчество под влиянием рабочего движения окончательно встало на путь открытой политической борьбы с самодержавием.

На протяжении 80-х — начала 90-х годов университеты продолжали оставаться рупором общественного протеста против разгула реакции. Студенческие волнения в период реакции происходили при отсутствии иных форм широкого общественного движения, когда самодержавие укрепляло свои позиции, «расправившись с не поддержанным народом революционерами»²¹⁰. Печать, по определению Г. В. Плеханова, была доведена «до идеальной степени благонамеренности»²¹¹. Даже по

²⁰⁴ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 515—516.

²⁰⁵ Там же, стр. 516. Об этом же писали и русские современники. См., например: И. И. Попов. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 годах — «Народовольцы после 1 марта 1881 г.» М., 1928, стр. 49.

²⁰⁶ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., 1960.

²⁰⁷ Г. В. Плеханов. Внутреннее обозрение.— «Социал-демократ», 1890, кн. 2, стр. 81.

²⁰⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 432.

²⁰⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 100.

²¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 45.

²¹¹ Г. В. Плеханов. Указ. соч., стр. 63.

поводу 25-летия отмены крепостного права пресса и земства хранили молчание. Активное осуждение политики самодержавия прозвучало в университетах. В ответ на запрещение праздновать юбилей 19 февраля 1861 г. в ряде университетов произошли студенческие демонстрации. Замалчивание «единственного национального праздника русского народа»²¹² было осуждено на сходке студентов Харьковского университета 18 февраля 1886 г. На собрании было прочитано воззвание, студенты призывались не посещать лекции 19 февраля: «в знак того, что мы протестуем, что мы не находимся в заговоре с правительством против народа»²¹³. В университет была введена полиция, сообщавшая, что студенты юридического факультета читали воззвание «К русскому народу». За «беспорядки» 18 и 19 февраля в Харьковском университете 53 студента были подвергнуты различным наказаниям — аресту в карцере, выговору и т. д.²¹⁴

Значительный общественный резонанс вызвала демонстрация петербургских студентов в ноябре 1886 г. по поводу 25-летней годовщины со дня смерти Н. Добролюбова. Несмотря на прямые запреты со стороны властей около 1,5 тыс. студентов приняли участие в демонстрации на Волковом кладбище. Это был вызов реакции, стремившейся вытравить из сознания молодого поколения имена революционных демократов²¹⁵.

В крупную общественную демонстрацию вылились похороны в Петербурге 15 апреля 1891 г. общественного деятеля Н. В. Шелгунова, в которых приняли участие студенты столичного университета²¹⁶. Часть демонстрантов была исключена из университета²¹⁷.

Борьба студентов за отмену устава 1884 г. объективно была направлена против реакции, как это наблюдалось в волнениях студентов Московского и Киевского университетов осенью 1884 г. Волнения против устава начались во время празднования 50-летия университета св. Владимира в Киеве в сентябре 1884 г. «Общее положение дел в России такого рода, — указывалось в «Вестнике „Народной воли“», — что юбилей 50-летнего существования одного из рассадников просвещения есть сам по себе, независимо от желания студентов, манифестация, протест против настоящей мрачной эпохи, повсюду искореняющей всякий проблеск науки и просвещения»²¹⁸. Гонения на передовую общественную мысль, введение устава с мундирами и карцером вызывали протест в среде студенческой молодежи. «Мы

должны доказать правительственной шайке, — указывалось в листовке киевлян, — что молодая Россия не пойдет на компромисс, что нравственные заушения и возмутительные насилия, которые творят над студентами, выгоняя поголовно из университетов, возбуждая против них общественную травлю, замуровывая в тюрьмах и рудниках, не останутся без отпора со стороны студенчества»²¹⁹.

Поводом к выступлению студентов в Киевском университете послужили действия университетского начальства, которое, опасаясь волнений, отстранило студентов от участия в юбилейных торжествах²²⁰. 300 пригласительных билетов, уже выданных студентам, были затем аннулированы. «Отношение к делу начальства, — признавал Победоносцев в письме Делянову 16 сентября 1884 г., — было отчасти причиной беспорядков»²²¹. Протест против устава 1884 г. не был оглашен на торжественном акте, как предполагалось вначале²²². Он выразился в уличных демонстрациях, окончившихся столкновением студентов с полицией. Университет был закрыт до 1 января 1885 г., все студенты были уволены, часть выслана из города. Впоследствии 78 киевских студентов были приняты в другие университеты при «особом надзоре инспекции» и с предупреждением, что при малейшем нарушении правил они будут уволены²²³.

В начале октября 1884 г. студенты Московского университета выступили с протестом против увольнения киевских студентов и закрытия университета, хотя правительство лихорадочно принимало меры, чтобы не допустить волнений в других университетах²²⁴. Центральный кружок «Общестуденческого союза» в листовке 1 октября 1884 г. призывал студентов бороться за изменение современного политического режима как единственного источника безобразий и выразить в связи с событиями в Киеве протест, который бы имел «характер оппозиции всему русскому политическому строю»²²⁵. Демонстрации московских студентов²²⁶, организованные народолюбцами, были подавлены казаками и жандармами.

Непосредственно против Каткова была направлена демонст-

²¹⁹ «Историк-марксист», 1941, кн. 6 (94), стр. 102.

²²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., оп. 80, 1884 г., д. 695, ч. 1, л. 4. См. также листовку «Русскому обществу от киевских студентов» 8 сентября 1884 г. («Вестник „Народной воли“», 1885, № 4, стр. 168—171).

²²¹ ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, л. 515, л. 24. В таком же духе высказывался и киевский генерал-губернатор А. Дренгелы в секретной записке Д. А. Толстому о волнениях в Киевском университете от 5 октября 1884 г. (там же, ф. 677 (Александра III), оп. 1, л. 565).

²²² ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., оп. 80, 1884 г., д. 695, ч. 1.

²²³ «Сборник постановлений по ММП», т. 10 (1885—1888), стр. 30.

²²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 733, оп. 149, д. 832, л. 2. Телеграммы Делянова попечителям учебных округов.

²²⁵ Н. Бухбиндер. Студенческие волнения в Киеве в 1884 г. — «Каторга и ссылка», 1930, № 5 (66), стр. 102.

²²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., оп. 80, 1884 г., д. 729.

²¹² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 37, л. 4.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же, л. 6.

²¹⁵ «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», стр. 355—357.

²¹⁶ «История Ленинградского университета». Очерки. Л., 1969, стр. 96.

²¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 775; ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, д. 7952.

²¹⁸ Л. Тихомиров. Как живется в России. — «Вестник „Народной воли“», 1885, № 4, стр. 156.

рация 2 октября на Страстном бульваре перед зданием редакции «Московских ведомостей». Катков в 1884 г. призывал «исправлять» студентов «военной дисциплиной». Волнения студентов Московского университета были подавлены²²⁷.

Отсутствие в 1884 г. открытых выступлений в других университетах объясняется не только репрессиями, но отчасти и деятельностью «Союза молодежи» партии «Народная воля», которая отразила некоторый сдвиг в тактике народовольцев. «Союз молодежи» для объединения ценных революционных сил в студенчестве «пропагандой социалистических идей» стремился не допускать напрасной «гибели» студентов в неравной борьбе. «Немалая доля заслуги должна быть приписана «Союзу молодежи» и его пропаганде (в течение года), — признавал позже один из создателей «Союза» Петр Якубович, — в том, что осенью 1884 г. в Петербурге не произошло студенческих беспорядков, подобных киевским и московским»²²⁸.

«Празднество университета св. Владимира, к сожалению, омрачилось прискорбными явлениями неповиновения и буйства со стороны некоторой части учащихся, — писал Десянов в отчете министерства за 1884 г. — Явления эти, позволяю себе надеяться, были последним отголоском упадка дисциплины и внутренних неурядиц, прокрaxившихся в университетскую жизнь в недавно пережитые годы общего колебания идей и ослабления принципа власти в нашем обществе»²²⁹. Министр возлагал надежды на устав 1884 г. Этим надеждам не суждено было осуществиться.

Студенческие волнения во всех университетах России в 1887 г. возникли в обстановке победы реакции при отсутствии организованного массового движения в рабочем классе и крестьянстве²³⁰. Политическая реакция неожиданно натолкнулась на значительное сопротивление студентов, почти официально объявленных «внутренним врагом». Причины студенческого движения до сих пор не получили достаточного освещения в исторической литературе.

Массовое студенческое движение 1887 г. было симптоматично для политического положения 80-х годов. «Тысячи и миллионы нитей, — отмечал впоследствии В. И. Ленин, — связывают учащуюся молодежь с средней и низшей буржуазией, мелким

чиновничеством, известными группами крестьянства, духовенства и т. д. ...если осенью начинает волноваться масса молодежи, наиболее близкой к демократической буржуазии в России... значит прибывает новый порох в пороховницах! значит, не только в студенчестве начинается реакция — против реакции»²³¹. По сравнению с предыдущими выступлениями студентов движение 1887 г. являлось более организованным. В период волнений впервые обнаружили свою силу и организованность студенческие землячества, хотя их междууниверситетская связь «восходит по меньшей мере ко временам еще А. А. Сабурова»²³². Правительство настроенно относилось к любым студенческим организациям, особенно к землячествам, видя в них очаги «преступной пропаганды в империи». В соответствии с уставом 1884 г. «Правила для студентов» рассматривали студентов как «отдельных посетителей» (§ 13). Запрещались любые действия корпоративного характера, «всякие сборища и сходки с целью обсуждения каких-либо дел сообща, произнесение публичных речей, а равно какие бы то ни было денежные сборы» (§ 15). Кара обрушивалась на студентов за участие в тайных кружках и обществах, даже и «не имеющих преступной цели» (§ 16). С начала 1887 г. каждый студент был обязан дать подписку о неучастии в землячествах²³³.

Вопреки всем гонениям организации студентов во всех высших учебных заведениях России усилились к началу 90-х годов. Это вызвало все более растущую тревогу не только администрации, но и либеральной профессуры. «Университет стал походить на «большого человека», который может поддерживать прочный порядок в своих владениях лишь путем чисто внешних репрессий, — вспоминал позднее С. Н. Трубецкой. — Вместе с тем в стенах этого одряхлевшего университета возникло нечто вроде младотурецкой партии в лице централизованной студенческой организации. Эти юные университетские младотурки образовали как бы свой особый университет, со своими особыми руководителями, со своими практическими и непрактическими занятиями, со своей особой наукой — университет вольный и бесшабашный и по-своему довольно прочно организованный на совершенно антиакадемических началах. Такой порядок вещей вызывает понятную скорбь и опасения за судьбы русского просвещения»²³⁴.

Определение роли землячеств в организации студенческих выступлений содержится в листовке «Прощай, Казань»²³⁵. С вве-

²²⁷ 42 студентам было запрещено жить в Москве и Московской губернии. Список исключенных студентов см.: ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., оп. 80, 1884 г., д. 729, лл. 114—120.

²²⁸ Там же, оп. 168, 1885 г., д. 8, л. 256.

²²⁹ «Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1884 г.». СПб., 1887, стр. 8.

²³⁰ Мы не можем согласиться, например, с утверждением о том, что студенческое движение того времени «несло на себе черты того идейно-политического кризиса, который охватил русское революционное движение после 1 марта 1881 г.» или «в эпоху гнетущей реакции 80-х годов XIX века почти не было массового активного студенческого движения» (Р. Г. Жуйкова. Указ. соч., стр. 41, 51).

²³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 219.

²³² Записка Н. А. Любимова «К истории устава университетов 1884 г.» (ЦГИА СССР, ф. 846, д. 40, лл. 124—126).

²³³ «Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу», 1887, № 7.

²³⁴ С. Н. Трубецкой. Университет и студенчество. — «Русская мысль», 1897, кн. 4, стр. 182.

²³⁵ Листовка была составлена казанскими студентами, высланными из Казани за участие в волнениях.

днем устава студенчество в университете подвергалось «деморализующему влиянию инспекции». Профессора призывали студентов к «чистой науке». «Мы не пошли за нашими учителями, — указывалось в листовке, — мы сгруппировались в землячества, твердо веруя, что здесь в товарищеском кругу мы поддержим друг друга, здесь мы найдем также и выход нашим страстным стремлениям к развитию в нас убеждений и взглядов, твердых и честных, но нам запретили организоваться в землячества, грозя исключением! С каждым днем гнет нового устава чувствовался жестче и жестче»²³⁶.

В студенческом движении 1887 г. проявились взаимоотношения профессуры и учащихся. Не только в данной листовке, но и в других студенческих прокламациях этого времени проскальзывает неудовлетворение части студенчества призывами профессоров ограничиться «наукой для науки», призывами к «спокойствию» ради высшего образования. Передовые студенты отвергали такого рода рецепты, они всегда ценили в профессорах «независимость характера перед начальством»²³⁷.

Но не только это. Студенчество ценило также ту атмосферу свободы научного поиска, которая была присуща университетскому преподаванию в целом, оно остро реагировало на отдельные случаи понижения его уровня, на преследования передовых ученых.

В разгар волнений студенты пытались воздействовать на коллегию профессоров, побуждая их к более активному вмешательству. Так произошло, когда группа профессоров поддержала требования студентов об удалении инспектора Брызгалова из Московского университета, где волнения достигли особого размаха²³⁸. Выступление студента Синявского против инспектора Брызгалова не имело характера единичного протеста. Вслед за его арестом начались массовые демонстрации студентов университета. Инспектор Московского университета Брызгалов явился не только рьяным проводником устава в университете, но и призывал министерство к более «твердой» политике в отношении необеспеченных студентов²³⁹. Под влиянием общей обстановки в 80-е гг. и введения реакционного устава в среде студенчества усилилось «правое» течение. Представители привилегированного дворянства, принадлежавшие иногда к высшему аристократическому кругу, посещали лекции только «благонамеренных» профессоров, составив ядро «белоподкладочников», занимавшихся в университете «чем угодно, но только не нау-

кой»²⁴⁰. Инспекция покровительствовала этой «черной накипи, образовавшейся в самых недрах университетской жизни вскоре после введения нового устава»²⁴¹. Дух устава воплотился в деятельности инспектора Московского университета Брызгалова. Наряду с карцером и кондуитом Брызгалов создал хор и оркестр студентов Московского университета. Часть студентов служила опорой инспекции в шпионстве и доносах. На благотворительных вечерах и во время «высочайшего» посещения в мае 1886 г. они демонстрировали верноподданнические чувства, олицетворяя внешний успех и торжество реакции в университетах. В этом отношении Брызгалов продолжил начатое при гр. Игнатъеве с помощью «Лиги студентов»²⁴².

Движение возникло во всех университетах почти одновременно. Начавшись 22 ноября 1887 г. в Московском университете²⁴³, волнения перекинулись в другие университетские города. Несмотря на указания Делянова попечителям Харьковского и Казанского учебных округов — «В случае беспорядков действуйте без послабления»²⁴⁴, — в Харькове волнения вспыхнули 1 декабря, а в Казани 4 декабря. В Новороссийском университете студенческие выступления начались 1 декабря. Хотя студентам было объявлено, что в случае участия их в волнениях они будут лишены стипендий и даже уволены из университета, в С.-Петербурге волнения начались 9 декабря²⁴⁵. Во всех университетах наблюдалось сходство в форме волнений. 22 ноября в зале Московского дворянского собрания во время концерта хора и оркестра университета студент С. Синявский ударил инспектора Брызгалова²⁴⁶. В актовом зале Казанского университета студент К. Алексеев ударил инспектора Потапова. В Харьковском университете ближайшим поводом к волнениям послужило помещение студента в карцер за несоблюдение формы. В С.-Петербургском университете взрыв возмущения был направлен против Владиславлеева, назначенного ректором после 1 марта 1887 г. Во всех университетах первоначально возмущение было направлено против инспекции, университетского начальства, против устава 1884 г. Дальнейшее разви-

²³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 27473.

²³⁷ «Воспоминания о студенческой жизни В. О. Ключевского, П. М. Обнинского, Д. Н. Свербеева, С. М. Соловьева, А. И. Кирпичникова, В. А. Гольцева, Ф. И. Буслая и др.» М., 1899, стр. 92.

²³⁸ См.: П. С. Ткаченко. Указ. соч., стр. 163—166.

²³⁹ ЦГИА СССР, ф. 846, д. 11, л. 21.

²⁴⁰ Б. А. Щетинин. Свобододействующие восьмидесятники. — «Исторический вестник», 1905, кн. 3, стр. 943.

²⁴¹ Там же.

²⁴² «Лига студентов императорского С.-Петербургского университета» была создана для борьбы с революционным направлением в студенческом движении. В фонде Н. П. Игнатъева сохранилась любопытная прокламация от имени «Лиги» с кратким изложением программы (ЦГАОР СССР, ф. 730 (Н. П. Игнатъева), д. 15).

²⁴³ ГИАМО, ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа), св. 343, д. 4141.

²⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 556, д. 176, л. 2.

²⁴⁵ ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, д. 7418.

²⁴⁶ «Оскорбление действием» было распространенной формой протеста со стороны студенчества, участвовавшей со времени второй революционной ситуации.

тие событий, многочисленные сходки и демонстрации солидарности, а также студенческая публицистика выявляют более широкое значение студенческого движения 1887 г. Объективно выступления студенчества 1887 г. были началом политического конфликта. Протест студенчества университетов России в конце 1887 г. перерос рамки «университетской истории», обычных «беспорядков». Университетское студенчество, как указывалось в листовке «К русскому обществу» (январь 1888 г.), «дружным протестом дало своему оскорбителю, гатчинскому олигархическому правительству звонкую пощечину, раздавшуюся по всей Европе»²⁴⁷. В знак солидарности с борьбой в университетах России 23 декабря в Париже состоялся митинг 150 представителей русской учащейся молодежи. В воззвании²⁴⁸ русские студенты Парижского университета приветствовали протест против политики Александра III и выражали сочувствие жертвам произвола. Группа польских студенток и студентов обратилась с адресом (на французском языке) «К нашим товарищам студентам Московского университета». Выражая сочувствие борьбе русских студентов, поляки призывали к дальнейшей совместной борьбе «за нашу и вашу свободу»²⁴⁹.

Отмена реакционного устава 1884 г. и циркуляра 18 июня 1887 г. «о кухаркиных детях» была единодушным требованием студенчества всех университетов. «Знающие, как применяется на практике новый университетский устав,— указывалось в листовке казанских студентов,— легко поймут, что студенческие волнения были логическим следствием попытки безусловного порабощения университетов»²⁵⁰. Студенты Новороссийского университета потребовали у ректора Ярошенко замены устава 1884 г. уставом 1863 г.²⁵¹

Конкретную демократическую программу в университетском вопросе выдвинуло студенчество Казанского университета. 4 декабря общестуденческое собрание поддержало требования, разработанные накануне на сходке группой студентов, в числе которых был В. И. Ульянов²⁵². Студенты Казанского университета в знак солидарности со студенчеством других университетов требовали от правительства возвращения исключенных за участие в волнениях студентов и наказания виновных в «зверских насилиях» над московскими студентами. Реформа универ-

ситетов на демократических началах, разработанная ими, предполагала свободный доступ к высшему образованию, уничтожение высокой платы за обучение, отмену формы и т. п. Каждым университетом «должна заведовать коллегия профессоров совершенно самостоятельно». Студенты выступали против любого контроля за их частной жизнью, за предоставление корпоративных прав студенчеству (кассы взаимопомощи, права сходок и петиций, гласного суда, распределения стипендий)²⁵³. В программе демократизации университетов отразилась большая зрелость движения 1887 г. по сравнению с предыдущими волнениями студентов. «Революционное сознание все более уясняется в массах,— указывалось в листовке «К русскому обществу»²⁵⁴— идея революции становится все более популярной. Дом Романовых сам роет себе могилу»²⁵⁵. Так характеризовался реакционный политический курс Александра III. В студенческой публицистике признавалась «невозможность всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности»²⁵⁶. Движение было протестом не только против инспекции, а «против всего полицейского режима»²⁵⁷, «против общего порабощения России»²⁵⁸.

Массовые студенческие волнения 1887 г. обнаружили провал реакционной политики в отношении университетов. Несостоятельность университетского устава в предотвращении «беспорядков» стала бесспорным фактом. Правительство вынуждено было временно закрыть все университеты (кроме Киевского) с ноября 1887 до конца января 1888 г. Даже ежегодные торжественные акты в университетах были отменены. «Александр III погасил сразу свет науки в своем богоспасаемом государстве,— отмечал либеральный публицист в брошюре, изданной в Женеве,— чтобы в потемках удобнее было покорить свой собственный народ»²⁵⁹. Занятия были возобновлены с 21 января 1888 г. Причем в секретном циркуляре попечителям предлагалось на случай «беспорядков» увольнять и студентов, и преподавателей.

* * *

Политика самодержавия в отношении университетов, репрессии против демократического студенчества являлись наибо-

²⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 27474.

²⁴⁸ Там же, № 12783 (печатано в Парижской типографии Рейффа); № 13156 (ректограф).

²⁴⁹ Там же. Воззвания были посланы по почте в редакции «Недели», «Восточного обозрения», «Вестника Европы» и др., а также в Киев, Казань, Одессу, Тифлис и т. д.

²⁵⁰ «Казанские студенты русским студентам и студентам Парижского университета». 1 января 1888 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 27472).

²⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 556, д. 176, л. 12.

²⁵² «Красный архив», 1934 г., т. 62, стр. 55—63.

²⁵³ Там же, стр. 60; ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 27471.

²⁵⁴ По мнению начальника Самарского ГЖУ, листовка «К русскому обществу» 13 декабря 1887 г. была написана и распространена студентами, исключенными из университетов и проживающими в Самаре.

²⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 делопр., д. 741, л. 15.

²⁵⁶ Там же, ф. 1741, № 27471.

²⁵⁷ Листовка студентов Казанского университета «К профессорам» от 2 декабря 1887 г. (там же, № 21790).

²⁵⁸ «Казанские студенты русским студентам и студентам Парижского университета» 1 января 1888 г. (там же, № 27472).

²⁵⁹ Н. Белоголовый. Студенческие волнения в России и закрытие университетов. Женева, 1888, стр. 1.

лее резкими проявлениями «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»²⁶⁰. Подавление студенческих волнений с помощью полиции и армии, непрерывные исключения и увольнение демократического студенчества и профессуры были своего рода системой в период реакции. «Число ничего не значит,— заявлял Делянов,— для государства полезнее иметь менее учащихся, чем иметь их много, и в числе их много и таких, которые с юных лет заявили себя бунтовщиками... Предоставлять же толпе мальчишек под влиянием разных фантастических и психических раздражений требовать *безнаказанно* отмены уставов и правил было бы равносильно упразднению правительства»²⁶¹. Самодержавие видело в студенчестве лишь «панургово стадо крамолы»²⁶². Оно одинаково не дорожило и выдающимися русскими учеными.

Чем оправдывались репрессии в отношении научной интеллигенции? «Масса ничего не значит,— обращался Делянов к студентам Казанского университета в 1888 г.,— что такое несколько сот и даже тысяч молодых людей в сравнении со ста миллионами русского народа, который видит в государе помазанника божия и свято повинуется ему и исходящим от него законам»²⁶³.

«Преданность» русского народа была скорее желанием правительства, чем действительностью. Однако бесспорно, что разрозненные выступления в крестьянстве и в рабочем классе в 80-х годах не имели массового характера. Правительство использовало внешнее «затишье» в борьбе масс в 80-х годах для жестокой расправы с передовой интеллигенцией.

Размах репрессий, выдававший «переполох правительства», В. И. Ленин объяснял опасностью для самодержавия любой искры общественного протеста: «Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедились в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар»²⁶⁴.

Вопрос об увольнениях студентов в связи с волнениями 1887 г. как проявление реакционной тенденции внутренней политики самодержавия имеет принципиальное значение.

Репрессии во время реакции 80-х годов в отношении студентов усугубляли общее отставание страны. По данным Департамента полиции, за участие в волнениях только в 1887 г. был исключен и уволен 261 студент, или 4,15%²⁶⁵ общего количества университетских студентов.

В записке директора Департамента народного просвещения от 31 августа 1890 г. приводятся данные о количестве студентов в 6 университетах к 1 января 1887 г. и 3 года спустя²⁶⁶:

Университет	Число студентов к 1 января 1887 г.	Число студентов к 1 января 1890 г.
Петербургский	1996	1759
Московский	3182	3471
Казанский	972	697
Харьковский	1513	999
Новороссийский	576	418
Киевский	1864	1908

На протяжении трех лет в Петербургском, Казанском, Харьковском и Новороссийском университетах число студентов значительно сократилось. Увеличение было только в Московском (на 289) и в Киевском (на 44) университетах. Уменьшение числа студентов в Петербургском университете было не только результатом увольнений в конце 1887 г., но и следствием «чистки» университета после 1 марта 1887 г. в соответствии с предложениями Владиславлева²⁶⁷.

При общем состоянии высшего образования в России сокращение числа студентов в университетах было ощутимым уроном для страны.

Реакционность политики самодержавия проявилась также в длительном затягивании открытия Томского университета, с начала XIX века до 1888 года. Тормозящая роль самодержавия становится очевидной, если обратиться к статистике. На один университет в России приходилось 677 337 кв. км территории²⁶⁸, т. е. в 26,3 раза больше, чем в Германии. В последней на один университет приходилось 25 734 кв. км, в Австро-Венгрии — 62 556, в Англии — 28 602, в Швейцарии — 10 336.

При таком разрыве с европейской нормой политика подавления просвещения разоблачает реакционную сущность царизма, на что указывал В. И. Ленин²⁶⁹.

Отставание страны в темпах развития высшего образования вызывало беспокойство в передовых кругах русской общественности.

Русское общество вносило реальный вклад в дело высшего образования, принимая на себя значительную долю расходов²⁷⁰.

²⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 295.

²⁶¹ Черновик секретного письма Делянова Х. Х. Роопу 10 декабря 1887 г. (ЦГАОР СССР, ф. 556, оп. 1, д. 339, л. 2).

²⁶² Там же, л. 1.

²⁶³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 384, л. 72.

²⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 392.

²⁶⁵ А. И. Георгиевский. Указ. соч., стр. 247.

²⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 846, оп. 1, д. 1, л. 61. Там же приводятся данные о Варшавском и Дерптском университетах. В первом изменен за то же время выразилось в цифрах 1352—1071, во втором — 1675—1638.

²⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 677, л. 588.

²⁶⁸ Имеется в виду территория без Сибири и Средней Азии.

²⁶⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 393.

²⁷⁰ Так, например, в 1886 г. в 6 университетах на стипендии было израсходовано 391 955 руб., на единовременные пособия 36 019 руб. 1392 студента по-

В конце 90-х годов в русской печати разгорелась острая полемика о численности русской интеллигенции, причем правая пресса выдвинула версию о «перепроизводстве» в России образованных людей. В ходе дискуссии были приведены факты и цифры о действительном положении и численности обладателей университетских дипломов. Эти материалы косвенно разоблачали и политику правительства в отношении университетов.

* * *

Переплетение сословно-охранительных и буржуазных тенденций в правительственной политике в отношении университетов обусловило ее противоречивость в целом: сохранение зависимости получения чина от уровня образования, с одной стороны, и бюрократическая опека над университетами и административный произвол, — с другой. Все это не позволяет говорить о чисто крепостнической политике самодержавия в новых условиях развития капитализма. Она имела своим объектом школу, обслуживающую запросы уже не феодального, а буржуазного общества.

Правительству не удалось перестроить систему университетского образования в соответствии с «видами» реакционной части дворянства.

Несоответствие прогрессивных требований организации преподавания и науки политике самодержавия имело в дальнейшем трагические последствия для страны, особенно остро проявившиеся в период первой мировой войны.

лучали стипендии и 692 — пособия. 2898 студентов было освобождено полностью или частично от платы за лекции. Материальная помощь студентам складывалась из государственных средств и общественной помощи. Как признавалось в отчете министра народного просвещения, в состав общей стипендиальной суммы вошло около 200 тыс. руб. из государственного казначейства и столько же из других источников, т. е. полученных от общественных и сословных учреждений, обществ, имевших при университетах своих стипендиатов, а также из процентов с пожертвованных частных капиталов («Извлечение из всеподданнейшего отчета... за 1886 г.», стр. 29).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль пореформенных университетов в общественно-политической жизни определялась глубокими объективными предпосылками. Не только собственно университетские проблемы лежали в основе университетского «кризиса», особенно обострившегося к началу XX в. Неразрешенность противоречий общества, в котором развитие капитализма сдерживалось крепостническими пережитками, отсутствие в тот период политических свобод — создавали в России последней четверти XIX в. напряженный политический климат. Даже во время реформ 60-х годов правительство, по словам В. И. Ленина, «с самого начала и до самого конца отрезывало всякий легальный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями даже на простые ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе»²⁷¹.

Борьба по университетскому вопросу была тесно связана с общественно-политической борьбой пореформенной эпохи. Эта борьба протекала в рамках второго этапа освободительного движения в России. С выдвижением на арену политической борьбы рабочего класса университеты в какой-то мере теряют свою особую роль в общественно-политическом движении.

Предпосылкой демократизации университетов могло быть только дальнейшее реформирование государственного строя. В конкретных условиях конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. решение назревших задач общественного развития зависело от победы революционного движения. Одной из особенностей второй революционной ситуации была активная революционная борьба, отмеченная В. И. Лениным²⁷², в которой также непосредственно участвовали студенты университетов, а в профессорских коллегиях проявилось сочувствие либеральному лагерю. Отсюда и первоочередность мер, обрушенных реакцией против демократической интеллигенции, а также то

²⁷¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 62.

²⁷² См.: там же, стр. 39.

огромное значение, какое придавалось насаждению официальной идеологии.

Официальная идеология «самодержавия, православия, народности» распространялась на различных уровнях образования (высшего, среднего и начального) прежде всего и главным образом через систему Министерства народного просвещения. Эта сторона деятельности ведомства была традиционной.

В сфере образования, в первую очередь высшего, наиболее отчетливо смыкались охранительная политика царизма с сословно-кастовыми устремлениями правого крыла дворянства. Самодержавие пыталось путем ограничений в системе образования «подморозить Россию», а реакционное дворянство стремилось к монополии на высшее образование, роль которого в пореформенное время повысилась вследствие роста потребности в интеллигентском труде. Престиж высшего сословия в понимании его идеологов требовал сохранения и дальнейшего расширения дворянской монополии в области высшего образования. Вот почему остро стоял в министерстве просвещения вопрос о зависимости чинов от образовательного ценза. Вот почему так последовательно, хотя и не вполне успешно, проводился курс на изменение социального состава учащихся.

Значительная роль представителей студенчества в революционном движении определенно сказалась на реставрационно-охранительной политике правительства. «Ни один вопрос в настоящее время не имеет для нас столько важности, как вопрос учебный»²⁷³, — так еще в 70-е годы определил значение охранительной политики самодержавия один из его идеологов М. Н. Катков. Поставить преграду для роста влияния «умственного пролетариата» (здесь имелось в виду демократическое студенчество) — было одним из основных призваний Министерства народного просвещения.

Реакция, сменившая общественно-политический подъем, была следствием расстановки классовых сил в стране. Слабость дворянской реакции выразилась в том, что к пересмотру основной реформы 60-х годов правительство не могло приступить в силу необратимости социально-экономического развития. Эпоху буржуазных реформ 60-х годов открыла отмена крепостного права. «Возвратное» движение 20 лет спустя началось прежде всего с печати и просвещения.

Устав 1884 г. — одно из первых звеньев политической реакции Александра III — резко обнажил правительственную линию в высшем образовании, переплетение в ней сословно-охранительных и буржуазных тенденций. Симптоматично, что переход к реакции сопровождался значительными разногласиями в «верхах», наиболее острыми в начале 80-х годов. Столкновение

правительственных группировок по университетскому вопросу объясняется в конечном счете расхождением дворянства под воздействием капиталистического развития. Ни одна из программ правительства, подходившего к решению проблем образования и науки как к административным вопросам, не соответствовала в полной мере задачам демократизации университетов.

Даже в условиях спада революционного движения самодержавию не удалось осуществить требования реакционного дворянства. Невозможность их реализации в полном объеме отразил провал в 1884 г., одновременно с принятием устава, проекта закона об отдаче участников студенческих волнений в солдаты. Придать университетскому образованию сословный характер в условиях капиталистического развития в России не удалось. Реакционное меньшинство в Государственном совете потерпело поражение при решении вопроса о введении в России государственных экзаменов, с которыми связывались задачи изменения социального состава студенчества (экзамены в особых комиссиях при университетах представляли собой разновидность университетских испытаний с возросшим контролем правительства). Социальный состав студенчества оставался демократическим. Основной тенденцией в изменении преподавательского состава университетов оставалось увеличение разночинских элементов в среде преподавателей. На протяжении последней четверти XIX в. в среде университетской интеллигенции произошло снижение удельного веса представителей поместного дворянства с 10% (в 1875 г.) до 7% (в 1904 г.). Анализ послужных списков преподавателей позволяет видеть в этих тенденциях одну из особенностей формирования русской буржуазной интеллигенции в последней четверти XIX в.

Надежды правящих кругов на умиротворение университетов, на устойчивость системы, вводимой не только уставом, но и огромным числом циркуляров и административных распоряжений 80-х годов, не сбылись. Ряд положений устава 1884 г., неприемлемых на практике, был отменен. Не оправдал себя мелочный контроль за действиями факультетов. Не имела успеха реорганизация историко-филологических факультетов на основе классицизма.

Вопреки политике самодержавия университеты продолжали оставаться ведущими центрами передовой научной мысли.

Выключить университеты из общественно-политического движения не удалось. Характерная для дворянской реакции реформа, когда вместо разрешения противоречий они загонялись вглубь, имела следствием сохранение оппозиционных настроений в университетах. Проявления их в профессорской среде стали более скрытыми. Но при этом они охватили не только либеральных, но и часть консервативно настроенных преподавателей.

²⁷³ «Московские ведомости», 27 марта 1871 г.

Общественно-политическая роль пореформенных университетов выразилась во взаимодействии революционного и студенческого движения. Активность студентов в народнических организациях 80-х годов, возникновение социал-демократических групп среди студенчества свидетельствовали о сохранении этой роли и в дальнейшем. Острота социальных противоречий в стране была столь велика, что, несмотря на репрессии, студенческое движение 80-х — начала 90-х годов достигло значительного развития. Выступления студенчества, одного из самых активных социальных слоев, служили симптомом кризиса внутренней политики самодержавия.

Ограничиться только констатацией проявлений слабости дворянской реакции, на наш взгляд, нельзя. Вредные последствия ее для развития университетов были неисчислимы. Они выразились в понижении уровня преподавания в университетах, в удалении крупных ученых, в тяжелом экономическом положении научных центров, в массовых увольнениях студентов.

Бессилие бюрократии в отношении университетов было проявлением общей несостоятельности самодержавия в управлении государством. Запоздалое признание вообще «ошибочности» политики контрреформ прозвучало на заседании Комитета министров 11 января 1905 г. С. Ю. Витте вынужден был открыто заявить, что университетская контрреформа, в частности, способствовала вовлечению массы студенчества в политическое движение.

Университетский устав 1884 г. и циркуляр о «кухаркиных детях» 1887 г., будучи наиболее типичным выражением реакции в области просвещения, как и вся политическая реакция 80-х годов, объективно содействовали падению престижа самодержавия в различных классах общества.

- Абаза А. А. 93, 94
 Абашев Д. Н. 57
 Александр II 9, 34, 35, 79, 84—88, 99, 103, 111, 123
 Александр III 9, 14, 19, 24, 25, 30, 78, 86, 100—110, 121, 126, 130, 132, 142—156, 162, 169, 172, 178, 180, 202, 204, 209, 219, 224
 Александров Н. А. 185
 Алексеев К. 217
 Андреев К. А. 185
 Андреевский И. Е. 28
 Антонов В. С. 76
 Антонович В. В. 186
 Анучин Д. Н. 182, 183
 Анфимов А. М. 101
 Анфимов Я. А. 185
 Аргушинский-Долгоруков П. М. 183
 Арсеньев К. К. 54, 122, 124, 126, 159
 Астахов В. И. 15, 80
 Афанасьев А. П. 99
- Бабет Н. К. 54
 Бабухин А. И. 39
 Багалей Д. И. 10, 159, 163, 185 ■
 Базанов И. А. 185
 Базаров А. И. 49
 Балусев Б. П. 121
 Баршев С. И. 49
 Бахрамова М. Е. 188
 Бекетов А. Н. 39, 43, 45, 60, 63
 Бекетов Н. Н. 39, 51
 Берви-Флеровский В. В. 171
 Березной И. С. 80
 Бестужев-Рюмин К. Н. 39, 52
 Бисмарк Отто Эдуард Леопольд 108
 Благоев Д. Н. 210
 Блан Луи 148
 Богданов А. П. 51
 Богинич В. В. 40, 49
 Богораз-Тан В. Г. 31
 Бодуэн де Куртень И. А. 89
 Бодянский О. М. 55.
 Бредихин Ф. А. 39
 Брыгагалов А. И. 29, 173, 179, 216, 217
- Бузескул В. П. 10, 161, 171, 186
 Бунге Н. X. 26, 84, 93, 94, 133, 134, 175
 Буслев Ф. И. 39, 216
 Бутлеров А. М. 39, 43, 51
 Будинский П. Н. 177, 178
- Валк С. Н. 14, 104, 209
 Валуев П. А. 19, 27, 72, 76, 82, 105
 фон Валь В. В. 81
 Вальтер А. П. 57
 Ванновский П. С. 130
 Варадинов Н. В. 42, 61
 Введенский А. А. 186
 Введенский Н. Е. 176
 Вересаев В. В. 89
 Вериго А. А. 49, 66
 Вернадский В. И. 11, 16, 163, 164, 186
 Виноградов П. Г. 11
 Винпер Р. Г. 182
 Витте С. Ю. 7, 226
 Владимиров Л. Е. 166
 Владимирский-Буданов М. Ф. 186
 Владиславлев М. И. 23, 157, 167, 171, 202, 217
 Всеяков А. И. 166
 Волконский М. С. 85, 130, 199
 Воробьев В. А. 11
 Воскресенский А. А. 43, 45, 60, 61, 63
- Гезен А. М. 42, 60, 61, 62, 63, 157
 Гезехус Н. А. 173
 Георгиевский А. И. 21, 42, 60—68, 77, 127, 142, 157, 179, 220
 Герд Р. Р. 184
 Герцен А. И. 148
 Герценштейн М. Я. 117
 Герье В. И. 28, 39, 54, 56, 57, 66, 92, 183
 Головкинский Н. А. 40, 51, 54
 Головин А. В. 19, 26, 27, 36, 48, 54, 94, 133—135, 142, 143
 Голубев А. Е. 55
 Градовский А. Д. 39, 84, 95, 125, 167
 Гредескул Н. А. 186

Гриневицкий И. И. 209
Грот Н. Я. 179
Груббер В. Л. 84

Даниельсон Н. Ф. 173
Данилевский А. Я. 54
Делянов И. Д. 13, 21—26, 30, 42, 56,
60—68, 82, 86, 94, 110, 115, 128,
130—143, 145, 149, 162, 172, 176—
180, 203, 213, 214, 220

Демченко В. Г. 187
Денисов Я. А. 182
Днятин И. И. 178
Дмитриев С. С. 15
Дмитриев Ф. М. 54
Дмитриев-Мамонов А. И. 173
Добролюбов Н. А. 148, 209, 212
Довнар-Запольский М. В. 186
Догель А. С. 173
Докучаев В. В. 40, 51, 163, 166
Долгоруков В. А. 179
Долгоруков Я. А. кн. 175
Дорджеев Н. Н. 49
Достоевский Ф. М. 148
Драгоманов М. П. 40
Дрентельн А. Р. 23, 213
Дурново И. Н. 140, 142

Егоров Ю. Н. 71
Ефрон Ю. А. 30, 202

Желябов А. И. 98, 108, 209
Жуйкова Р. Г. 208
Жуковский Н. Е. 182, 183, 186

Зайончковский П. А. 14, 15, 36, 87,
101, 202, 205
Зайченко П. А. 15, 79, 173
Залесский С. И. 173
Засулич В. И. 6, 7, 108, 122, 210
Зейфман Н. В. 199
Златовратский Н. Н. 148
Золя Эмиль 148

Иванчин-Писарев А. И. 30
Иконников В. С. 40, 52, 183, 186
Имшенецкий В. Г. 55
Иностранцев А. А. 166
Исаков Н. В. 93, 134
Итенберг Б. С. 76

Кавелин К. Д. 10, 116
Каманин И. М. 185
Камоско Л. В. 74
Капнист П. А. 77, 130, 171
Капустин М. Н. 42, 54, 60
Каракозов Д. В. 36, 75
Катков М. Н. 13, 19, 24, 25, 33, 66,
77, 93, 96, 102—111, 120, 123, 126,
130, 133—136, 139, 140, 142, 154,
172, 178, 180, 213, 214, 224

Кауфман И. И. 184, 185
Кауфман М. П. 134
Каханов М. С. 134
Кашенко Н. Ф. 186
Кесслер К. Ф. 40
Клоссовский А. В. 176
Ключевский В. О. 75, 157, 182, 183,
185, 216
Ковалевский А. О. 40, 66
Ковалевский М. Е. 134
Ковалевский М. М. 66, 153, 173, 177
Коган-Бернштейн Л. М. 95, 96
Коновалов М. И. 166
Корбут М. К. 15, 55, 70, 80, 167, 178,
180, 208
Корелин А. П. 35
Коржинский С. И. 173
Коркин А. Н. 51
Коркунов А. П. 185
Коркунов Н. М. 167
Косович К. А. 45, 60, 63
Костомаров Н. И. 39
Котляревский А. А. 40
Кремлев Н. А. 45, 60, 61, 63, 166
Крестьянский Я. С. 57
Крячун А. В. 15, 80
Кузнецов Л. А. 29
Кузьмин В. И. 175
Курлов М. Г. 186

Лавров П. Л. 30
Лавровский Н. А. 172
Лагермарк Г. И. 49, 50
Лассаль Фердинанд 148
Лауденбах Ю. П. 185
Лебедев В. А. 167
Лебедев П. Н. 153, 163, 185
Левитский П. И. 55
Лейкина-Сверская В. Р. 16, 49, 70,
166, 167, 189
Ленин В. И. 3, 5, 7, 8, 12, 21, 33,
51, 52, 54, 69, 70, 80, 100, 101, 118,
119, 123, 128, 131, 170, 188, 189,
207, 211, 214, 215, 218, 220, 221, 223
Леонтопич Ф. И. 45, 60, 63
Леонтьев К. И. 102, 104, 106, 108
Леонтьев П. М. 55, 116
Лесгафт П. Ф. 54
Лесков Н. С. 148
Леш Ф. А. 175
Лешков В. Н. 54
Ливен А. А. 93, 94
Ливиниченко И. А. 160
Лопатин Г. А. 118
Лорис-Меликов М. Т. гр. 14, 19, 81—
83, 85—88, 93, 94, 97—101, 129
Лугинин В. Ф. 182, 186
Лучицкий И. В. 40, 186
Любавский М. К. 182, 185

Любимов Н. А. 25, 42, 43, 56—66,
116, 121, 130, 142, 143, 162, 174

Марковников В. В. 39, 52, 55
Маркс К. 6, 148, 149, 171, 173, 210,
211
Мартенс Ф. Ф. 50, 51
Мезенцев Н. В. 75
Мельгунов С. П. 12, 92, 100
Менделеев Д. И. 39, 40, 49, 51, 153,
163, 169, 174, 206
Мензбир М. А. 182
Меньшиков А. И. 54
Мечников И. И. 40, 129, 172
Мещерский В. П. кн. 33, 147, 201, 202
Мигулин П. П. 185
Миллер В. Ф. 186
Миллер О. Ф. 39, 180
Милль Джон Стюарт 148
Миллюков П. Н. 10
Милютин Д. А. 19, 26, 92—94, 97, 103,
134, 143
Минаев И. П. 167
Минаков П. А. 185
Мирошников И. Я. 15, 80
Михаил Николаевич вел. кн. 134, 143
Михайлов М. И. 148
Модестов В. И. 39
Морозов Н. А. 30
Мочульский В. Н. 186
Муромцев С. А. 173, 187

Набоков Д. Н. 131, 134
Наполеон I 61
Небольсин Г. П. 134
Нечаев С. Г. 75, 209
Нечкина М. В. 75
Никитин П. В. 157
Николай А. П. бар. 113, 115, 133—
135, 139, 142
Николай I 12, 17, 94, 110, 115, 132, 146
Никонов С. А. 29
Новгородцев П. И. 182, 185
Новиков И. П. 60, 63, 64
Новицкий Г. А. 15

Обручев Н. Н. 134
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 186
Овсянников Ф. В. 39, 41, 51, 167
Озеров И. Х. 182, 185, 206, 207
Оржевский П. В. 176
Орлов В. И. 13
Осокин Е. Г. 45, 63
Островский М. Н. 131

Павлов П. В. 51
Пазухин А. Д. 110
Пален К. И. 77
Паткавов К. И. 50, 167
Пергамент М. Я. 185
Перетц Е. А. 86, 134

Петерсон Н. П. 106
Петр I 61, 96
Петриев В. М. 186
Петров Ф. А. 98
Пирогов Н. И. 92
Писарев Д. И. 148
Питра А. С. 43, 45, 60, 63
Плеве В. К. 23
Плеханов Г. В. 30, 31, 77, 78, 146,
147, 210, 211
Пободоносцев К. П. 13, 16, 25, 26,
86, 93, 94, 100—105, 108, 109, 128,
130—136, 140, 143, 200, 213
Подбельский П. П. 96
Покровский М. Н. 12, 13, 149
Полевой Ю. З. 210
Половцов А. А. 26, 27, 133, 137, 138,
142, 143
Полонский Л. А. 88
Поляков А. С. 209
Поляков С. Л. 118
Полянская Л. И. 21
Помяловский И. В. 157
Попов И. И. 210
Посников А. С. 129, 172
Посыет К. Н. 93, 131
Поталов Н. Г. 217
Потебня А. А. 39
Преображенский В. В. 129, 172
Прибылов А. В. 29, 76
Прудон Пьер 148
Пэтрик Э. (Alston Patrick) 16, 17, 88,
89, 100

Распопин В. Т. 210
Рахманинов И. И. 43, 45, 60, 63, 84
Рачинский С. А. 26, 54, 137
Редин Г. К. 185
Редкин П. Г. 60
Рейтерн М. Х. 131
Рождественский С. В. 36, 37, 165
Романович-Славатинский А. В. 28, 51,
60, 156
Рысаков Н. И. 108
Рябикова Т. Б. 71

Сабуров А. А. 89—98, 100, 215
Салищев Э. Г. 173
Салтыков-Щедрин М. Е. 119, 126
Сватков С. Г. 172, 174, 177
Северцов А. Н. 186
Семевский В. И. 174
Сергеевич В. И. 39
Сеченов И. М. 40, 162
Спирковский И. А. 186
Сивинский А. Л. 179, 216, 217
Склифосовский Н. В. 41, 52, 171
Сладкович Н. Г. 15, 79
Смит А. Г. 184
Смит Адам 148, 149

Соловьев В. С.	109
Соловьев С. М.	39, 53, 54, 60, 66, 216
Соловьев Ю. Б.	16
Сонин А. И.	182
Сосновский М. И.	209
Спенсер Герберт	148
Срезневский И. И.	39
Старицкий Е. П.	134
Стасюлевич М. М.	102, 109, 124
Степняк-Кравчинский С. М.	117, 133
Столетов А. Г.	39, 160, 174
Стояновский Н. И.	134
Суворин А. С.	33
Сумцов Н. Ф.	10, 186
Суханов Н. Е.	98
Сухомлинов М. И.	39
Табашников И. Г.	185
Таганцев Н. С.	39
Тимирязев К. А.	16, 153, 162, 164, 174, 186, 193, 206
Тихомиров Л. А.	30, 212
Ткачев П. Н.	75
Ткаченко П. С.	13, 15, 79, 208, 216
Толстой Д. А.	13, 36, 55, 60, 68, 73, 83, 85, 88, 103, 109—115, 120, 122, 127, 129, 131, 134, 136, 138—141, 144, 145, 148, 170, 224
Толстой Л. Н.	121, 208
Томса В. Б.	49
Томсон А. И.	185
Трубейкой С. Н. кн.	11, 182, 186, 203, 206, 215
Украинцев В. В.	74
Ульянов А. И.	23, 209
Умов Н. А.	182, 183
Усов С. А.	62, 64, 66
Фаминцын А. С.	39, 52, 164
Федосеев Н. Е.	210
Феокистов Е. М.	24, 86, 87, 103
Феофилактов К. М.	49
Фигнер В. Н.	98
Филиппов Т. И.	109, 139, 140
Фирсов Н. А.	178
Флери П. И.	49
Флоринский В. М.	28, 60, 73, 79, 129, 173
Франьоли А. А.	209
Фриш Э. В.	134
Фроммет Б. Р.	12
Хвольсон Л. А.	49
Хейфец М. И.	14, 87
Цветаев И. В.	183, 185
Цветков И.	90
Ценковский Л. С.	39
Цехановецкий Г. М.	170, 171
Цитович П. П.	166, 174, 177
Чебышев П. Л.	39, 43
Чернов В. Е.	185
Чернышевский Н. Г.	88, 148, 174
Чичерин Б. Н.	9, 10, 54, 59, 66, 91, 103, 105, 123, 124, 143, 144
Чугунов А. К.	43
Шахматов А. А.	164
Шебеко Н. И.	21, 173
Шелгунов Н. В.	208, 209, 212
Шестаков И. А.	130
Шестаков П. Д.	28, 88, 95
Ширинский-Шихматов А. П.	60, 61, 63
Штернберг П. К.	182, 183
Шувалов П. А. гр.	138
Щеголев П. Е.	27
Щелков И. П.	170
Щербakov А. Я.	179
Щетины Б. А. кн.	28, 29, 217
Эвечник С. Л.	16, 70, 102, 133
Эймонтова Р. Г.	38, 39, 47, 126
Энгельс Ф.	6, 7, 209, 210, 211
Эрингсон Л. К.	40, 89
Юзефович М. В.	106
Яворский И. Л.	186
Ягич И. В.	49
Якобий А. И.	55
Яковенко Е. И.	209
Яковлев-Богучарский В. Я.	27
Якубович П.	214
Янжул И. И.	156
Ярошенко С. П.	66, 129, 218
Ясинский М. Н.	185

Введение	3
Историография	6
Обзор источников	18
Глава I. Университеты в 70-х годах XIX в. и политика самодержавия	34
1. Университетский вопрос в 70-х годах XIX в. и политика царизма	34
2. Профессура и отношение университетских корпораций к политике самодержавия	49
3. Социальный состав студенчества и студенческое движение	69
Глава II. Общественно-политическая роль университетов и политика самодержавия в конце 70-х — начале 80-х годов	81
1. Университетский вопрос в период второй революционной ситуации	81
2. Особенности внутренней политики начала 80-х годов. Проект университетского устава	101
3. Передовая русская общественность начала 80-х годов об университетах	116
4. Борьба правительственных группировок. Обсуждение проекта устава в Государственном совете	127
Глава III. Университеты в 1880-х — начале 1890-х годов и устав 1884 г.	146
1. Политика самодержавия в отношении университетов. Структура университетов	146
2. Проведение в жизнь устава 1884 г. Влияние его на характер и организацию преподавания в университетах	154
3. Положение профессоров в 80—90-е годы XIX в. Проявления оппозиционных настроений в коллегиях профессоров	164
4. Социальный состав и положение университетских студентов в 1880—1890-х годах. Студенческое движение	188
Заключение	223
Указатель имен	227

Щетинина Галина Певдоронна
УНИВЕРСИТЕТЫ В РОССИИ
И УСТАВ 1884 ГОДА

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редакторы издательства *В. Г. Детков, М. М. Медведев*
Художник *Г. Г. Михайчев*
Художественный редактор *В. А. Чернецов*
Технические редакторы *Т. А. Прусакова, О. М. Гуськова*
Корректоры *Е. И. Белоусова, А. Д. Полосова*

Сдано в набор 15/VIII 1975 г.

Подписано к печати 17/XII 1975 г.

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 16.
Т-18386. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 2743. Бумага № 1.
Цена 1 р. 01 к.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-90, Шубинский пер., 10